

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2016

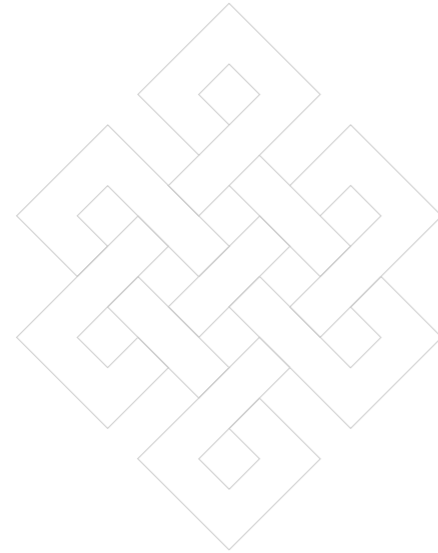
№ 2

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

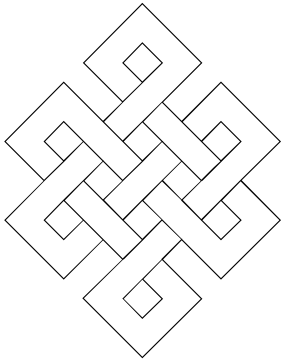
№2
2016

www.nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2016

№ 2

www.nit.tuva.asia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Левин Теодор, Дартмаус колледж, США

Юдин Борис Григорьевич, Институт философии Российской академии наук

Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии

Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич, Республика Тыва, Россия

Донахо Брайан, Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия

Мажитов Саттар Фазылович, Международный институт интеграции социогуманитарных исследований "Интеллект Орда", Казахстан

Отрощенко Иванны Витальевна, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины

Луков Валерий Андреевич, Московский гуманитарный университет

Попков Юрий Владимирович, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Захаров-Гезехус Илья Артемьевич, Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова Российской академии наук

Дацышен Владимир Григорьевич, Сибирский федеральный университет, Россия

Федотова Валентина Гавриловна, Институт философии РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хомушку Ольга Матпаевна, Тувинский государственный университет, Россия

Монгуш Марина Васильевна, Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Россия

Намруева Людмила Васильевна, Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

Балакина Галина Федоровна, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук,

Сузукей Валентина Юрьевна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Харунова Марианна Монге-Байыровна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия

Макаров Владимир Сергеевич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажая Чимиза Кудер-ооловна, Московский гуманитарный университет, Россия

Издатель - редакция журнала «Новые исследования Тувы».

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Индексация журнала: РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar.

В оформлении обложки номера использована фотография Май-оола Чооду, Тува, Россия

EDITORIAL COUNCIL

Theodore Levin, Dartmouth College, United States

Boris G. Yudin, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia

Kaadyr-ool A. Bicheldey, Republic of Tyva, Russian Federation

Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

Sattar F. Mazhitov, International Institute for integration of social and humanitarian studies "Intellect Horde", Kazakhstan

Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine

Valery A. Lukov, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

I'ia A. Zakharov-Gezekhus, Vavilov Institute of General Genetics Russian Academy of Science, Russian Federation

Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation

Valentina G. Fedotova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

Marina V. Mongush, D. Likhachev Institute Cultural and Natural Heritage, Russian Federation

Lyudmila V. Namrueva, Kalmyk Institute for the Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Galina F. Balakina, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Valentina Yu. Suzukey, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Marianna M.-B. Harunova, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation

Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

CHIEF EDITOR

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Publisher - Editorial Board of the journal «The New Research of Tuva».

New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.

The journal is published quarterly.

Специальная тема номера
**«Этносоциальные процессы
современной Тувы»**
Ответственный редактор — доктор
философских наук, профессор
Ю. В. Попков,
Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск, Россия.

Special theme issue
of **«Ethnosocial processes in
contemporary Tuva»**
Edited by Yuri V. Popkov, Doctor
of Philosophy, Professor, Institute
of Philosophy and Law, Siberian
Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk

Этнос и общество

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Юрий В. Попков

Институт философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук

Ethnicity and society

ETHNOSOCIAL PROCESSES IN SIBERIA: TOPICAL ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

В статье обобщаются результаты проводимых под руководством автора представителями Новосибирской научной этносоциологической школы многолетних теоретических и эмпирических исследований этносоциальных процессов в Сибири и сопредельных регионах. Используются материалы организованного в 1999–2001 гг. экспертного опроса по оценке состояния и тенденций этносоциального развития отдельных народов Сибири (Тыве, Хакасии, Бурятии, Алтае и в Эвенкийском автономном округе) в 1990-е гг. (780 чел.), экспертного и массового опросов 2013–2014 гг. по вопросам этносоциального развития и этнонациональной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Новосибирской области и Республике Алтай (всего более 2 тыс. чел.), экспертных опросов (2011–2016 гг.) представителей государственных (региональных) и муниципальных органов управления из разных регионов Сибирского федерального округа по диагностике этносоциальной ситуации и оценке актуальных вопросов текущей этнонациональной политики (всего более 120 чел.).

Этносоциальные процессы интерпретируются не

The article brings together the outcomes of a number of studies conducted by the Novosibirsk school of ethnosociological research and led by the author. For many years, the school has been involved in theoretical and empirical research of ethnosocial processes in Siberia and neighboring regions. In this article, we also make use of an expert survey on assessing the state and trends in ethnosocial developments of peoples of Siberia during the 1990s (Tuva, Khakassia,

Buryatia, Altai and Evenk Autonomous Okrug; the survey was held in 1999–2001 and covered 780 participants); expert and mass survey on ethnosocial development and ethnosocial policy held in Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Novosibirsk Oblast and Altai Republic in 2013–2014 (over 2000 participants); and expert surveys of civil servants on the regional and municipal levels in various regions of the Siberian Federal District (2011–2016, 120 participants were asked to assess the ethnosocial situation in their region and the current ethnonational policy).

Ethnosocial processes are to be understood as a

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

Popkov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Deputy Director for Research, Head, Sector of Ethno-Social Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaeva st., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

как взаимосвязь социальных и этнических процессов, а как система трансформации взаимодействующих этносоциальных субъектов. Этносоциальные процессы не тождественны этносоциальным изменениям, а представляют собой единство устойчивости и изменчивости в разных своих проявлениях, в том числе в рамках их «вертикального структурирования»: от этноэкологических и этнодемографических процессов до этнополитических и этноправовых.

Показано, что отдельный этносоциальный процесс следует выделять и дифференцировать не по этническому или социальному основаниям, а по территориальной локализации. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, которое бывает, как правило, не моноэтническим, а полиэтническим, межэтническим. Его развитие определяется взаимодействием конкретных этносоциальных субъектов. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать анализ взаимосвязанного развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Обобщение результатов конкретных исследований позволило выделить характерные для 1990-х гг. негативные тенденции этносоциального развития народов Сибири: ренатурализация хозяйства (тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования), деградация села и его моноэтнизация, концентрация отдельных групп городского населения по этническому признаку, усиление социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к социальным благам и др.

Современная этносоциальная ситуация в Сибири характеризуется разной степенью остроты межрегиональных отношений в отдельных регионах, неблагоприятной динамикой этих отношений (которая стабилизировалась лишь в последние два года), миграционными процессами как одним из главных факторов напряженности, более низким уровнем благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего русских, по сравнению с приезжими, преимущественно недоброжелательным отношением принимающего сообщества к мигрантам. Обоснована важная роль органов власти и их престижа в формировании гражданского единства и общенациональной идентичности.

Ключевые слова: этносоциальные процессы; этнос; этническая общность; межэтническое сообщество; межэтнические отношения; миграция; Сибирь; народы Сибири; Тува; Алтай; Хакасия; Бурятия; Эвенкия; Югра; тувинцы; национальная политика

system of mutual transformation of ethnosocial subjects in the course of their interaction, rather than as simply a connection between separate social and ethnic processes. Furthermore, ethnosocial processes do not imply transformation only; they feature a balance between changeability and continuity under various guises, including their 'vertical structuring' from ethno-environmental and ethno-demographic issues to ethno-political and ethno-legal ones.

We have shown that a single ethnosocial process should be described and differentiated by its territorial location, rather than its ethnic or social basis. This allows us to represent the local community in its integrity. As a rule, it is rarely monoethnic, and frequently polyethnic or interethnic. The community develops through interactions between its ethnosocial subjects. Hence, any description of an ethnosocial process should include analyzing the intertwined development of a number of ethnicities (or ethnic groups) that all together make up the local (or regional) interethnic community.

By generalizing the outcomes of the empiric studies, we can single out the negative trends in the ethnosocial development of peoples of Siberia in the 1990s. These trends include the return to subsistence farming as the basis of survival, degradation and monoethnization of the countryside, ethnicity-based clustering in urban areas, increased social distance between ethnic groups on the basis of their representation in the institutions of regional and local power, as well as access to social benefits, etc.

Contemporary ethnosocial situation in Siberia can be described as a combination of such factors as various degrees of tension in interethnic relations in regions of Siberia, negative dynamics of these relations (although stabilized in last two years), migration as a major factor of tension, lower feeling of social security of permanent population, especially ethnic Russians, as compared to migrants, and the negative attitudes to migrants in host communities. We make a special focus on the role of authorities and their prestige for building the feeling of civil unity and national civic identity.

Keywords: ethnosocial processes; ethnicity; ethnic community; interethnic community; interethnic relations; migration; Siberia; peoples of Siberia; Tuva; Altai; Khakassia; Buryatia; Evenkia; Yugra; Tuvans; ethnonational policy

Введение

«Этнический бум», «этнический парадокс современности» «этнический ренессанс», — наиболее распространенные характеристики ситуации, связанной с ростом этнического самосознания и готовностью многих народов защищать ценности национальной (этнической) культуры и особые права на ее сохранение в условиях нарастания глобализационных процессов, которые неизбежно сопровождаются интеграцией, унификацией и массивификацией культур.

В то же время глобализация ведет к становлению не унифицированного и однородного, как это представлялось ранее, а внутренне различенного единства, в котором национальные (этнические) общности сохраняют себя в качестве измененных и обогащенных в процессе взаимодействия и взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Формируемая в процессе глобализации новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия. Осознание данного факта привело к принятию на уровне мирового сообщества в лице его наиболее представительных организаций важных решений, среди которых отметим Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) и провозглашение в 2002 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития, который отмечается ежегодно 21 мая.

В рамках общей культурной сложности современного мира этнокультурная сложность имеет особое значение, поскольку возникающая в современных условиях напряженность межэтнических отношений рождает множество проблем, в том числе создающих реальную угрозу безопасности отдельных регионов и целых государств. Причем, такая ситуация обычно связана не столько с собственно этнокультурными, сколько с этносоциальными проблемами и недостаточной урегулированностью этносоциальных процессов.

Проблемы межэтнических отношений как важной составляющей этносоциальных процессов существуют практически во всех государствах, которые в той или иной степени являются полиэтническими. Как показал опыт, развитие демократии, научно-технического прогресса и модернизации на фоне глобализационных трендов не снимает вопросы этносоциального развития, а, напротив, часто обостряет их. Поэтому управление соответствующими процессами является важнейшей составляющей внутренней политики большинства современных государств. При этом наблюдается заметное изменение принципов, лежащих в его основе. Даже США, долгое время считавшими себя единой нацией, отказались от политики «плавильного котла», не справившегося с задачей «переплавки» расово-этнической многокультурности и создания единой гомогенной культуры, и перешли к идеологии «миски салата», которая исходит из признания наличия этнокультурного многообразия. Но серьезные проблемы самим этим фактом не преодолеваются. Об этом недавно красноречиво выска-

зался известный С. Хантингтон: «Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США и в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного» (Хантингтон, 2008: 33–34).

Россия, пережившая распад СССР, в 1990-е гг. прошла испытание не только «шоковой терапией», либерализацией, кардинальными социально-экономическими и политическими трансформациями, но также обострением межнациональных отношений и существенными изменениями характера этносоциальных процессов. Относительная стабилизация этносоциальной ситуации в 2000-х гг. создала у органов власти иллюзию благополучия в данной сфере, которая развеялась после событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Стало ясно, что этнонациональная политика и состояние тех процессов, которые она регулирует — важнейшая, требующая постоянного внимания и корректировки составляющая национальной безопасности России.

Острота этносоциальной ситуации различается в разных регионах страны. Сибирь отличается относительным благополучием. Тем не менее, изучение этносоциальных процессов в данном регионе представляется важным и с научной, и с практической точек зрения, поскольку Сибирь характеризует не только ресурсную и геополитическую доминанту России, но и пространство многовекового взаимодействия представителей разных народов (славянских, тюркских, угро-финских, монгольских, палеоазиатских и др.) и разных религий (христианства, мусульманства, буддизма, традиционных и новых верований). Здесь уживаются различные хозяйственные уклады и экономические структуры, традиционная и современная культуры, присутствуют все существующие в России формы территориально-административного устройства — республики, края, области, автономные округа. Поэтому результаты исследования тенденций в сфере этносоциального развития Сибири могут быть достаточно репрезентативными для всей России. Одновременно они должны стать основой для определения регионально обусловленных ориентиров этнонациональной политики, наряду с общестратегическими.

Содержащие в данной статье результаты во многом являются итогом обобщения теоретических и многочисленных эмпирических исследований, проводимых с начала 1990-х гг. под руководством автора представителями Новосибирской научной этносоциологической школы.

Понятие этносоциальных процессов

Несмотря на широкое использование в научном дискурсе понятия этносоциальных процессов, оно до сих пор не получило сколько-нибудь строго обоснования и часто употребляется несистемно, интуитивно. И это несмотря на

то, что еще тридцать лет назад главный специалист СССР в области этнической проблематики академик Ю. В. Бромлей посвятил этносоциальным процессам специальную монографию (Бромлей, 1987). Правда, стоит отметить, что в самой этой книге достаточной ясности по данному вопросу нет. Так, этносоциальные процессы он, с одной стороны, отождествляет с национальными процессами, с другой стороны, при их эмпирической характеристике ограничивается описанием того, что принято относить к этническим (а не этносоциальным) процессам: внутриэтнической консолидации, этнической ассимиляции, межэтнической интеграции, этнической конверсации. Собственно этносоциальные процессы в строгом смысле этого слова выделить и охарактеризовать не удалось. Показательно, что позднее в словаре «Этнические и этносоциальные категории» каждому из обозначенных этнических процессов посвящена отдельная статья, тогда как понятие «этносоциальные процессы» вообще не рассматривается (Этнические и этносоциальные категории, 1995).

Содержательная интерпретация понятия этносоциальных процессов до сих пор остается серьезной теоретической проблемой. Ранее нам вместе с Е. А. Тюгашевым уже приходилось ее обсуждать при рассмотрении концептуальных вопросов предмета этносоциологии (Попков, Тюгашев, 2009). Обратим внимание на наиболее важные аспекты этой темы.

Прежде всего, о понятии этносоциального. Наиболее распространенной является трактовка его как единства этнического и социального. Такое представление было исходным для отечественной традиции. Оно имело место, прежде всего, при обсуждении предмета этносоциологии, которая рассматривалась как пограничная научная дисциплина, изучающая «социальные процессы в этническом разнообразии и этнические процессы с учетом социального» (Дробижева, 2005: 14–15; см. также: Социальное и национальное ..., 1973).

Противопоставление социального и этнического неявно генерирует «асоциальное» понимание этнического, что нельзя считать оправданным. С позиций наук об обществе этносы (этнические общности), которые попадают в поле их зрения, безусловно, являются общественными «телами», воплощающими в себе тотальность социума, разных сфер общественной жизни. В этом отношении правомерно говорить об этносах как разновидностях локальных человеческих сообществ. Будучи внутренним моментом социального, этническое является также социальным. Поэтому некорректно говорить о взаимосвязи «этнического» и «социального» как внешнеположенных друг другу субстанций. Все этнические параметры являются «собственно социальными», в свою очередь социальные параметры фиксируются у конкретных этнических объектов.

Насколько оправданным в данном контексте является понятие этносоциального процесса? Казалось бы, если этническое есть модус социального, или, наоборот, если социальное есть интегральный эффект взаимодействия этнических субъек-

тов (этнического), то наблюдается излишнее удвоение субстанций. Вместе с тем образ этносоциального процесса как протекающего в рамках этноса социального процесса (то есть взятого в его этнической модальности) уже не представляется противоречивым. Это есть «микроскопический» этносоциальный процесс. Соответственно, в качестве «макроскопического» этносоциального процесса может рассматриваться целокупный социальный — всемирно-исторический — процесс, носителями которого являются этносоциальные субъекты, к которым можно отнести этносы (этнические общности), этнические группы и т. п. В этом случае можно говорить о развитии общества как этносоциальном процессе в масштабе Земли (см. подробнее: Попков, Тюгашев, 2009). Заметим, что одна из последних работ Ю. В. Бромлея, написанная вместе с Р. Г. Подольным, имеет характерное название «Человечество — это народы» (Бромлей, Подольный, 1990). Составляющие глобальный этносоциальный процесс конкретные подпроцессы (различного уровня и масштаба) могут быть эмпирически выделены, соответственно, посредством их локализации, т.е. привязки к ландшафтам.

В свое время евразийцы уловили «земной» характер культуры этнических общностей. В самом широком понимании изначально культура есть развивающееся единство ландшафта и этноса в их качественной специфике, взаимообусловленности и интегральности. Этническая культура объективируется в культивировании природы местообитания, в культурном ландшафте. Соответственно, каждый автохтонный этнос является субъектом месторазвития, а его представители — консолидированные местообитанием и солидарные в месторазвитии — носителями общей культуры, специфицирующей отдельный этнос по отношению к другим этносам.

Становление этнических общностей, их устойчивость и особенности определяются природно-ландшафтными предпосылками (разные естественные условия формируют различающиеся этнические культуры). В свою очередь их сходство и развитие обеспечивается благодаря социальным взаимодействиям (взаимодействиям с себе подобными), то есть внешним (межэтническим) взаимодействиям, в результате которых и формируется этническая социальность.

Вместе с тем обратим внимание на то, что отдельный этносоциальный процесс следует выделять и дифференцировать не по этническому или по социальному основаниям, а по территориальной локализации. Не случайно обычно говорят об этносоциальных процессах в отдельных регионах страны или мира. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, которое под влиянием миграций бывает, как правило, особенно в современных условиях, не моноэтническим, а полиэтническим, межэтническим. Его развитие определяется взаимодействием конкретных этносоциальных субъектов. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Всякое межэтническое сообщество есть продукт межэтнических взаимодействий. В свою очередь, последние, взятые не только функционально, но и генетически, то есть в развитии, следует рассматривать как некоторый процесс, в рамках которого взаимодействие этносоциальных субъектов является условием внутреннего развития каждого из них. Еще один важный вопрос — как понимать сам процесс. В свое время Ю. В. Бромлей при определении предмета этносоциологии, которая, по его убеждению и должна изучать этносоциальные процессы, говорил о задаче выявления особенностей этнических изменений в различных социальных группах и своеобразия социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов (Бромлей, 1987: 161). Таким образом, процесс сводится у него к комплексу взаимосвязанных изменений, что не вполне корректно.

На самом деле этносоциальный процесс как целое есть единство изменения и покоя, изменчивости и устойчивости. Ограничивать этносоциальные процессы взаимосвязью этнических и социальных изменений значит исключать из него результаты этих изменений, в том числе и самих субъектов, межэтнические взаимодействия, межэтнические отношения, этносоциальные ситуации и т. п. Кроме того движение, зафиксированное как момент (покой), может, на наш взгляд, рассматриваться в качестве некоторого «тела». Поэтому «тело» правомерно интерпретировать как определенным образом организованный процесс, а процесс — как систему находящихся в движении «тел». Циклически повторяющийся этносоциальный процесс структурируется в иерархию внутренних и внешних по отношению к нему процессов (подпроцессов). Совокупность этих этносоциальных процессов в своем кругообороте составляют этносферу социума. В обществе как процессе этносоциального движения «телами» выступают этносы.

Таким образом, в рамках рассматриваемой темы реализуется представление об обществе как этносоциальном процессе, предполагающем взаимообусловленное, взаимозависимое развитие этнических общностей в составе межэтнического сообщества на разных уровнях организации — локальном, региональном, национально-государственном, а также цивилизационном и общемировом.

С учетом того, что этнос характеризует тотальность социума, а этническое пронизывает разные сферы общественной жизни, этносоциальные процессы в их «вертикальном структурировании» можно представить как образующее некоторую целостность множество подпроцессов — от этноэкологических и этнодемографических до этнополитических и этноправовых, о чем будет сказано далее.

Проблемное поле исследования этносоциальных процессов

Более двадцати лет представители Новосибирской научной этносоциологической школы очерчивают предметную область своих исследований понятием «этносоциальные процессы». Его выбор, изначально не имевший солидного теоретико-методологического обоснования и диктовавшийся исследовательской практикой, потребностью найти рамочное понятие для интеграции разноплановых по своей конкретной проблематике этносоциальных исследований в Сибири, в конечном счете, вполне оправдал себя. Базовым коллективом этой школы является сектор этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Помимо постоянных теоретических и эмпирических этносоциальных исследований мы в сотрудничестве с коллегами из разных регионов с 1996 г. проводим Международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири», материалы которого издаются в виде тематического сборника с одноименным названием (О секторе, Электр. ресурс).

Обобщая результаты проведенных за это время исследований, можно выделить следующую «вертикальную» структуру (составляющие) этносоциальных процессов — своеобразное проблемное поле рассматриваемой темы (каждый выделенный показатель имеется в виду в этносоциальном аспекте).

Этнодемографические и этномиграционные процессы:

- › динамика численности отдельных народов и этнических групп;
- › поло-возрастная структура;
- › уровень рождаемости, смертности, продолжительности жизни;
- › структура семьи, семейно-брачные отношения;
- › репродуктивные установки;
- › семейные ценности;
- › миграционные процессы и их влияние на разные стороны жизни межэтнических сообществ, включая расселение по этническому принципу.

Этноэкономические процессы:

- › традиционное природопользование и традиционное хозяйство в современных условиях;
- › экологическая культура;
- › существующие формы собственности;
- › новые формы хозяйства коренных народов и их влияние на трансформацию образа жизни;
- › рынок труда и проблемы занятости;

- › тенденции социально-экономического развития и их влияние на динамику межэтнических сообществ.

Социальное развитие:

- › этническая стратификация;
- › уровень и качество жизни различных этнических групп;
- › человеческий потенциал;
- › разделение труда по этническому признаку;
- › социальные последствия рыночных преобразований для представителей разных этнических групп.

Этнокультурное развитие:

- › этническое сознание и самосознание, этническая идентичность в системе идентичностей;
- › система ценностей и ценностных ориентаций;
- › этноязыковые процессы;
- › проблемы образования, этнопедагогики;
- › этносоциальные аспекты бытовой культуры;
- › этноконфессиональные процессы;
- › социальные аспекты фольклора, искусства;
- › актуальные нормативные системы, их взаимодействие.

Этнополитическое развитие и этноправовое регулирование:

- › государственная национальная политика;
- › особенности региональных моделей этнополитики;
- › формы национально-территориальной и национально-культурной организации этносов;
- › позитивное право в отношении народов;
- › обычное право;
- › правовое регулирование этносоциального развития;
- › этническая самоорганизация и самоуправление.

Национальные отношения:

- › этнические стереотипы (авто- и гетеростереотипы);
- › этническая комплементарность (симпатии — антипатии);
- › интернационализация и интернационализм;

- › межэтническая напряженность: формы, причины, факторы;
- › межэтнические конфликты;
- › способы разрядки межэтнической напряженности.

Очевидно, приведенный перечень не дает абсолютно полную характеристику этносоциальных процессов, но он позволяет составить представление о его наиболее значимых составляющих и задает содержательный вектор рассмотрения анализируемой темы.

Проблемы и тенденции этносоциального развития народов Сибири в 1990-е гг.

На этносоциальные процессы влияют многие факторы: общие мировые тенденции, экономическая и национальная политика государства, особенности регионального этнокультурного массива, миграционные процессы, исторический опыт совместного проживания разных народов на данной территории. В разные периоды они действуют неодинаково. Особое место в истории не только России, но и Сибири занимают 1990-е гг. Самыми мощными по силе своего воздействия на существующую ситуацию оказались политические и экономические факторы. Стимулируемые процессами вестернизации радикальные либеральные реформы этого периода проводились без учета цивилизационной специфики России и региональных этнокультурных особенностей. Будучи неоднозначными по своим этносоциальным последствиям, они породили проблемные и зачастую парадоксальные ситуации во всех сферах и на всех уровнях внутри- и межэтнических взаимодействий.

Прежде всего, обратим внимание на общие доминирующие тенденции развития, так или иначе проявляющиеся в Сибири, в отдельных ее регионах и у конкретных народов (Попков, Тюгашев, Костюк, 2006).

Для демографических процессов во многих регионах характерными стали депопуляция населения, его естественная убыль, особенно среди русских. Существенно снизились качество и уровень жизни вследствие обнищания населения, высокого уровня заболеваемости, алкоголизации, нервных, психических расстройств и др. Ухудшились показатели общего здоровья населения. Возник кризис семьи, выросло число разводов, повысился уровень внебрачной рождаемости, увеличилось количество неполных семей и незарегистрированных браков. Трансформировались базисные семейные ценности: при сохранении высокой значимости наличия собственных детей ослабевает стремление иметь мужа (жену), состоять в зарегистрированном браке (см. об этом, в частности: Гончарова, Савельев, 2004).

В экономической сфере на фоне постепенного формирования рыночных структур и роста предпринимательской активности населения, расширения внешнеэкономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья

произошла деградация производственной инфраструктуры многих промышленных, прежде всего высокотехнологичных, сельскохозяйственных и традиционных отраслей. Резко сократилось количество рабочих мест, увеличилось число безработных. Существенно снизился удельный вес работников квалифицированного труда в материальном производстве. При этом произошел рост числа работников сферы управления и органов правопорядка. Занятость значительной части местного населения сузилась по преимуществу до сферы традиционной хозяйственной деятельности — сбора дикоросов и заготовки сырья, охоты, рыболовства, скотоводства, часто в рамках натурального хозяйства. При неразвитых рыночной инфраструктуре и транспортной сети преобладающая часть сельского населения поставлена в условия самовыживания и натурального обмена. В то же время основная доля капитала сконцентрировалась в руках небольшой группы людей, произошла его криминализация. Тотальная приватизация привела к фрагментации экономических связей, росту экономической обособленности отдельных народов, этнических групп, семей.

В социальных процессах доминирующей стала тенденция усиливающейся стратификации, фрагментации и замкнутости отдельных социальных групп и индивидов. Одним из следствий затяжного экономического кризиса стало масштабное снижение не только степени занятости, но и денежных доходов, уровня и качества жизни большинства населения. В отдельных регионах Сибири у 2/3 жителей денежные доходы упали до уровня, не позволяющего оплачивать необходимые услуги и удовлетворять базовые потребности в приобретении продуктов питания, промышленных товаров. Массовым иллюзорным способом ухода от жизненных трудностей стал алкоголизм, который превратился в одну из наиболее острых социальных проблем.

В этнокультурных процессах наряду с ростом национального самосознания, усилением внимания населения к национальным языкам, культуре, истории народов, традиционным верованиям, активизацией деятельности национально-культурных общественных объединений получили распространение проявления национализма и сепаратизма, этнофобий и этноцентризма, национального нигилизма и нетерпимости.

Говоря о политических процессах, следует отметить, что характерные для первых лет реформ политическая активность, оживление национально-демократических движений, рост доверия к новой власти и определенный социальный оптимизм в отношении будущего своих народов сменились в конце XX в. глубоким разочарованием большинства населения политикой властей: усилилась политическая пассивность или агрессивность, во властных структурах произошло возрождение трайбализма и элементов авторитаризма. В отдельных регионах широкое распространение получило болезненное для постсоветского периода общественно-политическое явление — клановость во власти как отражение тенденции архаизации общественной жизни (см.: Ламажаа, 2010).

Конечно, не везде и не во всех сферах ситуация по преимуществу негативная. В ряде регионах во второй половине 1990-х гг. оживились традиционные отрасли хозяйства коренных народов (это наиболее ярко проявилось на Ямале, где, в частности, возросла, в отличие других регионов, численность домашних оленей), увеличились отчисления в местные бюджеты и расходы на социальную сферу, сохранение и развитие языков, традиционной культуры, искусства коренных народов. В сфере образования больше внимания стали уделять изучению этнической культуры и этнопедагогике. В большей степени это характерно для благополучных в экономическом отношении регионов. К ним принадлежат, как правило, те, основой специализации которых является добывающая промышленность, связанная с освоением месторождений нефти, газа и редких металлов. Прежде всего, это Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха (Якутия).

В то же время существуют примеры совсем иного плана. Для иллюстрации положения в экономической сфере приведем динамику производства основных видов промышленной продукции в Республике Тыва за 1990-е гг. (табл. 1). Эту динамику можно оценить как катастрофическую: почти по всем видам продукции показатели 2000 г. не превышают 5% от уровня 1990 г., а по некоторым принципиально важным для населения они не составляют и 1%.

Таблица 1. Производство важнейших видов промышленной продукции в Республике Тыва
Table 1. Production of most important industrial goods in the Republic of Tuva

Виды продукции	1990 г.	2000 г.	2000 г. в % к 1990 г.
Каменный уголь, тыс. т	1068	523	49
Асбест сортовой, тыс. т	135	2,2	1,6
Кирпич, млн шт.	45,3	1,2	2,6
Пиломатериалы, тыс. м ³	156,4	8,9	5,7
Трикотажные изделия	45,5	0,1	0,2
Обувь кожанная, тыс. пар	68	0,1	0,15
Мясо и субпродукты, тыс. т	10,1	0,5	5,0
Цельномолочная продукция, тыс. т	28,1	2,0	0,7
Колбасные изделия, т	2146	31	1,4

(Тува за 80 лет ... , 2001: 49).

О негативных тенденциях свидетельствуют не только цифры статистики, но и результаты наших социологических исследований. Так, в 1999–2001 гг. в республиках Тыва, Хакасия, Бурятия, Алтай и в Эвенкийском автономном округе

сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством автора вместе с коллегами из этих регионов был проведен опрос, задача которого состояла в выявлении мнения экспертов о состоянии и тенденциях этносоциального развития народов в 1990-е гг.

Использовались четыре группы показателей — социально-экономические (квалификация работающих, жилищные условия, состояние сельскохозяйственного/традиционного производства, занятость населения, денежные доходы), социально-демографических (уверенность в будущем, правонарушения, преступления, здоровье населения, пьянство, наркотизация), социально-политических (состояние межнациональных отношений, участие в управлении государством и в местном самоуправлении, отношение к федеральным и местным властям), социально-культурных (этническое самосознание, тяга к традиционным верованиям, развитие духовной культуры, знание национального языка, преподавание национального языка в школе, уровень общего и профессионального образования). Всего было опрошено 780 чел., в основном представителей политической и гуманитарной элиты, руководителей различных организаций. 80% экспертов — из титульных этносов обследованных регионов.

Почти по всем параметрам первых трех групп показателей эксперты дали крайне негативную оценку и лишь большинство показателей развития духовной культуры оценивались положительно. В целом, мнение экспертов достаточно адекватно отражает противоречивость происходящего, в частности разнонаправленность динамики материальных (социально-экономических, социально-демографических, социально-политических) и духовных составляющих этносоциальных процессов — соответственно деградацию первых и оживление вторых. Данное обстоятельство создает дополнительную негативную нагрузку на состояние внутреннего потенциала обследованных титульных этносов. Не случайно, исследование зафиксировало высокую степень озабоченности населения относительно перспектив своего развития: многие считали, что будущее их этносов находится под угрозой (исключение составили буряты).

Под влиянием проводимой в 1990-е гг. государственной экономической и национальной политики в регионах Сибири проявились многие негативные тенденции этносоциального развития, наиболее тревожными из которых можно назвать следующие:

- ренатурализация хозяйства как тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования больших масс населения;
- деградация села, массовое и неконтролируемое перемещение наиболее энергичной и способной части сельского населения в крупные населенные пункты, усиление моноэтничности села;
- концентрация отдельных групп городского населения по этническому при-

знаку;

– углубление внутренней дифференциации отдельных этносов на основе родоплеменных структур;

– обострение внутренних противоречий, усиление борьбы за власть, активизация клановости;

– рост социальной дифференциации и разделения труда по этническому признаку;

– усиление социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к образованию и другим социальным благам.

Важно обратить внимание на то, что сразу после суверенизации отдельных регионов Сибири в форме республик не только в повседневной управленческой практике, но и в законодательстве многих из них отразилась четкая ориентация не на равноправие народов, а на безусловный приоритет интересов титульных этносов. В одной из статей настоящего выпуска журнала этот процесс подробно анализируется применительно к Туве (Тарбастаева, 2016: Электр. ресурс).

Роль миграций в современной этносоциальной динамике Сибири

Прежде чем коснуться современной ситуации по заданной проблеме, обратим внимание на то, что миграция (внутренняя и внешняя) всегда играла важную роль в формировании этнокультурной мозаики Сибири и ее этносоциальном развитии. Не углубляясь в древнюю историю, отметим, что с момента присоединения Сибири к России в XVI в. определяющее значение для развития коренных народов принадлежит взаимодействию с русским населением, которое по своей численности стало здесь преобладать над коренным уже в конце XVII в. (История Сибири, 1968: 56). На протяжении веков в Сибири рядом друг с другом живут народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития. Еще со времен Российской империи была принята мудрая концепция (как бы мы сейчас сказали) национальной политики в регионе: не сильно вмешиваться в образ жизни местного населения, но при этом обеспечить всем защиту, ввести всех в единое правовое поле. Власть действовала по принципу «Интеграция без ассимиляции», который в настоящее время является востребованной и желаемой, но часто недостижимой во многих регионах мира формулой общежития. И такая политика дала результат — коренные народы Сибири включились в процесс развития государственности России, стали ее частью. Но при этом не чувствовали себя ущемленными в плане своей самобытности. В результате отсутствовала почва для устойчивых массовых конфликтов на национальной почве.

Интенсивное промышленное освоение Сибири в советский период было связано с активной миграцией сюда людей разных национальностей из многих регионов СССР. Современный облик Сибири — как социально-экономический, так и этнокультурный — во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной, чем большинство других регионов России. При этом в целом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием открытых межнациональных конфликтов.

Комплекс вопросов, характеризующих современные тенденции развития этносоциальных процессов в Сибири, подробно рассматривался нами ранее совместно с Е. А. Тюгашевым в ряде публикаций (Попков, Тюгашев, 2014: Электр. ресурс; Этносоциальные процессы и этнонациональная ... , 2015: 106–129). Здесь остановимся на некоторых, наиболее значимых моментах.

Особенностью сибирского этнокультурного массива является сохранившееся вплоть до настоящего времени и отмечавшееся ранее доминирование русского населения. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири составляла 75% всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84%. Общая численность русских составила здесь в 2010 г. около 25,1 млн человек, а число представителей коренных народов в совокупности равно 2,2 млн.

В отдельных регионах Сибири доля русского населения за последние три десятилетия претерпела изменение. Увеличение численности русских имеет место, например, в таких субъектах федерации, как Алтайский край (с 1979 по 2010 гг. доля русских увеличилась здесь с 89,6 до 93,9%), Омская область (с 80,3 до 85,8%), совсем незначительно увеличилась их доля в Республике Хакасия (с 79,4 до 81,7%), в Ямало-Ненецком автономном округе (с 59,0 до 61,7%). Вместе с тем в этот период доля русского населения устойчиво снижалась в большинстве национальных образований: в республиках Алтай (с 63,2 до 56,6%), Бурятия (с 72,0 до 66,1%), Тыва (с 32,0 до 16,3%), Саха (Якутия) (с 50,4 до 37,8%), в Ханты-Мансийском автономном округе (с 74,3 до 68,1%).

Тем самым можно зафиксировать процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами. Причем, здесь действует две основные тенденции: уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагоприятных регионах происходит главным образом за счет выезда русских оттуда, а в экономически благополучных регионах — за счет более активной миграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего из республик Кавказа, Средней Азии и др.

Сжатие русского массива сопровождается увеличением численности многих коренных народов Сибири. Так, с 1989 по 2010 гг. численность якутов (в границах России) увеличилось с 380,2 тыс. человек до 478,1 тыс., бурят — с 417,4 до

461,4 тыс., тувинцев — с 206,2 до 263,9 тыс., ненцев — с 34,2 до 44,6 тыс., эвенков — с 29,9 до 38,4 тыс., хантов — с 22,3 до 30,9 тыс., манси — с 8,3 до 12,3 тыс. В то же время для некоторых народов характерно сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири — ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасан, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение в местах их традиционного проживания, в пределах своих национально-территориальных образований. Данное обстоятельство облегчает возможность этнической мобилизации этих народов и является важным политическим фактором этносоциального развития современной Сибири. При этом доля представителей титульных народов в составе населения соответствующих республик в последнее время заметно растет (в 2010 г. доля бурят достигла 30%, алтайцев — 33,9%, якутов — 49,9%, тувинцев — 82%; доля хакасов, при том, что она является в целом небольшой, достигла 12,1%). Налицо тенденция «титулизации» населения, которая свойственна многим национальным республикам других регионов России, в частности, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

В Сибири данная тенденция наиболее выражена в Республике Тыва. Об этом красноречиво говорят цифры, отражающие долю тувинцев в общей численности населения. Можно привести и другие данные. Как отмечает В. С. Кан, если перепись 2002 г. зафиксировала в республике представителей 112 национальностей, то в 2010 г. — только 87. Тувинцы составляют 99% жителей в 11 из 17 районов республики, где почти все они не знают русского языка, говорят только на тувинском. Это создает основу для этнической замкнутости, а незнание русского языка существенно ограничивает для многих тувинцев возможности социальной мобильности и карьерного роста. Автор делает важный вывод: активный отток русских из Тувы, продолжающийся до сих пор, «не только отражает остроту социально-экономических проблем, но и усугубляет их» (Кан, 2015: 131–132).

Несмотря на относительно спокойный межэтнический климат, исследователи фиксируют наличие в Туве латентной напряженности в отношениях между представителями двух основных этнических групп — тувинцами и русскими. Главными факторами этой напряженности признаются социально-экономические проблемы (Анайбан, Балакина, 2015: 93). Интересными представляются также результаты исследований (представленных и в настоящем выпуске журнала), которые свидетельствуют о разной степени и характере адаптации тувинцев и русских Тувы к рыночной экономике (Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, Кылгыдай, 2016: Электр. ресурс).

Важно обратить внимание на еще одну важную тенденцию, а именно: возрастание доли тюркского и сокращение славянского этнодемографического компонентов в общей численности населения Сибири. Так, проведенный нами анализ

данных последних переписей населения (начиная с 1989 г.), касающихся динамики этнической структуры республик и автономных округов Южной Сибири и Республики Саха (Якутия), показал следующие характерные изменения:

- снижение общей численности и доли представителей славянских этносов,
- рост численности представителей тюркских народов,
- увеличение численности и доли всех титульных этносов в соответствующих национальных образованиях,
- заметное увеличение численности представителей тюркских этносов, имеющих собственные государства за пределами России (например, численность азербайджанцев увеличилась более чем в 3,5 раза).

Если доля славян во всех данных регионах на протяжении 1970–1980 гг. стабильно удерживалась на уровне 64–65%, а тюрков — 32–33%, то в 2002 г. их доли были равны соответственно 60 и 40 %. За период с 1989 по 2002 гг. славян уменьшилось, а тюрков увеличилось примерно на 7% (подробнее см.: Попков, Тюгашев, Костюк, 2006). В дальнейшем эта тенденция сохранилась.

Этносоциальная ситуация и этнонациональная политика в оценках населения и экспертов

Изменение этнической структуры Сибири определяется не только внутрирегиональными, но и внешними миграциями, основной поток которых после распада СССР идет из регионов Кавказа и Средней Азии. Активные миграционные процессы в постсоветский период оказали существенное влияние на этносоциальную ситуацию в регионах Сибири. Произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах всего макрорегиона, но и на локальном уровне. В последнем случае это касается тех территорий и конкретных населенных пунктов, которые являются привлекательными для мигрантов. Изменилась привычная этническая структура, усилилась тенденция к расселению и концентрации людей в сфере занятости по этническому признаку. Усложнились межэтнические контакты, усилилась напряженность в межэтнических сообществах. Как показывают результаты наших исследований в разных регионах Сибири, именно с мигрантами местные жители связывают имеющие место факты межэтнической напряженности.

Так, сравнительный анализ результатов проведенных в 2013–2014 гг. под общим руководством автора массовых и экспертных опросов (организатор массового опроса — Е. А. Ерохина) по вопросам этносоциального развития и этнонациональной политики в отдельных регионах Сибири — Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, Новосибирской области и Республике Алтай (всего опрошено более 2 тыс. чел.) — выявил ряд важных особенностей и тенденций:

- 1) разную степень остроты межнациональных отношений в регионах;

- 2) неблагоприятную динамику этих отношений в оценках массового и экспертного сознания;
- 3) миграционные процессы как один из главных факторов напряженности;
- 4) более низкий уровень благополучия в социальном самочувствии местного населения, прежде всего русских, по сравнению с приезжими;
- 5) преимущественно недоброжелательное отношение принимающего сообщества к мигрантам;
- 6) признание большинством опрошенных необходимости мер по ограничению притока мигрантов в их регионах.

Следует отметить, что исследования подтвердили зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его социальной привлекательности. В условиях свободной (стихийной) территориальной мобильности чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социальная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

В нашем случае самым беспокойным в сфере межэтнических отношений оказался наиболее развитый в социально-экономическом отношении регион — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Именно здесь в большей мере проявляются все обозначенные выше проблемные зоны. Например, свыше 60% опрошенных негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время и 43% прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности самой основной признается приток мигрантов. Главным образом с мигрантами связывается в округе и наличие национального вопроса. Новосибирская область отличается чуть меньшей степенью социального напряжения. В отличие от них в Республике Алтай иная ситуация. 60% опрошенных считают, что межэтнические отношения в регионе стабильные и за последние 2–3 года не изменились. Многие говорят о низком уровне конфликтности этих отношений, а приток внешних мигрантов не рассматривается в качестве значимой причины межэтнической напряженности. Здесь гораздо более весомой проблемой считается внутренняя миграция из села в город, точнее говоря, в Горно-Алтайск как единственный город в республике, а также борьба различных кланов за престижные места в органах власти. Русские респонденты выражают озабоченность непропорционально высоким представительством алтайцев в республиканских структурах управления (согласно данным последней переписи,

русских в республике 57% от общей численности населения, алтайцев — 34%, но в органах власти последние, по экспертным оценкам, составляют примерно 60%). Важным фактором межэтнической напряженности являются выборы, во время подготовки к которым многие претенденты в ходе своей предвыборной кампании пытаются разыгрывать «этническую карту» (подробнее по этим и другим вопросам заявленной теме см: Этносоциальные процессы и этнонациональная..., 2015).

Заметим, что другие исследователи также фиксируют в качестве проблемы доминирование представительства титульного этноса в важных, прежде всего, правительственных структурах власти Республики Алтай (Эшматова, 2015: 124). Эта проблема существует также в других регионах (Очирова, 2013: 183–187). Подробный анализ формирования политических элит в республиках Бурятия, Тыва и Саха (Якутия) анализируется в статье В. М. Очировой (Очирова, 2016: Электр. ресурс), а этнонациональной политики в республике Алтай — С. А. Мадюковой и О. А. Персидской в данном номере журнала (Персидская, Мадюкова, 2016: Электр. ресурс).

Сделаем акцент на том, что обострение межнациональных отношений не всегда связано с интенсивным притоком мигрантов в данный регион по причине его социально-экономического благополучия. Пример Тувы показывает обратную зависимость — рост напряженности в депрессивном регионе, не являющемся привлекательным для мигрантов. Однако и в данном случае напряженность напрямую касается миграционных процессов, но уже противоположной направленности — активного оттока русских из республики. Стимулируемые этим оттоком «титулизация» тувинцев и понижение статуса русских негативно влияют на их социальное самочувствие, вызывая разного рода недовольства и неудовлетворенность.

Таким образом, можно сделать вывод, что интенсивные миграционные процессы, будь то приток или отток населения, негативно влияют на состояние отношений в межэтническом сообществе, поскольку механизмы адаптации людей к новой, быстро меняющейся этносоциальной ситуации, не могут перестраиваться мгновенно.

Далее обратим внимание на некоторые результаты специального экспертного опроса, ежегодно проводимого автором с 2011 г. среди государственных и муниципальных служащих из разных субъектов федерации Сибирского федерального округа, представляющих структуры управления, отвечающие за национальную политику, межнациональные отношения, связи с общественными организациями (всего опрошено более 120 чел.). Опрос проводился во время курсов повышения квалификации по вопросам национальной политики, которые организованы Сибирским институтом управления Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

Федерации (г. Новосибирск).

В целом можно говорить об уменьшении за последние пять лет количества критических оценок разных аспектов этносоциальной ситуации и актуальных проблем национальной политики в Сибирском федеральном округе. Если в 2011–2013 гг. многие респонденты склонялись к негативному восприятию динамики соответствующих процессов, то опрос 2015 г. дает основание для вывода о некоторой стабилизации этносоциальной ситуации в отдельных регионах Сибири, как она представляется данной группе экспертов. Например, в оценке динамики межэтнических отношений за последние 2–3 года 46% опрошенных отмечают их стабильность, неизменность, 25% — их улучшение и только 14% — ухудшение. Среди опрошенных в 2016 г. только 4 % фиксируют ухудшение ситуации. В то же время многие проблемы продолжают оставаться актуальными. Отметим наиболее значимые из них.

По оценке экспертов, главные изменения в этносоциальной ситуации в их регионах касаются увеличения доли мигрантов и концентрации людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях. В 2016 г. более половины из них отметили улучшение межэтнических отношений. Среди основных причин, которые вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей, называются значительное увеличение доли мигрантов, уменьшение социальной защищенности населения и несовершенство национальной политики. Единицы экспертов зафиксировали в целом положительное отношение населения к мигрантам в своем регионе. Наиболее важные причины негативного отношения местного населения к мигрантам связываются с изменением привычной этнической структуры под влиянием миграционных процессов и с нежеланием (или неумением) этнических мигрантов адаптироваться к местным условиям. В вопросе о том, в каких сферах и по какому поводу могут возникать проблемы и конфликты на национальной почве, эксперты выделяют главным образом повседневную бытовую жизнь, молодежную среду, места компактного проживания мигрантов и разборки этнических криминальных групп, борьбу за власть во время подготовки к выборам.

Проводимая государственная национальная политика в настоящее время, то есть спустя более двух лет после принятия Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2015 г. и региональных планов мероприятий по ее реализации, а также утверждения федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», по-прежнему оценивается в основном как не всегда последовательная и эффективная, причем это касается и федерального, и регионального уровней управления. Среди наиболее значимых дополнительных мер по совершенствованию национальной политики, которые органам власти следует предпринять на уровне своих регионов, эксперты называют укрепление кадрового состава и повышение квалификации работников соот-

ветствующих подразделений, увеличение финансирования на решение задач национальной политики, укрепление связи органов власти региона и местного самоуправления, а также координацию деятельности разных подразделений органов власти.

Престиж власти, этническая и гражданская идентичность (вместо заключения)

В условиях наблюдаемых в 1990-е гг. резкого снижения степени организованности социальных отношений, фрагментации отдельных сфер жизнедеятельности и деградации систем социального управления, этническая принадлежность людей превратилась если не в единственный, то наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий определенный уровень социальной защищенности человека.

Отмеченные выше конкретные этносоциологические исследования 1999–2001 гг. зафиксировали четко выраженную тенденцию роста этнического самосознания и оживления интереса представителей разных народов к традиционным культурам на фоне деградации материальных основ существования основной массы населения и повсеместного недоверия к власти, очевидного падения ее престижа. Уже тогда мы прогнозировали в качестве одного из серьезных последствий данной тенденции снижение уровня гражданской идентичности, ослабление общегражданского единства. К сожалению, этот прогноз оказался реальностью: в последнее время представители органов власти открыто заговорили о кризисе гражданской идентичности. Этот факт зафиксирован, в частности, в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», принятой вскоре после утверждения в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Стратегии).

Проблема, однако, в том, что власти не связывают кризис гражданской идентичности со своей деятельностью, с недоверием к власти со стороны населения. Как результат порой предпринимаются не вполне оправданные действия для преодоления проблемной ситуации. Так, в качестве главной задачи национальной политики и главной меры укрепления гражданского единства сразу после известных событий на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. провозглашалась пропаганда гражданской нации и гражданской идентичности. Эта задача вполне соответствует логике конструктивистской концепции нации, однако может рассматриваться как неадекватная, если исходить из иной (объективистской) методологической установки в понимании нации-государства. На самом деле одной пропаганды здесь совершенно недостаточно. Требуется кропотливая, ответственная, продуманная работа органов власти по формированию (которое должно опираться на другой механизм, чем просто пропаганда) гражданской нации и гражданской

идентичности на основе повышения общего благополучия населения страны.

Другой важный вопрос, который возникает в связи с проблемой идентичности — о соотношении разных ее видов, прежде всего, гражданской и этнической. Характерно, что в Стратегии речь идет лишь о гражданской идентичности, укрепление которой выделено в качестве ее центральной целевой установки. Об этнической идентичности в Стратегии даже не упоминается, подспудно же она оценивается как неодобряемое, негативное явление.

Очевидно, что такие установки питаются представлением о том, что оживление этничности негативно влияет на уровень гражданской идентичности и выступает фактором нарастания межэтнической напряженности и конфликтогенности социального бытия. Отдельные факты такой зависимости существуют, однако надо иметь в виду, что зависимость эта, как правило, не прямая, а опосредованная — ситуация обостряется, когда не решаются социальные, экономические и политические проблемы. В конечном итоге усиление этнического компонента в системе детерминант современного общественного развития является не причиной, а проявлением, индикатором нарастания в нем кризисных явлений.

Жесткой зависимости нет и между ростом этнической идентичности и обострением межэтнических отношений. Этот факт убедительно показал Ю. М. Аксютин в статье, публикуемой в данном номере журнала. На основе анализа материалов проводившихся в регионах Южной Сибири этносоциологических исследований, он делает вывод о том, что актуализация этнической идентичности оказывала ранее и продолжают оказывать в настоящее время определенное, но не определяющее воздействие на межэтнические отношения. Гораздо более значимыми факторами межэтнической напряженности являются, по его мнению, как раз факторы экономические, политические, социальные (Аксютин, 2016: Электр. ресурс).

В современных условиях от деятельности органов власти во многом зависит поддержание гармоничного сочетания гражданского согласия и позитивной этнической идентичности. Одних радио- и телевизионных передач и конкурсов журналистов, на что часто ориентируются чиновники, здесь совершенно недостаточно. Нужны серьезные изменения в экономической и социальной политике в интересах основной массы населения и создание таких условий, при которых люди могли бы гордиться и тем, что они являются представителями конкретных этнических общностей, и своей гражданской принадлежностью. Немаловажную роль играет здесь высокий уровень престижа власти как одного из оснований для формирования гордости людей за свою страну и государство, их подлинной гражданственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксютин, Ю. М. (2016) Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: 31.05.2016).

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8. С. 93–99.

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (дата обращения: 31.05.2016).

Бромлей, Ю. В. (1987) Этносоциальные процессы: теория, история современность. М.: Наука. 336 с.

Бромлей, Ю., Подольный, Р. (1990) Человечество — это народы. М.: Мысль. 391 с.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во «Нонпарель». 288 с.

Дробижева, Л. М. (2005) Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии: Сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / отв. ред. М. Н. Губогло. М. : Наука. 406 с. С. 14–25.

История Сибири с древнейших времен до наших дней (1968) : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. Л. : Наука. Т. 2. 458 с.

Кан В.С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 231 с. С. 128–133.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители СПб. : Алетейя. 208 с.

О секторе [Электронный ресурс] // Сектор этносоциальных исследований ИФПР СО РАН. URL: <http://teslatec.ozonhost.ru> (дата обращения: 15.04.2016).

Очирова В. М. (2016) Механизмы формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) [Элек-

тронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: 31.05.2016).

Очирова, В. М. (2013) Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. 512 с.

Персидская, О. А., Мадюкова, С. А. (2016) Модель современной этнонациональной политики в Республике Алтай [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (дата обращения: 31.05.2016).

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (2014) Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.03.2016).

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2009) Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. № 3. С. 93–101.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Костюк, В. Г. (2006) Современные этносоциальные процессы у народов Евразии: теория, методология, практика // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 7 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство. 230 с. С. 12–31.

Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР (1973) / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М. : Наука. 332 с.

Тарбастаева, И. С. (2016) Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991– наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: 31.05.2016).

Тува за 80 лет (2001) / Юбилейный статист. сборник. Кызыл : Тывастат.

Хантингтон, С. (2008) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер с англ. А. Башкирова. М. : АСТ; АСТ МОСКВА. 635 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов (1995) / под общ. ред. Ю. В. Бромлея, С. И. Вайнштейна; отв. ред. выпуска В. И. Козлов. М. : ИЭА РАН. Вып. 6. 216 с.

Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (2015) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 273 с.

Эшматова, Г. Б. (2015) Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 231 с. С. 120–127.

Дата поступления: 15.05.2016 г.

REFERENCES

- Aksiutin, Yu. M. (2016) Vliianie transformatsii struktury identichnostei zhitelei regionov postsovetskoi Rossii na kharakter mezhetnicheskikh otnoshenii (na primere Tuvy, Khakasii, Altaia). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2015) Dinamika mezhetnicheskikh otnoshenii i etnicheskikh stereotipov v Respublike Tyva. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 93–99. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve*, ed. L. V. Korel'. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2016) Osobennosti adaptatsii etnicheskikh grupp Tuvy k rynochnoi ekonomike. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).
- Bromlei, Yu. V. (1987) *Etnosotsial'nye protsessy: teoriia, istoriia sovremennost'*. Moscow, Nauka. 336 p. (In Russ.).
- Bromlei, Yu. and Podol'nyi, R. (1990) *Chelovechestvo — eto narody*. Moscow, Mysl'. 391 p. (In Russ.).
- Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ia. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy*, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo «Nonparel'». 288 p. (In Russ.).
- Drobizheva, L. M. (2005) Etnosotsiologiia segodnia. Problemy metodologii mezhdistsiplinarnykh issledovaniia. In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii: Sbornik v chest' Yurika Vartanovicha Arutiuniana*, ed. M. N. Guboglo. Moscow, Nauka. 406 p. Pp. 14–25. (In Russ.).
- Istoriia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei* (1968) : in 5 vol., ed. A. P. Okladnikov. Leningrad, Nauka. Vol. 2. 458 p. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 10, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 231 p. Pp. 128–133. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- O sektore. *Sektor etnosotsial'nykh issledovaniia IFPR SO RAN* [online] Available at: <http://teslatec.ozonhost.ru> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).
- Ochirova, V. M. (2016) Mekhanizmy formirovaniia politicheskikh elit polietnicheskikh regionov Rossii (na primere Buriatii, Sakha (Iakutii) i Tuvy). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Ochirova, V. M. (2013) *Politicheskie elity polietnicheskikh regionov v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. Ulan-Ude, Izd-vo Buriatskogo gosuniversiteta. 512 p. (In Russ.).

Persidskaia, O.A. and Madiukova, S.A. (2016) Model'sovremennoi etnonatsional'noi politiki v Respublike Altai. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2014) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: sovremennye realii i aktual'nye voprosy etnonatsional'noi politiki. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html (access data: 12.03.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2009) Predmet etnosotsiologii: opyt kontseptualizatsii. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 93–101. (In Russ.).

Popkov, Yu.V., Tiugashev, E.A. and Kostiuk, V.G. (2006) Sovremennye etnosotsial'nye protsessy u narodov Evrazii: teoriia, metodologiya, praktika. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 7, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo. 230 p. Pp. 12–31. (In Russ.).

Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoi ASSR (1973), ed. Yu. V. Arutiunian. Moscow, Nauka. 332 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2016) Pravovoe pole etnonatsional'noi politiki v Respublike Tyva (1991–2016 gg.). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (access date: 12.05.2016). (In Russ.).

Tuva za 80 let (2001) Iubileinyi statist. sbornik. Kyzyl, Tyvastat. (In Russ.).

Huntington, S. (2008) *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti*, transl. A. Bashkirov. Moscow, AST; AST MOSKVA. 635 p. (In Russ.).

Etnicheskie i etnosotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh poniatii i terminov (1995), ed. Yu. V. Bromlei, S. I. Vainshtein; issue ed. V. I. Kozlov. Moscow, IEA RAN. Vol. 6. 216 p. (In Russ.).

Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naiia politika v regionakh Sibiri (2015), ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 273 p. (In Russ.).

Eshmatova, G. B. (2015) Spetsifika sovremennoi etnosotsial'noi situatsii v Respublike Altai. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: Vol. 10, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 231 p. Pp. 120–127. (In Russ.).

Submission date: 15.05.2016.

Библиографическое описание статьи:

Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Popkov Yu. V. Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (accessed: ...).

ТУВИНСКАЯ ЭТНИЧНОСТЬ И СОЦИУМ В ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Чимиза К. Ламажаа

Московский гуманитарный
университет

В статье представлен обзор исследований российских этносоциологов и европейских социальных антропологов, которые производились в Туве с 1970-х гг. и в XXI в. Непродолжительная история исследований достаточно богата, обращение к ней также дает возможность наметить перспективы дальнейшей работы.

Этносоциологические исследования в Туве рассматриваются на фоне особенностей развития этносоциологии в СССР и России. Работу в республике начали в 1970-е гг. представители Института истории, филологии и философии СО АН СССР, которые включили Туву в поле масштабного комплексного изучения народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. В исследованиях участвовали ученые самой Тувы. Результатом сотрудничества стал ряд коллективных монографий, вышедших в 1980-е гг.

Собственно тувинская этносоциология в 1990-е гг. начала развиваться благодаря участию в проектах московской школы. Особенности работ в эти годы были связаны с общей либерализацией в стране, расширением влияния этнонационального фактора на различные стороны жизни общества. В Туве

TUVAN ETHNICITY AND THE SOCIETY IN ETHNOSOCIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL STUDIES

Chimiza K. Lamazhaa

Moscow University
for the Humanities

The article reviews the research which Russian ethnosociologists and European social anthropologists conducted in Tuva from 1970s to the early 21st century. Although short, the history of these studies is significant enough to help set priorities and prospects for further research.

Our analysis of ethnosociological studies in Tuva is set against the background of historical developments ethnosociology underwent in USSR and Russia. Researchers from the Institute of History, Philology and Philosophy, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, were the first to start working in the region in the 1970s. They included Tuva in their large-scale comprehensive study of peoples of Siberia, the Far East and the Far North. Researchers from Tuva also participated in the project, with its outcomes described and analyzed in a number of monographs published in the 1980s.

Tuvan ethnosociology in the proper sense began in 1990s, with the help from the Moscow schools of research. Among other contributing factors were general liberalization in Russia and an increased

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный редактор журнала «Новые исследования Тувы»; заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: lamajaa@tuva.asia

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Editor-in-Chief, New Research of Tuva journal; Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Full Member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: Bldg. 6, 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: lamajaa@tuva.asia

проводились опросы в рамках общероссийских исследований под руководством ученых Института этнологии и антропологии РАН. С конца 1990-х гг., в 2000-х гг. в Туве снова проводились опросы сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.

Сегодня ведущие российские научные группы не проводят этносоциологические исследования в Туве и работы осуществляются отдельными авторами и по отдельным аспектам этносоциальных проблем. Очевидно, что этносоциология самой Тувы утратила определенный импульс для развития. Среди проблем: нехватка квалифицированных кадров, а также общие методологические поискам отечественной этносоциологии.

В Туве с 2000-х гг. также работали зарубежные антропологи, прежде всего Института социальной антропологии им. Макса Планка (Германия). Они анализировали правовое положение землевладения и землепользования сельских общин тувинцев-тоджинцев (субэтническую группу тувинцев); особенности организации культурного досуга населения; культурные модели поведения тувинцев и др. В самой Туве социальных антропологов пока нет.

Между научными традициями этносоциологов и антропологов существовал разрыв, отсутствие диалога. Однако, автор считает, что общий язык возможен, диалог необходим. Необходимо вернуться к проблематике соотношения этничности и социального, то есть обратиться к теоретическим дискуссиям. Пришла пора ставить не просто новые исследовательские задачи, но и формулировать их с разных методологических позиций.

Ключевые слова: этносоциология Тувы; социальная антропология Тувы; обзор; Институт философии и права СО РАН; Институт этнологии и антропологии РАН; Институт им. Макса Планка; история этносоциологии; тувинская этничность; этносоциальные процессы Тувы

influence the ethnonational factor had on various aspects of Russian society. Scholars from the Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, held nationwide surveys which now also covered Tuva. In late 1990s and 2000s Tuva was the field for surveys conducted by researchers at the Sector of Ethnosocial Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, RAS (Novosibirsk)

At the moment, no research groups do ethnosocial studies in Tuva, with the main body of work done by individual authors and on a limited range of ethnosocial problems. It is clear that ethnosociology within Tuva has lost impetus for development due to the lack of qualified researchers and certain issues in Russian ethnosociology in general.

Since the 2000s, field studies in Tuva have also been conducted by anthropologists from outside Russia, mostly those from the Max Planck Institute (Germany). They analyzed the legal status of land ownership and usage in rural communities of Tojin Tuvans (a Tuvan sub-ethnicity), specific forms of cultured leisure among Tuvans, as well as cultural patterns of their behavior. In Tuva, there are no local scholars doing research in cultural anthropology.

Ethnosociologists and anthropologists suffered from a divide between their traditions, which made any dialogue impossible. However, we believe that they can find common language and engage in a meaningful dialogue by returning to the issues of correlation between the ethnic and the social, i.e. by means of a theoretical discussion. It is time to do more than set new challenges for researchers: these should be viewed and formulated from various methodological standpoints.

Keywords: ethnosociology of Tuva; social anthropology of Tuva; review; Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, RAS; Institute of Ethnology and Anthropology, RAS; Max Planck Institute; history of ethnosociology; Tuvian ethnicity; ethnosocial processes in Tuva

Введение

Тува относится к числу республик — субъектов Российской Федерации, являющихся национально-государственными образованиями, т. е. формой государственности коренного населения, в данном случае — тувинцев. Последних в республике большинство: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. — более 80%. Соответственно практически все сферы общественной жизни республики, жизнь социальных групп, всего общества имеет отчетливые этнические особенности. И так было на протяжении всей истории региона. Поэтому

Республика Тыва (Тува) представляет собой один из интереснейших объектов для изучения взаимовлияния этничности и социальности. Данная область оказывается в поле интересов представителей отечественной этносоциологии и зарубежной антропологии.

Целью данной статьи является обзор проведенных исследований ученых двух научных традиций в Туве, который позволит наметить основные проблемы и перспективы развития этносоциологии Тувы.

Этносоциология Тувы

Основные вехи этносоциологических исследований, проведенных в Туве, обозначены в очерке известного тувинского этносоциолога З. В. Анайбан в 2008 г. (Анайбан, 2008), который был затем дополнен в статье автора в 2015 г. (Анайбан, 2015). Первый очерк вышел в сборнике, посвященном юбилею одного из известных исследователей, стоящих у истоков отечественной этносоциологии, доктору исторических наук, профессору М. Н. Губогло (Этносоциология и этносоциологи ... , 2008). Второй обзор вышел в сборнике материалов конференции, посвященной 70-летию Тувинского института гуманитарных исследований (ТНИИЯЛИ — ТИГИ — ныне Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований).

Прежде чем обратиться к сведениям З. В. Анайбан, рассмотрим тувинскую этносоциологию на фоне развития отечественной. В стране, в целом, как пишут Б. Е. Винер и К. С. Дивисенко, сложились исследовательские группы российской этносоциологии, которые можно разделить территориально и по месту нахождения головных организаций, и по охвату исследованных территорий (Винер, Дивисенко, 2015). Различают московскую школу этносоциологии (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева и др.), учениками и последователями которой стали ученые ряда российских регионов (там же: 33). Также выделяется работами Санкт-Петербургская школа этносоциологии (Б. Е. Винер, З. В. Сикевиц, Н. Г. Скворцов, Э. Д. Панарин и др.), новосибирская (Ю. В. Попков, В. Г. Костюк, Г. С. Гончарова, Е. А. Ерохина, Е. А. Мадюкова и др.), ставропольские ученые (В. А. Авксентьев, Г. С. Денисова, М. Р. Радовель) и др. крупные региональные центры (Арутюнян, Дробижева, 2014: 105). Данные группирования достаточно условные, т. к. одни авторы связаны между собой совместными проектами, научным руководством и пр., другие же объединены только в силу географического положения.

В этом плане можно сказать, что этносоциологические исследования в Туве начали представители новосибирской школы в 1970-е гг., с которой начали сотрудничать местные ученые (Ю. Л. Аранчын, Г. А. Забелина, З. В. Анайбан и др.); собственно тувинская этносоциология (местные кадры) в 1990-е гг. начала появляться благодаря участию в проектах московской школы под руководством столичных ученых; с конца 1990-х годов, в 2000-х годах Тува снова вошла в поле

внимание новосибирской группы, ныне же — во втором десятилетии XXI века — этносоциология Тувы находится в определенном застое.

Отсчет этносоциологических исследований Тувы З. В. Анайбан ведет с масштабного комплексного изучения народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, которое было проведено в 1970-х гг. социологами Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством проф. В. И. Бойко. В рамках данного исследования в 1977–1979 гг. по программе «Проблемы социального развития Тувинской АССР» был осуществлен опрос жителей Тувы. В работе участвовали сотрудники Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) во главе с директором Н. А. Сердобовым. Результатом сотрудничества тувинских ученых с представителями новосибирской этносоциологической школы стали сразу несколько коллективных научных монографий «Очерки социального развития Тувинской АССР» (Очерки социального ... , 1983), «Молодежь Тувы: социальный портрет» (Молодежь Тувы ... , 1988), «Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования» (Городское население ... , 1981) и «Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР» (Социологические характеристики ... , 1982).

Данные исследования проводились в русле общего развития отечественной этносоциологии, начало которой приходится на конец 1960-х гг. с работ Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, О. И. Шкаратана, Л. М. Дробижевой и др. При этом считается, что ученые Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Бромлея первыми обозначили зону между этнографией и социологией, которая образовалась в изучении взаимного пересечения этнических социально-классовых явлений (Бромлей, Шкаратан, 1969: 16).

На первом этапе развития отечественной этносоциологии, который выделили Ю. В. Арутюнян и Л. М. Дробижева, исследования, развернувшиеся с большим размахом в союзных республиках, выявляли этнические особенности общих процессов социально-культурного развития народов СССР. Главным методологическим требованием этносоциологии было изучение совокупности взаимосвязанных социальных и этнических явлений с целью выявления меры их взаимодействия и взаимообусловленности. Особую роль играло осмысление модернизации социальной структуры наций как существенного фактора, влияющего на ход и конкретное проявление этнических процессов (Арутюнян, Дробижева, 2000: 11–12). Как указывает С. В. Соколовский, в связи с развитием теории этноса и городской этнографии, этносоциологи впоследствии также переключились на изучение этнических процессов и различных аспектов этнического поведения городского населения (Соколовский, 2003: 141–142).

В это же время, как пишет З. В. Анайбан, впервые в самой Туве встал вопрос о подготовке местных кадров — этносоциологов и для этого направле-

ние было выбрано московское. Руководство ТНИИЯЛИ направило несколько сотрудников-этнографов на учебу в сектор конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. В результате 1982 г. в ТНИИЯЛИ был открыт сектор этносоциологии. Первым заведующим сектором этносоциологии была Г. А. Забелина. В разные годы в секторе работали С. М. Биче-оол, М. С. Байыр-оол, А. Ф. Емельянов, М. С. Кыргыз, Ф. И. Магкоева, С. Ю. Смирнова, О. М. Хомушку и др. (Анайбан, 2008).

Особый импульс исследования в Туве получили после изменения общей ситуации в стране, когда с 1990-х гг., по определению А. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой, вся отечественная этносоциология стала переживать второй этап развития (Арутюнян, Дробижева, 2000). Особенности работ в эти годы были связаны с общей либерализацией в стране, начавшейся трансформацией экономики и социальной сферы, существенным расширением влияния этнонационального фактора на различные стороны жизни общества. Исследовательские интересы переключились на проблемы всплеска суверенизации, распада СССР, этнических конфликтов и их последствий (там же: 14). Существенной чертой нового этапа этносоциологических исследований стало их сопряжение с этнополитическими: анализ национальных движений, их программ, причин, социальных стимулов (там же: 15).

Конкретные направления исследований московской школы были заданы в первую очередь работами упоминавшихся А. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, а также их коллег М. Н. Губогло, А. А. Сусоколова и др., которые с 1960-х гг. осуществили ряд уникальных исследовательских проектов. Они же стали авторами на сегодня самого популярного учебника по этносоциологии (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999): по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), на 31.03.2016 г. на это издание 1999 г. приходится самое большое число — 489 — цитирований среди этносоциологических публикаций.

С начала 1990-х гг. ученые республики, как пишет З. В. Анайбан, принимали участие в реализации нескольких масштабных общероссийских исследований москвичей в Туве: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации» (автор проекта — проф. Л. М. Дробижева, Институт этнологии и антропологии РАН, 1994 г.); «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (руководитель — проф. М. Н. Губогло, Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с Центром социологических исследований МГУ, 1997 г.) и др. Помимо этого ученые разрабатывали самостоятельные исследовательские проекты, а также совместные работы между учреждениями Тувы, например, проект «Социокультурные факторы экономического развития Республики Тува» (ТНИИЯЛИ — Тувинская экономическая лаборатория Комплексного Отдела СО РАН, 1991–1994 гг.). Итогом последнего стала монография «Современная Тува: социокультурные и этнические процессы», изданная в издательство «Наука» (Балакина, Анайбан, 1995).

С 2000-х гг. очевидно можно говорить о новом, третьем, этапе развития этносоциологии, который в целом характеризуется большей интеграцией с социологической наукой (Виннер, Дивисенко, 2015: 178); а кроме того — расширением проблематики исследований, пересмотром, уточнениями по предметному полю дисциплины, решением новых исследовательских проблем (Дробижева, 2006; Арутюнян, Дробижева, 2014: 105).

В это время в Туве в 2002 г. в Институте гуманитарных исследований Республики Тува (бывшем ТНИИЯЛИ) был открыт сектор социологии и права с целью осмысления и анализа происходящих кардинальных социально-экономических преобразований в Туве (Анайбан, 2008: 246). В нем работали С. М. Биче-оол, Р. Ш. Харунов, М. М.-Б. Харунова, В. С. Кан, В. С. Донгак, М. С. Байыр-оол. Приоритетными направлениями научно-исследовательской работы сектора обозначены особенности политических и социальных изменений в Республике Тува, современная этнодемографическая ситуация и миграционные процессы, этническая специфика семьи и семейных отношений, соотношение современной и традиционной культуры, взаимодействие и функционирование этнических групп, этническая идентичность тувинцев, социально-культурные проблемы развития и взаимодействия населения Тувы, культурные и политические взгляды тувинской элиты в постсоветский период, рождаемость и репродуктивные установки семьях, роль и влияние республиканской прессы на международные отношения в Туве (там же).

Одновременно с этим — с конца 1990-х годов Тува снова вошла в поле внимания представителей новосибирской этносоциологической школы. Как указывает в своем обзоре З. В. Анайбан, в 1998 г. сектор этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН, г. Новосибирск) приступил к реализации исследовательского проекта «Народы Евразии в условиях современных реформ» (руководитель — проф. Ю. В. Попков). Проект включал несколько последовательно осуществляемых программ (не только по Туве, но и в ряде других сибирских регионов): экспертное социологическое обследование «Проблемы развития тувинского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг.» (2000 г.), этносоциологические опросы по программе «Брак, семья, родители, дети», массовые сравнительные социологические исследования по программе «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века» в Туве (2002–2003 гг.) и др. Новосибирские научные проекты направлены на анализ основных тенденций изменений, происходящих в наиболее значимых для жизни народов Сибири сферах в условиях реформационных воздействий в конце XX — начале XXI в., а также изучение мнения представителей разных этносов по поводу этих воздействий (Попков, Костюк, Тугужекова, 2003). В проектах по Туве принимали участие преподаватели Тувинского государственного университета (куратор — З. Ю. Доржу).

По результатам исследований были сформулированы особенности «Евразийского мира», как определили новосибирские ученые, социокультурной целостности славянской, тюрко-монгольской и арктической субцивилизаций, в которую органически входит и Тува (Попков, Костюк, Тюгашев, 2007; Попков, 2009; Электр. ресурс; Евразийский мир ... , 2010).

Результаты исследований по регионам обобщались и докладывались на заседаниях международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири», который проводится сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН ежегодно совместно с коллегами из регионов (руководитель семинара Ю. В. Попков) в разных городах с 1995 г. (в 2015 г. прошел XII-й по счету семинар). По итогам реализованных проектов, прошедших заседаний и пр. вышло значительное число монографий (см. напр.: Попков, Костюк, Тугужекова, 2003; Евразийский мир ... , Электр. ресурс), статей в научных изданиях и сборников материалов семинара под общим названием «Этносоциальные процессы в Сибири», которых на сегодня вышло уже 10 выпусков (последний: Этносоциальные ... , 2015). Особо следует отметить выпуск № 3, который был подготовлен и издан по материалам исследований в Туве, где и проходил семинар (Этносоциальные процессы ... , 2000).

В целом, отдельных обобщенных публикаций по Туве у новосибирской школы не выходило. Из наиболее ценных для тувиноведения работ следует назвать публикации Г. С. Гончаровой, Л. Я. Савельевой по особенностям трансформировавшихся семейно-брачных отношений народов Сибири, в том числе тувинцев (Гончарова, Савельева, 2004); А. В. Иванова, Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева, Л. Б. Четыровой, М. Ю. Шишина, Х. Цооху, Х. Цэдэва по проблемам ценностей народов евразийского мира в начале XXI в., в том числе тувинцев (Евразийский мир ... , 2010); С. А. Мадюковой и Ю. В. Попкова по феномену современного социокультурного неотрадиционализма, формы которого также наблюдаются в Туве (Мадюкова, Попков, 2011).

В последние годы ведущие российские научные группы не проводят масштабные этносоциологические исследования в Туве и работы осуществляются отдельными авторами и по отдельным аспектам этносоциальных проблем (напр.: Анайбан, 2011; Балакина, Кылыгдай, 2015: Электр. ресурс). За последние пять–шесть лет сотрудниками сектора социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ, бывш. ТИГИ, ИГИ, ТНИИЯЛИ) осуществлено свыше двадцати прикладных социологических исследований, например: «Прогноз электоральной активности населения Чеди-Хольского кожууна» (2008 г.), «Оценка деятельности Голевской горнорудной компании населением Тоджинского кожууна» (2009 г.), «Международные отношения в г. Кызыле» (2013г.), «Электоральное поведение населения Республики Тыва накануне выборов в Верховный Хурал» (2014 г.) и др.

Как пишет З. В. Анайбан, на сегодня работающая в Институте востоковедения РАН (г. Москва), тувинские социологи продолжают поддерживать тесные научные связи и активно сотрудничают как с местными, так и другими российскими научными подразделениями (в частности, ТИКОПР СО РАН, ТувГУ, Институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва, Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва), Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск), Северо-Восточный федеральный университет (г. Якутск), Кемеровский и Алтайский государственные университеты); также ими установлены контакты и сотрудничество с научными и образовательными учреждениями Казахстана и Монголии (там же: 473). Тем не менее, очевидно, что этносоциология самой Тувы утратила определенный импульс для развития, поскольку за последние несколько лет здесь не выходили значительные монографические работы по исследованиям тувинской этничности и социальности, за исключением, пожалуй, только работ Г. Ф. Балакиной, А. К. Кылыгдай, З. В. Анайбан.

В числе проблем развития социологии Тувы, этносоциологии в частности, З. В. Анайбан называет нехватку квалифицированных кадров (Анайбан, 2015: 474). Это совершенно справедливо, однако есть и другие проблемы. Они относятся к общим методологическим поискам отечественной этносоциологии (Дробужева, 2006, 2015). Мы вернемся к этому вопросу.

Социальная антропология Тувы

Упомянув о работе социальных антропологов в Туве, мы имеем в виду прежде всего опыт сотрудников конкретного учреждения — Института социальной антропологии им. Макса Планка (Германия), представители которых работали в республике также по большим исследовательским программам в 2000-х годах.

Как пишет Х. Й. Отто, сам институт был основан в 1999 г. и с самого начала его работы в нем существовала проектная группа «Сибирь» (1999–2002 гг.), а в 2003 г. на ее основе был создан Центр исследований по Сибири. Ученые изначально занимались вопросами социологического и этнологического характера (Отто, 2010). В центре внимания специалистов находились вопросы собственности, коллективизации, приватизации и формирования семейно-родовых общин, традиционных формах природопользования, хозяйствования в целом; отношения местного населения к происходящим переменам и возможностям в меняющемся российском обществе.

В 2006–2008 гг. Центр исследований по Сибири Института социальной антропологии изучал в сравнительном плане социальное значение и современное положение домов культуры в пяти регионах (Новосибирской области, республиках Алтай, Бурятия, Туве, Чукотском автономном округе); а затем в 2008–2012 гг. изучались разнообразия стилей жизни в разных регионах Сибири.

Этничность антропологи германского института рассматривают как составную часть индивидуальной идентичности, а в осознании принадлежности к определенной этнической группе люди, по мнению ученых, ориентируются на классификации, установленные государственными учреждениями (Отто, 2010: 87). В качестве примера называются народы, получившие статус «коренных малочисленных», соответствующие поддержке государства в виде ряда социальных льгот. Этот фактор назван одним из решающих для процессов субэтнизации, тенденции раскола больших этносов.

Непосредственно Тувой занимавшийся антрополог Б. Донахо анализировал правовое положение землевладения и землепользования сельских общин тувинцев-тоджинцев, также отнесенных к коренным малочисленным народам. Он прожил в республике, в основном, в Тоджинском районе, с 1997 г. несколько лет. В 2004 г. он защитил в США диссертацию по теме «Саянские перекрестки: история и различные восприятия собственности у народов Южной Сибири — тоджинцев и тофалар» (Donahoe, 2004). Опубликовал ряд научных статей о взаимоотношении людей и природы, о правовом статусе коренных малочисленных народов России, о разных подходах к охране территорий и гарантий прав на землю для коренных малочисленных народов (Donahoe, 2002; Донахо, 2006, 2008 и др.).

Еще одна интересная программа антропологов из Галле — «Условия и ограничение разнообразия стилей жизни в Сибири» (2008–2012 гг.). В ее рамках исследовались процессы, которые ведут к диверсификации стилей жизни (образов жизни), а также анализ предпосылок этих процессов, механизмов социального признания, толерантности, или же интолерантности, по отношению к различным моделям поведения, и тех факторов, которые способствуют широкому распространению или ограничению этих моделей (Отто, 2010: 89). В основе данного исследовательского проекта, как пишет Х. Й. Отто, лежит анализ того, что 1990-е гг. у большинства населения Сибири (и России вообще) в основном ассоциируются с всесторонним, по их мнению, «безобразием». Напротив, 2000-е гг. могут быть охарактеризованы как период экономической, культурной и социальной стабилизации, характеризующийся, некой склонностью к консерватизму и усилению значения религиозных организаций. Следовательно, с одной стороны, наблюдается диверсификация жизненных стилей, а с другой — ограниченность жизненных стилей в связи с установлением определенных общественных ориентиров и норм (там же: 90). В задачах программы было изучение изменения этничности, меняющихся образов Сибири.

Необходимо упомянуть и других исследователей, не работавших в рамках программ Института социальной антропологии им. Макса Планка. О них писала, в частности, М. В. Монгуш, делая обзор работ зарубежных исследователей Тувы (Монгуш, 2010: Электр. ресурс). Например, полевые исследования в Туве вела также Б. Кристенсен (Дания). Она выступила на научном семинаре «К

оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах», организованном Институтом социальной антропологии им. Макса Планка в Халле в 2006 г. с докладом по материалам исследования влияния религиозных и социальных трансформаций на гендерные представления тувинцев (Kristensen, 2002: Электр. ресурс). Англичанин Ф. Уолтерс занимался конфессиональной ситуацией в Туве в постсоветский период (Walters, 2001) и др.

При всех достоинствах подобных работ зарубежных антропологов в Туве (содержащих сильную сторону в виде сравнительного анализа между культурами, присущего антропологическим исследованиям) отметим одну существенную разницу между значениями исследований иностранцев и представителей отечественной этносоциологии. Разница эта заключается в социальном значении. Безусловно, антропология также подразумевает и практическую сторону — рекомендации, однако, связь отечественной науки с системой государственного управления вполне очевидна: часть исследований проводится прямо по государственным заказам. Другая часть исследований проводится по решениям научных советов учреждений, по свободному выбору ученых, но так или иначе и то, и другое имеет социальную обусловленность.

Проблемы тувинской этносоциологии

В 2003 г. в журнале «Сибирика» вышла интересная статья представителей института по общим проблемам сибирской этнографии (Gray, Vakhtin, Schweitzer, 2003), в которой авторы констатировали фактически монополию на этнографические исследования сибирских народов, которая была установлена советской наукой в регионе с 1930-х до конца 1980-х гг. Это обусловило разрыв между научными традициями, отсутствие связей между учеными. Последовавшая встреча на одном поле в период «открытия» территории для совместных исследований сопровождалась настоящим культурным «шоком» исследователей друг для друга. Тем не менее, авторы, которые описали свои наблюдения, размышления после совместной конференции «Кто владеет сибирской этнографией?», пришли к мнению о том, что общий язык возможен.

Для чего это необходимо? Как пишет Л. М. Дробижева, для того, «чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции попытаться понять с иных позиций» (Дробижева, 2006: 99), поскольку мы имеем сложный сплав многообразия общества, способов теоретического конструирования и фактов социальной реальности. Тут, однако надо сказать, что тувинская этносоциология болеет общей «болезнью» — отсутствием интереса к теории, превалированием прикладных работ, причем и здесь очевидны проблемы использования как количественных, так и качественных методов. Это обстоятельство, распространенное у авторов статей и ведущих отечественных журналов, в целом вызывает тревогу (Винер, Дивисенко, 2015: 185).

Дальнейшее развитие научного знания о Туве, разумеется, также может и должно идти в русле развития в целом научного знания. И для того, чтобы говорить о «перезагрузке», хотелось бы вернуться к исходному факту, который и должен быть основанием, условием и фактором развития этносоциологической науки.

И факт этот заключается в том, что Тува — территория с сильно этнически маркированным пространством. Здесь этничность определяет многое: особенности политической жизни, особенности социокультурных процессов, социальные связи и отношения, социальные процессы и социальные события и мн. др. История Тувы — это история этногенеза тувинцев, образования ими государственности, взаимоотношения с представителями разных национальностей, прежде всего русскими. Политическая жизнь республики здесь обусловлена не только формальными традиционными структурами, напоминающими о становлении своего парламентаризма (Верховный хурал), но и неформальными традиционными социальными отношениями недавнего родоплеменного прошлого тувинцев. Система образования здесь не может не учитывать традиции тувинской народной педагогики. Культурная жизнь не обходится без старых и новых этнических художественных форм. Здесь конфликты сразу обретают формы межэтнических разбирательств, даже если в их основе иные причины (экономические и пр.). Религиозная картина республики немыслима без традиционного шаманизма и буддийских обрядов, которые в представлениях местного населения нередко сливаются, являются составной частью тувинской культуры.

Тувинское общество настолько сильно обусловлено этничностью, что представляет собой интереснейший объект для изучения, а главное — того, что происходит с этничностью сейчас — в регионе, переживающем трансформационные перемены, стоящим перед модернизационными вызовами, испытывающем влияние вестернизации. Эти же обстоятельства обуславливают особенности социокультурных перемен и в других регионах страны, всей России. Специфичность Тувы — в высокой степени этничности, что равняет ситуацию в республике только с несколькими другими регионами (и делает возможным и необходимым сравнительные исследования).

Проблема в том, что территориальная удаленность региона, транспортные проблемы порой становятся существенным препятствием для организации в Туве масштабных исследований ученых из других центров, а работающие в самой республике специалисты не слишком озабочены концептуальными основаниями для прикладных работ. В публикациях последних чаще всего присутствуют в качестве квалификационного минимума: обзоры, упоминания наиболее значительных концепций этничности, а также признание позитивной, устойчивой этнической идентичности тувинцев. Однако, в свете того, что «традиции тувинского народа», «тувинские обычаи» и пр. формулировки становятся порою теми аргументами, которые выдвигают сторонники каких-либо социальных и пр. новаций, или приверженцы каких-либо неоднозначных

инициатив в общественной жизни, возникает вполне резонный вопрос о том, с чего начинать изучать тувинскую этническую специфику и, условно говоря, где ее начало.

Как пишет Л. М. Дробижева, этническая идентичность не является перво-степенной, она актуализируется, например, в сложных, этноконфликтных ситуациях, она имеет разные степени распространенности и интенсивности — и все это было установлено этносоциологами в ходе исследований разных лет (Дробижева, 2006: 95–96). Именно поэтому автор уточняет и подчеркивает, что необходимо изучать сегодня этносоциологии в частности: то — как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют людей, деятельность социальных институтов. Как сконструированная этничность, которую следует рассматривать шире в социальном плане как сконструированную объективность (по П. Бергеру и Т. Лукману), которая становится субъективной реальностью (там же: 94).

В целом такой подход собственно демонстрируют исследования социальной антропологии в Туве, изучая процесс взаимовлияния — того, как сконструированная тувинская этничность влияет на социальные изменения, на собственно этнические процессы, и — наоборот.

Новые подходы к этносоциальным проблемам Тувы

Обратимся к исследованию антрополога, сотрудника Института социальной антропологии им. Макса Планка А. К. Ольшлегель, которая, анализируя проблематику современной тувинской культуры и тувинской идентичности, использует в работе термин «множественные интерпретации мира» (*plural world interpretations*) (Oelschlaegel, 2013; Ольшлегель, 2015: Электр. ресурс). В работе поднимается тема конструирования тувинцами прошлого в настоящем. Культурная традиция здесь рассматривается как «изобретение» и современная культурная жизнь предстает как сосуществование множества моделей интерпретации мира. Самые важные для тувинцев, по мнению А. К. Ольшлегель, две модели — «модель доминирования» и «модель взаимодействия». Первая основывается на современном понимании доминирования человека над природой. В противовес ей в повседневной жизни тувинцев присутствует вторая — особая тувинская — модель взаимодействия, которая исходит из представления о взаимодействиях в мире, окружающем и включающем человека, и состоящем из человеческих и не-человеческих субъектов. Модели эти не являются ни природной данностью, ни биологическим свойством человека, но, как формулирует автор, лишь продуктом человеческого воображения, общественными конструкциями и, соответственно, общественным продуктом.

Исследование немецкой коллеги основано на феноменологически-конструктивистских позициях и тем самым представляет для нас особый интерес. При этом подчеркну: я солидарна в целом с позицией ведущего отечественного

этносоциолога Л. М. Дробижевой относительно крайностей конструктивизма также, как и крайностей примордиализма, инструментализма, с признанием продуктивности интегрированного подхода (Дробижева, 2015: 93). Большинство наших коллег, особенно представляющих тувинскую этносоциологию, в целом, также придерживаются этой позиции, однако, далеко не всегда четко осознанно, поскольку, как уже было сказано выше, больше отдают предпочтение прикладным исследованиям, не рефлексивно используя уже многократно апробированные методики. В целом, как признают представители новосибирской этносоциологической школы, «методологическая рефлексия в этносоциологии, за редкими исключениями (Н. И. Лапин, Б. Е. Винер) пока, к сожалению, развита недостаточно» (Социокультурный подход ... , 2013: 28).

Более четкое обсуждение проблем тувинской этничности в увязке с теоретическими рассуждениями, на наш взгляд, способно привести к новым исследовательским проблемам, новому взгляду на этносоциальные процессы.

Например, А. К. Ольшлегель в упомянутой работе обращает внимание на параллельное сосуществование двух указанных моделей в тувинской культуре, которые являются составляющими тувинской духовной культуры. «Один и тот же тувинец может применить их и как вариант толкования чего-либо и как принцип выбора правильного действия и поведения», — пишет она (Ольшлегель, 2015: Электр. ресурс). При этом подчеркивается, что интерпретации мира у тувинцев подвержены постоянным изменениям не только с содержательной стороны, но также и структурно не являются однозначными, одномерными и статичными, а предстают скорее гибкими, ситуативными и множественными. И тут, на наш взгляд, автор поднимает важную этносоциальную проблему — ситуативность тувинской этничности во взаимодействии с уже закрепившейся идентичностью советского преобразователя, потребителя природы. Причем, А. К. Ольшлегель подчеркивает, что «модель доминирования применяется на сегодняшний день чаще, модель взаимодействия — реже, ограничиваясь при этом лишь определенными ситуациями» (Oelschlaegel, 2013: 239).

В трактовке отечественных исследований, в общественных дискуссиях чаще всего эта тема рассматривается менее четко. Социальная проблема очевидна: власть и активная часть общественности ратуют за возрождение традиций тувинской культуры с ее экологичностью, бережным отношением к природе, однако, социальная реальность полна не просто фактов, но систематических проблем с загрязнениями, вандализмом, халатностью населения (тувинцев в том числе) по отношению к окружающим природным и культурным объектам. В дискурсе отечественной науки речь идет об утрате традиций, их слабом знании и пр., однако, если взглянуть на ситуацию несколько с иной точки зрения, то мы видим, что модели поведения есть разные, однако, люди ориентируются на них ситуативно.

Заключение

Таким образом, тувинская этничность в ее взаимосвязи с общественными процессами стала изучаться в период масштабных социальных трансформаций, которые происходили с обществом региона в XX веке. Сначала речь в самых общих чертах шла о том, как этническая идентичность «сливалась» с формируемой советской идентичностью; затем — как определяла степень, масштабы и «лицо» социальной реакции на анархию и аномию в бывшем советском обществе; позже — как она обуславливает особенности адаптации населения к социальным реформам. И речь идет как о работах советской, российской этносоциологии, так и о результатах исследований социальной антропологии.

На наш взгляд, пришла пора ставить не просто новые исследовательские задачи, но и формулировать их с разных методологических позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2008) История этносоциологических исследований в Туве // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / составители: Н. А. Дубова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Старый сад. 360 с. С. 243–249.

Анайбан, З. В. (2011) Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. : ИЭА РАН. Вып. 227. 25 с.

Анайбан, З. В. (2015) Социология в Туве: опыт и перспективы развития // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию ТНИИЯЛИ — ТИГИ — ТИГПИ / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: ГБНИ и ОУ «Институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований». 663 с. С. 466–475.

Арутюнян, Ю. В., Дробижева Л. М. (2000) Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования. № 4. С. 11–21.

Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. (1999) Этносоциология : учебное пособие для вузов. М. : Аспект-Пресс. 271 с.

Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М. (2014) Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. № 7. С. 102–111.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука. 137 с.

Балакина, Г.Ф., Кылгыдай, А.Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.В. Корель. Кызыл: ТУВИ-

КОПР СО РАН. 160 с. // ИПЦ ТувИКПОР. URL: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (дата обращения: 12.03.2016).

Бромлей, Ю. В., Шкаратан, О. И. (1969) О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография. № 3. С. 3–19.

Винер, Б. Е., Дивисенко К. С. (2015) Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. Т. 6. № 4. С. 177–196.

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции и перспективы. Новосибирск: Нонпарель. 286 с.

Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования (1981) / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск: Наука. 224 с.

Донахо, Б. (2006) Оленеводство тувинцев-тоджинцев сегодня // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 5–8 сентября 2006 г. / сост. А. О. Дыртык-оол, У. О. Опей-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 121–132.

Донахо, Б. (2008) Тувинцы-тоджинцы: очерк современной культуры // Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев; сост. Д. А. Функ. М.: Наука. 422 с. С. 188–204.

Дробижева, Л. М. (2006) Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. № 3–4. С. 89–101.

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нопарель. 449 с.

История становления, проблематика и методологические основания исследований новосибирской этносоциологической школы [Электронный ресурс] // Сектор этносоциальных исследования ИФПСО РАН. URL: http://teslatec.ozonhost.ru/school_history/school_history_3.html (дата обращения: 12.03.2016).

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011) Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб. : Алетейя. 132 с.

Молодежь Тувы: социальный портрет (1988) / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Новосибирск: Наука. 194 с.

Монгуш, М. В. (2010) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата обращения: 12.03.2016).

Ольшлегель, А. К. (2015) Множественные интерпретации мира у тувинцев Южной Сибири [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_27/8164-olshlegel.html (дата обращения: 10.04.2016).

Отто, Х. Й. (2010) Сибиреведческие исследования в Институте социальной антропологии им. Макса Планка в г. Галле (1999–2008 гг.) // Новый исторический вестник. № 26. С. 83–93.

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Новосибирск: Наука. 262 с.

Попков, Ю. В. (2009) Базисные ценности народов Евразийской цивилизации в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/95-basic-values.html (дата обращения: 10.04.2016).

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тюгашев Е. А. (2007) Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // Социологические исследования. № 5. С. 62–69.

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тугужекова, В. Н. (2003) Этнотипы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск : Нонпарель. 128 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев Е. А. (2008) О предмете этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 117–120.

Соколовский, С. В. (2003) Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9. С. 136–159.

Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий (2013) / отв. ред. Ю. В. Попков, В. Г. Костюк. Новосибирск : ООО «Издательский дом “Манускрипт”». 272 с.

Социологические характеристики городского населения Тувинской АССР (1982) / редколл. Ю. Л. Аранчын. Новосибирск: Наука. 240 с.

Тощенко, Ж. Т. (2009) Этносоциология // Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 487 с. С. 296–303.

Этносоциальные процессы в Сибири (2000): тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Издательство СО РАН. Вып. 3. 267 с.

Этносоциальные процессы в Сибири (2015) : тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 10. 231 с.

Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания (2008) / составители: Н. А. Дубова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Старый сад. 360 с.

Donahoe, B. (2002) Hey, You! Get Offa My Taiga! Comparing the Sense of Property Rights Among the Tofa and Tozhu-Tyva // Halle / Saale, Germany: Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper Series. No. 38.

Donahoe, B. (2004) A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia. Bloomington : Indiana University.

Gray, P. A., Vakhtin, N., Schweitzer, P. (2003) Who owns Siberian ethnography? A critical assessment of a re-internationalized field // *Sibirica*. Vol. 3. № 2. P. 194–216.

Handler, R., Linnekin, J. (1984) Tradition, genuine or spurious // *Journal of American Folklore*. Vol. 97. P. 273–290.

Kristensen, B. (2002) The Living Landscape of Knowledge: An analysis of shamanism among the Duha Tuvinians of Northern Mongolia [Электронный ре-сурс] // Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism. Institute of Anthropology, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark. April. URL: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (дата обращения: 12.03.2016).

Oelschlaegel, A. C. (2013) *Plurale Welt interpretationen. Das Beispiel der Tyva Südsibiriens*. Fürstenberg / Havel: SEC Publications / Kulturstiftung Sibirieng GmbH. 268 p.

Walters, Ph. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innivation? // *Religion, State and Society*. Vol. 29. № 1. P. 23–28.

Дата поступления: 12.03.2016 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (2008) *Istoriia etnosotsiologicheskikh issledovaniy v Tuve*. In: *Etnosotsiologiya i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia*. Moscow, Saryi sad. 360 p. Pp. 243–249. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2011) *Mezhetnicheskaia situatsiia i etnopoliticheskie protsessy v postsovetskoi Tuve*. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*. Moscow, IEA RAN. Vol. 227. 25 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2015) *Sotsiologiya v Tuve: opyt i perspektivy razvitiia*. In: *Gumanitarnye nauki v XXI veke: chelovek, obshchestvo, global'nyi mir. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu TNIIaLI – TIGI – TIGPI*, ed. K. A. Bicheldei. Kyzyl, GBNI i OU «Institut humanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy». 663 p. Pp. 466–475. (In Russ.).

Arutiunian, Yu. V. and Drobizheva L. M. (2000) *Etnosotsiologiya: proidennoe i novye gorizonty. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 11–21. (In Russ.).

Arutiunian, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1999) *Etnosotsiologiya : uchebnoe posobie dlia vuzov*. Moscow, Aspekt-Press. 271 p. (In Russ.).

Arutiunian, Yu. V. and Drobizheva, L. M. (2014) *Proidennye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 102–111. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy*. Novosibirsk, Nauka. 137 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve, ed. by L.V. Korel'. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. *IPTs TuvIKPOR* [online] Available at: http://ipc-publisher.ru/monographs.aspx?id_mn=22 (access date: 12.03.2016). (In Russ.).

Bromlei, Yu. V. and Shkaratan, O. I. (1969) O sootnoshenii predmetnykh oblastei etnografii, istorii i sotsiologii. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 3–19. (In Russ.).

Viner, B. E. and Divisenko K. S. (2015) Rossiiskaia etnosotsiologiya: granitsy, issledovatel'skie oblasti i issledovatel'skie gruppirovaniia. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 6, no. 4, pp. 177–196. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Savel'ev, L. Ia. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii i perspektivy*. Novosibirsk: Nonparel'. 286 p. (In Russ.).

Gorodskoe naselenie Tuvinskoi ASSR. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia (1981), ed. by V. I. Boiko. Novosibirsk, Nauka. 224 p. (In Russ.).

Donakho, B. (2006) Olenevodstvo tuvintsev-todzhintsev segodnia. In: *Voprosy izucheniia istorii i kul'tury narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh regionov: Materialy Mezhdunarjdnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, 5–8 sentiabria 2006 g.*, ed. A. O. Dyrtyk-ool and U. O. Opei-ool. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 121–132. (In Russ.).

Donakho, B. (2008) Tuvintsy-todzhintsy: ocherk sovremennoi kul'tury. In: *Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri*, ed. by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. Pp. 188–204. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2006) Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniia. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3–4, pp. 89–101. (In Russ.).

Evraziiskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiia (2010), ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonparel'. 449 p. (In Russ.).

Istoriia stanovleniia, problematika i metodologicheskie osnovaniia issledovaniia novosibirskoi etnosotsiologicheskoi shkoly. *Sektor etnosotsial'nykh issledovaniia IFPRSO RAN* [on-line] Available at: http://teslatec.ozonhost.ru/school_history/school_history_3.html (access data: 12.03.2016).

Madiukova, S. A. and Popkov, Yu. V. (2011) *Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma*. St. Petersburg, Aleteia. 132 p. (In Russ.).

Molodezh' Tuvy: sotsial'nyi portret (1988), ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 194 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) Zarubezhnye issledovateli Tuvy (kratkii obzor). *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <http://www.tuva.asia/journal/>

issue_6/1731-mongush.html (access date: 12.03.2016). (In Russ.).

Ol'shlegel', A. K. (2015) Mnozhestvennye interpretatsii mira u tuvintsev Iuzhnoi Sibiri. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_27/8164-olshlegel.html (access date: 10.04.2016). (In Russ.).

Otto, Kh. I. (2010) Sibirevedcheskie issledovaniia v Institute sotsial'noi antropologii im. Maksa Planka v g. Galle (1999–2008 gg.). *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 26, pp. 83–93. (In Russ.).

Ocherki sotsial'nogo razvitiia Tuvinskoi ASSR (1983), ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 262 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2009) Bazisnye tsennosti narodov Evraziiskoi tsivilizatsii v usloviakh globalizatsii. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1–2 [on-line] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/95-basic-values.html (access date: 10.04.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Kostiuik, V. G. and Tiugashev E. A. (2007) Narody Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii: tsennostnye predpochteniia i mezhetnicheskie ustanovki. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 62–69. (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Kostiuik, V. G. and Tuguzhekova, V. N. (2003) *Etnosy Sibiri v usloviakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaiia ekspertiza)*. Novosibirsk, Nonparel'. 128 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev E. A. (2008) O predmete etnosotsiologii. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 117–120. (In Russ.).

Sokolovskii, S. V. (2003) Chetvert' veka rossiiskoi antropologii: 1975–2000. *Etnometodologii: problemy, podkhody, kontseptsii*, vol. 9, pp. 136–159. (In Russ.).

Sotsiokul'turnyi podkhod k regulirovaniu mezhetnicheskikh vzaimodeistvii (2013), ed. by Yu. V. Popkov and V. G. Kostiuik. Novosibirsk, OOO Izdatel'skii dom "Manuskript". 272 p. (In Russ.).

Sotsiologicheskie kharakteristiki gorodskogo naseleniia Tuvinskoi ASSR (1982), ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka. 240 p. (In Russ.).

Toshchenko, Zh. T. (2009) Etnosotsiologiya. In: *Tezaurus sotsiologii. Tematicheskii slovar'-spravochnik*, ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, IuNITI-DANA. 487 p. Pp. 296–303. (In Russ.).

Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri (2000): tematicheskii sbornik, ed. by Iu. V. Popkov. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. Vol. 3. 267 p. (In Russ.).

Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri (2015) : tematicheskii sbornik, ed. by Iu. V. Popkov. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. Vol. 10. 231 p. (In Russ.).

Etnosotsiologiya i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia (2008), ed. N. A. Dubova, L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Staryi sad. 360 p. (In Russ.).

Donahoe, B. (2002) *Hey, You! Get Offa My Taiga! Comparing the Sense of Property Rights Among the Tofa and Tozhu-Tyva*. Halle / Saale, Germany: Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper Series, no. 38.

Donahoe, B. (2004) *A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia*. Bloomington, Indiana University.

Gray, P. A., Vakhtin, N. and Schweitzer, P. (2003) Who owns Siberian ethnography? A critical assessment of a re-internationalized field. *Sibirica*, vol. 3, no. 2, pp. 194–216.

Handler, R. and Linnekin, J. (1984) Tradition, genuine or spurious. *Journal of American Folklore*, vol. 97, pp. 273–290.

Kristensen, B. (2002) The Living Landscape of Knowledge: An analysis of shamanism among the Duha Tuvinians of Northern Mongolia. *Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism. Institute of Anthropology, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark*. April [on-line] Available at: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (access date: 12.03.2016).

Oelschlaegel, A. C. (2013) *Plurale Welt interpretationen. Das Beispiel der Tyva Südsibiriens*. Fürstenberg / Havel: SEC Publications / Kulturstiftung Sibirieng GmbH. 268 p.

Walters, Ph. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innivation? *Religion, State and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 23–28.

Submission date: 12.03.2016.

Библиографическое описание статьи:

Ламажаа Ч. К. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Lamazhaa Ch. K. Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (accessed: ...).

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ТУВИНЦЕВ

ETHNOSOCIAL PROFILE OF TUVANS

Валерия С. Кан

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Valeria S. Kan

Tuva Institute for the Humanities and
Applied Socioeconomic Studies

В статье анализируется современный этносоциальный профиль тувинцев. Характеризуются динамика их численности, среда обитания, особенности расселения и самосознания, межэтнические отношения, владение языками. Материалом исследования выступили данные переписей населения и текущей статистики, полученные автором из Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, а также результаты опросов населения Тувы, проведенные под руководством и при участии автора в 2008–2015 гг.

Благодаря высокой рождаемости, которая сохраняется в регионе традиционно, численность тувинцев в России продолжает расти (2002 г. — 243422 чел., 2010 г. — 263934 чел.). Также увеличивается их удельный вес среди других народов (2002 г. — 0,17%, 2010 г. — 0,19%).

Основной особенностью среды обитания тувинцев является компактное расселение на территории своей республики (249299 чел. или 95% от общей численности), кроме того преимущественно моноэтническая среда, невысокий уровень этнокультурного и языкового многообразия, прожива-

The article examines the ethnosocial profile of contemporary Tuvans, with a focus on the dynamics of population change, human environment, self-consciousness, interethnic relations and language command. Our study was based on the official data of the Federal Census and the current statistics we obtained from Tuva territorial branch of the Federal State Statistics Service, as well as on the outcomes of the opinion polls held by a team lead by the author in 2008-2015.

Due to traditionally high birth rate, the Tuvan population of Russia continues to grow (243422 in 2002, 263934 in 2010). This is also true for their share in the total population of Russia (0.17% in 2002, 0.19% in 2010).

The main features of Tuvan human environment are their compact settlement within the Republic of Tuva (249299, or 95% of overall population), as well as living largely in a monoethnic environment, low level of ethnocultural and linguistic diversity and prevalence of rural population. The share of indigenous population in the region has been steadily increasing (64% in 1989, 77% in 2002, 82%

Кан Валерия Сергеевна — кандидат исторических наук, заведующая сектором прикладной социологии, ведущий научный сотрудник сектора прикладной социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: kan-tuva@mail.ru

Kan Valeria Sergeievna, Candidate of History, Chair and Lead Research Fellow, Sector of Applied Sociology, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., Kyzyl, Russian Federation 667000. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: kan-tuva@mail.ru

ние тувинцев в основном в сельской местности. Доля коренного населения в республике постепенно увеличивается (1989 г. — 64%, 2002 г. — 77%, 2010 г. — 82%), а других этнических групп — сокращается. Сальдо внешней миграции остается стабильно отрицательным в первую очередь вследствие оттока русских, покидающих регион из-за социально-экономического неблагополучия. Среди сельчан тувинцев — 92%, в городе — их 73%. В сравнительном плане соотношение в пользу городского населения меняется в Туве медленнее, чем в целом по стране.

Состояние межэтнических отношений в республике оценивается как стабильное, незначительно напряженное. Неблагополучные моменты чаще всего отмечались на бытовом уровне.

Сокращается численность субэтнической группы тувинцев-тоджинцев (2002 г. — 4435 чел., 2010 г. — 1856 чел.). По мнению автора, это результат изменения самосознания части тувинцев-тоджинцев, которая полностью перешла на оседлый образ жизни.

Названы и охарактеризованы факторы, способствующие воспроизводству этничности в Туве: государственная политика, семья, система регионального образования, деятельность региональных СМИ, общественных объединений и др. Численное доминирование представителей титульного этноса создает среду, благоприятную для сохранения его культуры и языка. Почти 98% тувинцев владели тувинским языком и считали его родным.

Этносоциальный профиль тувинцев является в целом достаточно стабильным за счет положительной динамики численности, устойчивого положения тувинского языка и культуры. В то же время моноэтническая среда, складывающаяся в последние десятилетия в Туве, обуславливает целый ряд социальных проблем.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; коренные жители; этносоциальный профиль; рождаемость; моноэтнизация; миграция русских; этническая идентичность; межэтнические отношения; тувинский язык; тувинцы-тоджинцы; традиционные занятия

in 2002), while those of other groups have been decreasing over time. The net migration remains negative due to ethnic Russians leaving the socially and economically dysfunctional region. Tuvans account for 92% of rural population, and 73% of the urban. The rural-urban balance in Tuva is shifting towards the latter slower than in the national average.

Interethnic relations in the region can be described as stable, with a slight degree of tension. Problems mainly happen on the level of day-to-day communication.

The sub-ethnicity of Tojin Tuvans is decreasing in numbers (4435 people in 2002, and 1856 in 2010). We believe the reason lies in the change of self-consciousness which accompanied the complete abandonment of nomadic lifestyle.

In the article, we also define and describe the factors which contribute to the reproduction of Tuvan ethnicity, including the policy of the regional authorities, family, regional education system, media and non-government bodies. The dominating prevalence of Tuvans in the region creates a beneficial environment for Tuvan culture and language. About 98% of Tuvans speak the language and consider it their first.

Overall, we conclude that the ethnosocial profile of the Tuvan population in the eponymous republic is quite stable due to such factors as positive dynamics of population change and stable development of Tuvan culture and language. However, the very same monoethnic environment, which has been rising over the last decades, has determined a number of social problems in Tuva.

Keywords: Tuva; Tuvans; indigenous population; ethnosocial profile; birth rate; monoethnization; outbound migration of ethnic Russians; ethnic identity; interethnic relations; Tuvan language; Tojin Tuvans; traditional occupations

Введение

Республика Тыва — субъект Российской Федерации в составе Сибирского федерального округа, один из немногих, в котором преобладает численность коренного народа тувинцев, длительно и компактно проживающего на территории Тувы, имеющего собственное национально-государственное образование, обладающего самобытной культурой и языком.

В XVII–XX вв. в ходе переселения русских и представителей других народов на территории Тувы формировался полиэтничный состав населения. Развитие в межэтническом взаимодействии остается характерной чертой жизни тувинцев. По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Туве проживали представители 87 этнических групп. Вторая по численности группа после тувинцев — русские (Национальный..., 2010: 10–11).

В данной публикации мы рассмотрим характерные черты этносоциального профиля коренных жителей Тувы (численность, расселение, среда обитания, самосознание, владение языками, межэтнические отношения) во взаимосвязи с влияющими на него факторами. Материалом исследования выступили данные переписей населения и текущей статистики, полученные автором из Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва (Тывастата), а также результаты опросов населения Тувы, проведенные под руководством и при участии автора в 2008–2015 гг.

Численность

В 2010 г. 263934 чел. в России в ходе Всероссийской переписи населения отметили в графе национальность анкеты один из вариантов ответа — «тувинцы», «тыва», «тува», «тувинцы-тоджинцы». Надо отметить, что тувинцы не входят в число доминирующих этнических групп России, составляя 0,19% от всего населения страны (25-е место). Тем не менее, их численность постоянно растет. С 2002 г. по 2010 г. тувинцев стало больше на 20492 чел. Выросла их представленность среди других народов России (в 2002 г. — 0,17%).

По данным Тывастата, положительная динамика естественного прироста тувинцев в России наблюдалась на протяжении второй половины XX в.: 1959 г. — 100145 чел., 1970 г. — 139388 чел., 1979 г. — 166082 чел., 1989 г. — 206629 чел., 2002 г. — 243422 чел., 2010 г. — 263934 чел.

По материалам переписи 2010 г., подавляющая часть тувинцев расселена компактно на территории Республики Тыва: 249299 человек или 95% от их общей численности (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2013: 166). Данная особенность сложилась исторически в результате действия целого ряда факторов (труднодоступность региона, слабо развитая транспортная инфраструктура, низкий уровень миграционной активности населения и др.). Не последнюю роль играет наличие национально-государственного образования. Большинство тувинцев предпочитают жить на территории своей республики в среде своих соплеменников.

Численность тувинцев в республике во второй половине XX в. увеличилась в 2,5 раза: 1959 г. — 97996 чел. (57%), 1970 г. — 135306 (58,6%), 1979 г. — 161888 (60,5%), 1989 г. — 198448 (64,3%), 2002 г. — 235313 (77%) (Республика Тыва..., 2005: 34), 2010 г. — 249299 (82%) (Основные итоги ..., 2012: 21). Главным фактором ее

роста является высокая рождаемость. Показатель уровня рождаемости остается стабильно высоким: 2010 г. — 26,9 родившихся на 1000 населения, 2011 г. — 27,5, 2012 г. — 26,7, 2013 г. — 26,1, в 2014 г. — 25,3, 2015 г. — 23,6, I квартал 2016 г. — 23,0 (Статистический ежегодник ... , 2015: 23). Несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению рождаемости ее коэффициент остается выше среднего показателя по России и Сибири более чем в 1,5 раза (Социально-экономическое ... , 2016: 63, 72).

Устойчивость традиции многодетности — одна из причин высокой детородной активности тувинок. Материалы переписи 2010 г. и соцопросов населения говорят о том, что они чаще, чем русские женщины рожают третьего ребенка и последующих детей. Немалую роль играют меры социально-экономической поддержки многодетных семей, введенные в последние годы на федеральном и региональном уровнях (выделение материнского капитала, наделение земельным участком, повышение размера социальных пособий, дополнительные льготы и т. д.).

За счет роста численности идет омоложение тувинского населения. Если средний возраст жителя Тувы — 29,2 года, то у тувинцев он составляет 27,4 года (русские — 37,4 года) (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2013: 398).

Расселение

Тувинцы проживают в специфических природно-географических условиях. Для региона характерен преимущественно горный ландшафт, резко континентальный климат (короткое жаркое лето, продолжительная зима с сильными морозами).

92% тувинцев проживают в сельской местности (доля сельского населения в целом — 46,9%). По данным переписи 2010 г. в республике 144 сельских населенных пункта, большое число чабанских стоянок и местечек (только в Терехольском районе их 51).

В регионе показатель плотности населения является одним из самых низких в России. Во многих сельских поселениях проживает небольшое число жителей: в 10 поселениях — до 100 жителей, в 10 — от 101 до 200 чел., в 23 — от 201 до 500 чел., в 45 — от 501 до 1000 чел., в 39 — от 1001 до 2000 чел.

В таблице 1 приведены сведения по численности населения республики в разрезе районов, по данным Тывастата на 1 января 2016 г.

Таблица 1. Численность населения муниципальных районов Республики Тыва (1 янв. 2016 г.)

Table 1. Rayons of the Republic of Tuva by population size, as of January 1, 2016

	Население (чел.)
Республика Тыва	314707
г. Кызыл	115026
г. Ак-Довурак	13681
Муниципальный район Бай-Тайгинский кожуун	10491
Муниципальный район Барун-Хемчикский кожуун	12482
Муниципальный район Дзун-Хемчикский кожуун	19566
Муниципальный район Каа-Хемский кожуун	11998
Муниципальный район Кызылский кожуун	29959
Муниципальный район Монгун-Тайгинский кожуун	5808
Муниципальный район Овюрский кожуун	6813
Муниципальный район Пий-Хемский кожуун	9912
Муниципальный район Сут-Хольский кожуун	7937
Муниципальный район Тандинский кожуун	13402
Муниципальный район Тере-Хольский кожуун	1877
Муниципальный район Тес-Хемский кожуун	8310
Муниципальный район Тоджинский кожуун	6445
Муниципальный район Улуг-Хемский кожуун	18923
Муниципальный район Чаа-Хольский кожуун	6072
Муниципальный район Чеди-Хольский кожуун	7703
Муниципальный район Эрзинский кожуун	8302

Из приведенных данных видно, что густо населены следующие районы: Кызылский, Дзун-Хемчикский, Улуг-Хемский, Барун-Хемчикский, Каа-Хемский. В труднодоступных районах — Тере-Хольском, Монгун-Тайгинском, Чаа-Хольском и Тоджинском — населения значительно меньше.

Из 5 городов республики самым крупным является г. Кызыл — столица. Его численность, по данным Тывастата, постоянно растет (1959 г. — 34462 чел., 1970 г. — 51571, 1979 г. — 66055, 1989 г. — 83822, 2002 г. — 104105, 2010 г. — 109918 чел.) и составила на 1 января 2016 г. 115871 чел.

Остальные города населены значительно меньше: Ак-Довурак — 13663 чел., Шагонар — 10919 чел., Чадан — 9042 чел., Туран — 5633 чел. Городская среда становится более привлекательной для населения, о чем говорят итоги переписей. В 1959 г. городское население составляло 29,2% (сельское — 70,8%), в 1970 г. соотношение составляло 37,5% и 62,5% соответственно, в 1979 г. — 42% и 58%, в 1989 г. — 46,8% и 53,2%, в 2002 г. — 51,5% и 48,5%, в 2010 г. — 53,1% и 46,9%.

Причинами миграции из села чаще всего выступают высокая безработица, низкое качество образовательных и медицинских услуг, слабое развитие сферы досуга и отдыха. По информации Тывастата, уровень общей безработицы в республике в 2015 г. составил 18,6%, при этом в сельской местности — 21,1%, в городе — 16,6%.

Переселение из села в город чаще всего происходит стихийно, что усиливает существующие социальные проблемы в городе и порождает новые (высокая стоимость жилья, перегруженность социальных учреждений, самозахваты земель, превращение дачных поселений в жилые микрорайоны и т. д.). Внимание и поддержка федерального центра остаются в числе многочисленных факторов, сдерживающих рост социальной напряженности в Туве, среди социально-экономических мер: внеочередное выделение средств на строительство больниц, детских садов, школ и др.

Надо подчеркнуть, что в сравнительном плане соотношение в пользу городского населения меняется в Туве медленнее, чем в целом по стране (сельское население в России в среднем составляет 26%, городское — 74%, в Сибири — 28% и 72% соответственно). Одна из причин этой особенности в Туве приверженность населения, в первую очередь, тувинцев, традиционным занятиям: скотоводству, земледелию, рыболовству, охоте, собирательству, пчеловодству и др. По данным Тывастата за I квартал 2016 г., из 38974 чел. занимавшихся производством товаров для собственного использования 27899 чел. (71,6%) изготавливали и/или перерабатывали для хранения продукты сельского хозяйства, рыболовства, охоты и собирательства. Доля сельского населения из числа лиц, занимавшихся производством товаров для собственного использования — 79%, городского — 21%.

Сельскохозяйственная перепись 2006 г. показала, что население Тувы разводит не только коров, лошадей, коз, баранов и свиней. В Тоджинском и Каа-Хемском районах разводят северных оленей, в Кызылском, Улуг-Хемском, Эрзинском и Тес-Хемском районах — верблюдов, в Пий-Хемском районе — маралов (пантовых оленей), в Монгун-Тайгинском районе — яков (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной ... , 2008: 23, 24, 39).

Важным стимулом для развития села является государственная поддержка. Региональные власти реализуют различные социальные программы («Одно село — один продукт», «Корова-кормилица» и др.) и отдают приоритет тем проектам, которые имеют сельскохозяйственную направленность, опираются на традиции тувинского народа.

Среда обитания

подавляющая часть жителей республики проживает в моноэтнической среде. Данная особенность сложилась в результате постепенного увеличения численности тувинцев в регионе в постсоветское время (1989 г. — 64%, 2002 г. — 77%, 2010 г. — 82%) при сокращении удельного веса других этнических групп.

По данным Тывастата, сальдо внешней миграции остается стабильно отрицательным. В 2005 г. миграционная убыль составила 821 чел., 2006 г. — 1200, 2007 г. — 1701, 2008 г. — 2027, 2009 г. — 1460, 2010 г. — 1751 (Демографический ежегодник ..., 2012: 149), 2011 г. — 3860¹, 2012 г. — 3682, 2013 — 3411, 2014 — 2486, 2015 — 2380 (Статистический ежегодник, 2015: 7).

По изменениям в этнической структуре населения ясно, кто уезжает из Тувы. Если тувинцы предпочитают переселяться из села в город, то русские и представители других национальностей, многие из которых прибыли в республику в советский период, покидают регион. Планы строительства железной дороги, которая свяжет Туву с Красноярским краем и всей Россией, а также освоения месторождения полезных ископаемых не изменили вектор перемещений населения.

Приведем данные переписей по численности русских: 1959 г. — 68924 чел. (40,1%), 1970 г. — 88385 (38,3%), 1979 г. — 96793 (36,2%), 1989 г. — 98831 (32%), 2002 г. — 61442 (20,1%), 2010 г. — 49434 чел. (16,3%) (Республика Тыва от переписи к переписи, 2005: 34). Количество лиц других национальностей (помимо тувинцев и русских) в 2010 г. — всего 5124 чел. или 1,7%.

Основу для миграционных настроений формируют, в первую очередь, социально-экономические трудности, связанные с ними неблагоприятные социальные явления и неудовлетворенность части населения работой властей (высокая безработица и преступность, низкое качество образовательных и медицинских услуг, распространенность пьянства и др.). Подтверждением этого факта

---

¹ По информации Тывастата, резкое увеличение в этот период числа выбывших связано с введением 1 января 2011 г. новых правил: первичные статистические талоны на мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, были включены в общую систему обработки данных по миграции населения.

² Здесь приводятся данные социологического исследования «Оценка состояния и тенденций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в г. Кызыле Республики Тыва», проведенного сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований с 22 ноября по 7 декабря 2014 г. Было опрошено 304 чел. Соблюдался случайный принцип отбора — опрашивался каждый третий человек в общественных местах или по месту работы (на предприятии). Выборка массового опроса — совмещенная стратифицированная территориальная (квоты по полу, возрасту, уровню образования и микрорайону проживания). При расчете выборочной совокупности были использованы данные Всероссийской переписи 2010 г. Был также проведен опрос экспертов (17 чел.), которыми выступили представители разных профессиональных и этнических групп, проживающие в г. Кызыле (ученые, госслужащие, журналисты, предприниматели, правозащитник и т. д.).

служат данные нашего опроса 2014 г.² Было выяснено, что побуждало людей чаще или больше к выезду: отсутствие работы (63,8%), учеба (40,5%), экономические проблемы (26,6%), коррупция (23,4%), преступность, распространенность пьянства и наркомании (23%). Эксперты выделяли в качестве таковых также слабую инфраструктуру, бесперспективность и суровый климат. К менее значимым причинам миграции отнесены политическая нестабильность (5,9%), ухудшение межэтнических отношений (5,6%) и транспортная труднодоступность (3%).

Многие районы Тувы имеют моноэтнический состав населения (таблица 2).

Таблица 2. Национальный состав муниципальных районов Республики Тыва, по данным Всероссийской переписи 2010 г.

Table 2. Ethnic composition of Tuva's rayons (Federal Census 2010)

	Все население	Указавшие национальную принадлежность	тувинцы		русские		другие национальности	
			чел.	%	чел.	%	чел.	%
Все население	307930	303857	249299	82,04	49434	16,27	5124	1,69
Городское население	163402	160258	116708	72,83	39117	24,41	4433	2,77
Сельское население	144528	143599	132591	92,33	10317	7,18	691	0,48
г. Кызыл	109918	106919	72804	68,09	30388	28,42	3727	3,49
г. Ак-Довурак	13468	13445	12707	94,51	573	4,26	165	1,23
Бай-Тайгинский кожуун	10803	10701	10694	99,93	4	0,04	3	0,03
Барун-Хемчикский кожуун	12847	12825	12766	99,54	46	0,36	13	0,10
Дзун-Хемчикский кожуун	19918	19838	19751	99,56	56	0,28	31	0,16
Каа-Хемский кожуун	12279	12204	7843	64,27	4182	34,27	179	1,47
Кызылский кожуун	27659	27588	21705	78,68	5541	20,08	342	1,24
Монгун-Тайгинский кожуун	5661	5634	5608	99,54	12	0,21	14	0,25
Овюрский кожуун	7022	6971	6890	98,84	69	0,99	12	0,17
Пий-Хемский кожуун	10092	10013	6954	69,45	2911	29,07	148	1,48

Сут-Хольский кожуун	8029	7984	7974	99,87	10	0,13	0	0,00
Тандинский кожуун	12891	12801	9951	77,74	2653	20,72	197	1,54
Тере-Хольский кожуун	1882	1862	1827	98,12	1783	95,76	35	1,88
Тес-Хемский кожуун	8174	8043	7913	98,38	110	1,37	20	0,25
Тоджинский кожуун	6020	5927	4862	82,03	41	0,69	41	0,69
Улуг-Хемский кожуун	19266	19235	17749	92,27	1345	6,99	141	0,73
Чаа-Хольский кожуун	6036	5998	5977	99,65	14	0,23	7	0,12
Чеди- Хольский кожуун	7685	7640	7153	93,63	430	5,63	57	0,75
Эрзинский кожуун	8280	8230	8171	99,28	41	0,50	18	0,22

Доля тувинцев в сельской местности составляет 92%, а в городской — 73%. В Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском, Монгун-Тайгинском, Овюрском, Сут-Хольском, Тере-Хольском, Тес-Хемском, Чаа-Хольском, Эрзинском районах численность коренного населения достигла почти 100% (98–99,9%). Совсем мало русских осталось в г. Ак-Довурак (тувинцы — 95%, русские — 4%, другие — 1%), Улуг-Хемском (92%, 7% и 1% соответственно) и Чеди-Хольском районах (95%, 4% и 1% соответственно). Хотя в советский период доля русского населения в этих населенных пунктах была весомой.

Смешанный этнический состав населения остается в следующих районах: Кызылском (тувинцы — 79%, русские — 20%, другие — 1%), Каа-Хемском (тувинцы — 64%, русские — 34%, другие — 2%), Пий-Хемском (тувинцы — 69%, русские — 29%, другие — 2%), Тандинском (тувинцы — 78%, русские — 21%, другие — 1%), Тоджинском (тувинцы — 82%, русские — 17%, другие — 1%).

Самым крупным полиэтническим анклавом республики остается г. Кызыл, где сосредоточена основная часть русских (30388 чел. или 28,4% от общей численности) и других этнических групп (3727 чел. или 3,6%). Но этническое и языковое многообразие в столице тоже сокращается.

С уверенностью можно прогнозировать дальнейшее сокращение численности русских, так как у них выражен миграционный потенциал. По данным опроса 2014 г. уехать из республики хотел бы каждый пятый: на длительное время — 14,3%, навсегда — 6,7%. Русские чаще, чем тувинцы, выражали желание уехать из Тувы «навсегда» — 14,5% (тувинцы — 3,2%). Аналогичные настроения наблю-

дались в 2013 г. (Кан, 2015: 132). Мы предполагаем, что к переписи 2020 г. доля русских в этнической структуре населения будет в пределах 8–10%.

Межэтнические отношения

Особенности этнодемографической составляющей населения обусловили тот факт, что межэтническое взаимодействие развивается в основном, между тувинцами и русскими. Доля других этнических групп стала совсем незначительна: по данным переписи 2010 г., хакасов — 877 чел., киргизов — 628 чел., армян — 512 чел., украинцев — 493 чел., татар — 352 чел., бурят — 313 чел., узбеков — 253 чел., корейцев — 162 чел., азербайджанцев — 159 чел. (Итоги Всероссийской переписи 2010 г. по Республике Тыва, 2013: 10–11).

На протяжении двух последних десятилетий межэтнические отношения развивались в целом стабильно, конфликтные ситуации были нехарактерными. В настоящее время их состояние можно оценить как относительно стабильное — незначительно напряженное состояние. Согласно данным нашего опроса 2015 г.¹, большая часть опрошенного населения республики оценила межэтнические отношения следующим образом: 18,4% — «хорошие», 21,3% — «нейтральные» 30,6% — «скорее нормальные, чем напряженные». Проблемы видела пятая часть респондентов: 12,5% — «скорее напряженные, чем нормальные», 6,9% — конфликтные. Более критичные оценки состоянию межэтнических отношений по сумме ответов давали молодые люди, женщины и русские.

Неблагополучие остается характерным признаком бытового межличностного общения. 25,5% опрошенных заявили о неприятных случаях, которые произошли с ними на улицах, в магазинах и общественном транспорте, 14,9% — в сфере торговли, 11,3% — в системе власти. С неприятными ситуациями в быту значительно чаще сталкивались русские — 45,2% (тувинцы — 25,3%).

46,2% опрошенных были свидетелями унижения или оскорбления людей на основании их национальности. Несмотря на спорадический характер подобных явлений (редко — 15,2%, иногда — 22,2%, часто — 8,8%), они не могут не вызывать беспокойства. При этом среди русских суммарный показатель таких ответов выше — 65,6%, тувинцы — 44%.

36,5% жителей принимали участие в конфликтах с людьми другой националь-

---

¹ Здесь приводятся данные социологического исследования «Оценка межэтнических отношений в Республике Тыва», проведенного сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. С 15 сентября по 7 октября 2015 г. было опрошено 556 чел., из них 300 чел. в г. Кызыле, 229 чел. — в Эрзинском, Барун-Хемчикском, Каа-Хемском и Дзун-Хемчикском районах республики. Использован квотный принцип отбора респондентов: с учетом их пола, возраста и образования. Квоты пропорциональны численности этих групп в социально-демографической структуре населения столицы по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

ности (18,7% — редко, 14,6% — иногда, 3,2% — часто), 57,5% — нет. Из данных таблицы 3 явствует, что на ответы людей накладывает отпечаток их этническая принадлежность.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам вступать в конфликт с людьми другой этнической группы на национальной почве» в разрезе национальности (по данным исследования 2015 г.)

Table 3. Distribution of answers to “Have you ever been a party in a conflict on ethnic grounds?” in the context of nationality (according to a 2015 study)

	Национальность, %	
	тувинцы	русские
Да, часто	2,9	6,5
Да, иногда	13,0	24,2
Да, но очень редко	17,6	29,0
Нет, ни разу	60,3	37,1
Затрудняюсь ответить	6,2	3,2

Мы видим, наблюдается большее число отрицательных значений в ответах русских. На основании выявленных расхождений можно говорить об элементах неблагополучия в сфере межэтнических отношении, ухудшении социально-психологического самочувствия русского населения.

Межэтническая напряженность, конфликты — следствие комплекса проблем в образовании и воспитании, экономике и социальной сфере. Чаще всего к конфликтам ведут, по мнению респондентов:

- 1) отсутствие должного, уважительного поведения представителей разных народов (43,2%);
- 2) непонимание другой культуры, отсутствию опыта межэтнического взаимодействия (29,9%);
- 3) низкий уровень жизни, неразрешенность социальных проблем (28,6%);
- 4) языковой барьер (19,4%).

Отношение тувинцев к лицам, переехавшим жить в республику в 24% случаев — полностью положительное (русские — 33,9%), в 17,6% — скорее положительное (русские — 16,1%), в 31,6% — нейтральное (русские — 43,5%). Заявил об отрицательном отношении каждый пятый тувинец (20,9%, русские — 4,8%). Толерантный настрой помимо русских больше присущ людям от 40 лет.

Приезжие освоили такие экономические ниши, в которые местные жители не сильно стремятся попасть (строительный бизнес, предприятия общественного

питания, растениеводство, овощеводство), исключение — торговля. Это одна из причин относительно лояльного к ним отношения со стороны подавляющей части местного населения (Кан, 2014b).

Отличается отношение тувинцев к китайцам, его можно назвать настороженным. Постоянно на территории Тувы, по данным Всероссийской переписи 2010 г., проживали 33 китайца (2002 г. — 18 чел. и 1989 г. — 11 чел.). С 2008 г. в Туву ежегодно прибывают китайцы для работы в промышленной компании «Лунсин», дочерней компании китайского золотодобывающего холдинга Zijin Mining Group.

У тувинцев присутствует ощущение «китайской» угрозы, что обусловлено: 1) периодом длительного китайского господства над регионом (1644–1912 гг.); 2) многочисленностью китайцев, а также их способностью при переселении на другие места быстро ассимилировать малочисленные народы и работать интенсивнее, чем местное население; 3) потребительским, агрессивным отношением китайцев к природным ресурсам; 4) лояльным отношением к китайцам со стороны федеральных и региональных властей (в Туве, например, это выразилось в продаже лицензии на разработку месторождений полиметаллических руд в Тоджинском районе). Местные СМИ реагируют на беспокойство людей. К примеру, корреспондент «Тувинской правды» на месте выяснял, соблюдала ли китайская компания «Лунсин» экологические и социальные обязательства. Он выяснил, что квота в размере 50% от общего состава рабочих мест жителям республики не предоставлена. Не все работники из числа местных кадров смогли закончить организованное обучение. Автор, стараясь взвешенно осветить проблему, привел мнения ученых, руководителя общественной организации «Тоджа» и местных чиновников, но ответить на все наболевшие вопросы людей по поводу работы горнодобывающего предприятия ему не удалось (Посохин, 2013: 6). В другой газете дана резко критическая оценка деятельности китайской компании. Здесь писалось о том, что китайцы не выполнили обещания по набору местных кадров и уплате налогов. Местных рабочих в «Лунсине» нет: это «либо китайцы, численность которых невозможно установить, либо рабочие из других регионов страны». По версии газеты, обучение местных кадров не входило в планы китайцев (Запустили козла ... 2013: Электр. ресурс). В СМИ высказывались и такие мнения: «Не удивлюсь, если через пару лет, великая сибирская река Енисей превратится в вонючую, ядовитую жижу» (Оюн Тандинский, 2013: Электр. ресурс).

По нашему мнению, с учетом небольшого числа китайцев, вахтового метода их работы, действующих ограничений по предельной численности иностранной рабочей силы в регионе, нет оснований для серьезных опасений и тревог.

Тувинцы-тоджинцы

Для тувинцев характерен в целом однородный этнический состав, но есть особенности в занятиях, жизненном укладе, культуре и языке у тувинцев-оленеводов. Благодаря исследованиям С. И. Вайнштейна их выделили в субэтническую группу тувинцев с названием «тувинцы-тоджинцы» (Вайнштейн, 1961). 24 марта 2000 г. тувинцы-тоджинцы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ и получили право получать государственные субсидии и льготы.

Четыре района республики отнесены к территориям проживания коренных малочисленных народов РФ: Тоджинский (сельские поселения Азас, Ий, Сыстыг-Хем, Чазылар), Монгун-Тайгинский (сельские поселения Моген-Бурен, Тоолай-лыг), Тере-Хольский (сельские поселения Шынаа, Каргы, Балыктыг, Эми), Эрзинский (сельское поселение Бай-Даг). В августе 2010 г. их насчитали всего 1856 чел. (в 2002 г. — 4435 чел.), причем треть из них были дети в возрасте до 17 лет (673 чел.) (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2013: 2202). Перепись показала, что число тувинцев-тоджинцев не изменилось в Тере-Хольском районе (2002 г. — 1786 чел., 2010 г. — 1783 чел.), но резко сократилось в Тоджинском (2002 г. — 2641 чел., 2010 г. — 70 чел.).

Высказывалось несколько версий сокращения числа тувинцев-тоджинцев. Президент Ассоциации общин тувинцев-тоджинцев «Тос-Чадыр», потомственная оленеводка С. А. Демкина считает, что тувинцев-тоджинцев меньше не стало. В беседе с автором статьи она отмечала, что не всем переписчики задавали вопрос об этнической принадлежности. В Тоджинском районе тувинцев-тоджинцев около 4,5 тыс. чел. К ним она относит не только тех тувинцев, основным занятием которых является оленеводство, но и их потомков, проживающих в селах Тоджинского района.

По информации Тывастата, изъянов в работе переписного персонала не было. Просто в 2010 г. тувинцы-тоджинцы вошли в основную группу «тувинцев», о чем свидетельствует увеличение числа ответов «тувинцы», «тувинка», «тувинец», «тыва» в Тоджинском районе (с 1991 до 4792 чел., по данным Росстата).

На наш взгляд, случаи недоучета тувинцев-тоджинцев все же имели место. В ходе опроса, проведенного нами в августе 2010 г., 12% респондентов ответили, что вопрос об этнической принадлежности им не задавался (Кан, Тулуш, 2011). В то же время перепись верно отразила тенденцию сокращения численности тувинцев-тоджинцев. Это связано с изменением самосознания тех из них, которые полностью перешли на оседлый образ жизни. Основные причины: уменьшение поголовья оленей, сложные условия жизни и работы оленеводов, недостаточное количество мер социально-экономической поддержки традиционных занятий и их низкая эффективность, низкая привлекательность традиционных

занятий для молодежи и др. (см.: Кан, 2014а: 116–121). К 2000 г. осталось всего 1200 оленей, это меньше, чем когда-либо было в Туве (Юбилейный статистический сборник ..., 2014: 160).

Промышленное освоение территории Тоджи усиливает тревожные настроения среди тувинцев-тоджинцев. Их беспокоит то, что они не могут расширить свои пастбища, оформить права на землю. Как и другие малочисленные народы, они объединяются для защиты среды обитания, сохранения традиционного образа жизни и занятий. По информации Управления министерства юстиции РФ по Республике Тыва на 1 мая 2016 г. было зарегистрировано 10 некоммерческих организаций, работа которых направлена на сохранение уклада жизни тувинцев-тоджинцев. В основном это территориально-соседские общины: «Хам-Сыра-Алдын-Иви», «Балыктыг», «Эми», «Дзун-Саян», «Кара-Балык», «Кара-Доот», «Оо-Хем», «Узю», «Моген-Бурен». Шесть из них зарегистрированы на территории Тоджинского района: «Улуг-Даг», «Хам-Сыра-Алдын-Иви», «Дзун-Саян», «Кара-Доот», «Оо-Хем», «Узю».

Первые общины зарегистрировались в 2010 г.: сначала в Тоджинском, затем в Тере-Хольском и Монгун-Тайгинском районах. В том же году общины «Хам-Сыра-Алдын-Иви», «Баш-Хем» и «Эми» объединились под руководством С. А. Демкиной в Ассоциацию «Тос Чадыр».

Благодаря настойчивым усилиям Ассоциации, поддержке со стороны Правительства Тувы и Общественной палаты Тувы, была достигнута договоренность о выплате на одного оленя 2400 руб. в год. Половину этой суммы оленеводы получают из республиканского бюджета, а другую половину — из Фонда поддержки оленеводов (средства промышленных компаний). Меры адресной поддержки дали результат — поголовье оленей медленно, но растет. По данным Министерства сельского хозяйства и продовольствия Тувы на 1 января 2014 г., полученным нами, поголовье оленей в Тоджинском районе выросло на 23,4% и составило 2080 голов.

Этническая идентичность, культура и родной язык

По нашему мнению, относительно однородная этническая среда в регионе, слабая распространенность межнациональных браков в Туве способствуют укреплению тувинской идентичности. По данным опроса 2008 г., более выраженной у жителей столицы была этническая идентичность. Это же на материале всей республики показывают и данные переписи 2010 г. Национальную принадлежность тогда указали 303857 человек из 307930 (98,7% населения). Причем здесь она указывалась как единственная (или тувинец, или русский), в отличие от других регионов, где были зафиксированы разные варианты национальной принадлежности (к примеру, «русский-татарин», «русский, еврей и др.»).

Дополнительным аргументом в пользу высказанного утверждения служит факт минимального числа отказавшихся отвечать на вопрос об этнической принадлежности в Туве (230 чел.) и не указавших ее (753 чел.). Всего же не было сведений о национальной принадлежности 4073 чел. или 1,3% от всего населения региона.

98,7% от общего числа участвовавших в переписи населения 2010 г. в Туве на вопрос о родном языке, назвали родным тот, что соответствует их национальной принадлежности, тоже было зафиксировано в переписном листе. Численное доминирование представителей титульного этноса, государственная поддержка тувинского языка создают среду, благоприятную для его функционирования. Тувинский язык входит в состав тюркской языковой семьи и делится на 4 диалекта: центральный (лежит в основе общенационального разговорного и литературного тувинского языка), западный, тоджинский и юго-восточный.

Абсолютное большинство тувинцев являются носителями родного языка, употребляют его повсеместно и постоянно. Установка на повседневное применение тувинского языка формируется в семье, что обеспечивает языковую преемственность поколений. Опросы показали, что даже если тувинец плохо знает или вообще не владеет тувинским языком, он считает его родным, а себя — тувинцем (Кан, Тулуш, 2011: 222–224).

Для сравнения отметим, что в Республике Саха указали на якутский как родной 438664 якута (94,2% от числа отвечавших на вопрос о родном языке), а русский — 27027 якутов (5,8%). Хакасский язык считали родным 69,9% хакасов (44497 чел.), а 30% хакасов — русский (19073 чел.). Алтайский язык назвали родным 86% алтайцев (59185 чел.), русский — 12,3% (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, 2013: 288, 290–291).

Рассматривая состояние тувинского языка, отметим ряд проблем. По мнению лингвистов, заметна тенденция снижения уровня знания тувинского языка как родного, особенно среди молодежи. В ходе социологического опроса 2010 г. жители г. Кызыла были обеспокоены недостаточной степенью использования тувинского языка в делопроизводстве, проникновением в практику тувинского языка слов из русского и других языков, уменьшением читательской аудитории тувинской литературы и фольклора (Кан, 2011: 224–225). Эти процессы имеют объективные причины: сокращением тематического вещания на родном языке в СМИ, финансирования качественных переводов и выпуска литературы на тувинском языке, производства хороших художественных кинофильмов на тувинском языке и др. Сказывается недостаток учебно-методической литературы, низкое качество подготовки кадров учителей.

Русский язык остается востребованным как язык межнационального общения, массовой коммуникации и социального продвижения. Среди тувинцев по-прежнему распространен тувинско-русский билингвизм. 91% тувинцев г. Кы-

зыка владеют русским языком, родным его считают 4,4% (2383 чел.) (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., 2013: 2168). Процент владения русским тувинцами в масштабах всей Тувы достаточно высок — 204213 чел. (81,9%). В то же время, из-за сокращения численности русских ухудшается положение русского языка, прежде всего, в сельской местности. Сужение практики межнационального общения, уменьшение объема преподавания в национальных школах (классах), ухудшения качества преподавания русского языка пагубно отражаются на уровне его знания, прежде всего, среди сельских тувинских ребят.

Социальная среда

Целый комплекс факторов способствует сохранению и развитию тувинского этноса, особо отметим роль семьи, государственной политики, системы образования и СМИ.

Семья. С раннего детства родители формируют у детей ценность родного языка и культуры и их знания. Общаясь на тувинском языке повсеместно: в семье, в кругу родных, на общественных мероприятиях родители формируют языковые навыки у своих детей. Отдавая ребенка в класс с тувинским языком обучения, они обеспечивают достаточный уровень языковой компетентности. Многие тувинцы отмечают семейные события и праздники (рождение детей, помолвка, свадьба и др.) в кругу родных в соответствии с обычаями и традициями народа.

Система образования. По сведениям Тывастата, почти половина школ в республике в 2015/2016 учебном году являются смешанными (117 из 246): в них имеются классы с русским и тувинским языками обучения. В 125 школах обучение осуществляется только на русском языке, в 4 - на тувинском. На тувинском языке в этом учебном году обучались 10318 учеников 1–4 классов, 709 чел. — 5–9 классов. В национальных школах (классах) родной язык является языком обучения и предметом изучения с 1-го по 4-й классы. В 116 общеобразовательных учреждениях учащихся изучают тувинский язык как предмет (10005 чел. в 5–9 классах, 2802 чел. — в 10–11 классах).

Во всех школах Тувы в 8 классе ведется «География Тувы» в объеме одного часа в неделю, а в 9 классе — «История Тувы». В ряде школ организовано преподавание курсов «Народная педагогика», «Традиции народа» и др. Этнокультурный компонент присутствует также в дошкольных образовательных учреждениях региона. Действуют учебно-методические центры при детских садах г. Кызыла №№ 11 и 34. Научно-методическую основу внедрения этнокультурного компонента в образовательный процесс создают Институт развития национальной школы Министерства образования и науки Тувы, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Тувинский государственный университет. По ряду основных направлений опубликованы

научные монографии, учебники и учебные пособия. Подготовку учителей родного языка и литературы осуществляет филологический факультет Тувинского государственного университета.

Деятельность региональных властей. Для Министерства культуры Республики Тыва среди целей работы остается важнейшей поддержка культуры, обычаев и традиций народов, проживающих в республике, в первую очередь, тувинского. С 1990-х гг. много мер принято по сохранению и развитию тувинской традиционной культуры. За счет республиканского бюджета в 2010 г. создан и действует Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел. Ему построено здание в центре столицы, выделены штатные единицы работников. В последние три года усилилось внимание этническим группам, которые находятся в ситуации меньшинства в республике.

Деятельность региональных СМИ. Около 25–30% от общего объема информационного вещания в республике ведется на тувинском языке. Монопольное положение в медиасистеме занимает филиал Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) — ГТРК «Тыва». Годовой объем ее вещания — 830 часов. Половина информационных программ, по данным компании за третий квартал 2014 г., выходила на тувинском языке (51,5 часов из 103,6) (Кан, 2014с: Электр. ресурс). Программы на родном языке исключительно популярны среди тувинцев, проживающих в сельской местности. Газеты «Шын» («Правда»), «Тываның аныяктары» («Молодежь Тувы»), «Сылдыс-чыгаш» («Звездочка») тоже имеют широкий круг читателей.

Региональные СМИ востребованы не только благодаря выходу на тувинском языке, но постоянному освещению этнической тематики. Практически в каждом номере газеты, новостном теле- или радиосюжете выходят такие материалы. Это говорит о высокой потребности тувинцев в этнической информации, в то же время ее регулярная трансляция способствует воспроизводству этничности.

Наконец, заметный вклад в популяризацию культуры коренного этноса вносят общественные объединения: республиканская общественная организация — «Мир тувинцев», а также религиозные организации (в основном буддийские). Согласно данным нашего опроса 2014 г., 80,9% тувинцев, считавших себя верующими в г. Кызыле, назвали себя буддистами.

Заключение

Таким образом, этносоциальный профиль тувинцев является в целом достаточно стабильным за счет положительной динамики численности, устойчивого положения тувинского языка и культуры. Важную роль играет наличие своего национально-государственного образования с субъектами исполнительной,

законодательной и судебной власти. На территории региона действуют законы, направленные на сохранение и развитие языка и традиционной культуры тувинцев. Государственный статус тувинского языка сделал обязательным его использование в образовании, сфере искусства, информационном вещании. Высокая ценность и потребность в получении информации на родном языке являются залогом формирования самобытного мышления тувинцев, сохранения этнической культуры и истории.

В то же время моноэтническая среда, складывающаяся в последние десятилетия, является некомфортной для русского населения, численность которого неуклонно сокращается. В результате оттока русских специалистов с одной стороны, ослабляется кадровый потенциал региона, снижается качество работы социальных учреждений, ухудшается межэтнический климат. С другой стороны, у тувинцев сужаются возможности на практике освоить русский язык, получить личный опыт межэтнического общения. Это сдерживает развитие этноса, сохраняя инертность сознания и патерналистскую модель поведения у большей части его представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука. 218 с.

Демографический ежегодник Республики Тыва (2012): Стат. сборник / Тыва-стат. Кызыл: Тывастат. 166 с.

Запустили козла в огород (2013) [Электронный ресурс] // Риск (газета). № 1. 15 января. URL: http://risk-inform.ru/article_3554.html (дата обращения: 24.06.2015 г.).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (2013): в 11 т. М.: ИИЦ «Статистика России». Т. 4. 2917 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Тыва. Национальный состав и владение языками, гражданство населения РТ (2013). Кызыл: Тывастат. Т. 4. 341 с.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 2006 года (2008). Том 5. поголовье сельскохозяйственных животных. Кызыл: Тывастат. 138 с.

Кан, В. С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник: Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 230 с. С. 128–133.

Кан, В. С. (2014а) Проблемы тувинцев-тоджинцев и пути их решения // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего этноса; практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики : сборник

научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17–18 окт. 2014 г.) / отв. ред.: В. В. Поддубиков; редкол.: В. Г. Дружинин [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. Кемерово: Практика. 549 с. С. 116–121.

Кан, В. С. (2014b) Ситуация с занятостью и отношение к мигрантам в Республике Тыва // Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. В. В. Степанов, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН. 361 с. С. 289–308.

Кан, В. С., Тулуш Д. К. (2011) Социологическая ситуация и перепись в Туве // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В. С. Степанова. М.: ИЭА РАН. 552 с. С. 372–383.

Кан, В. С. (2014c) Средства массовой информации Республики Тыва на современном этапе [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. URL: <http://tigi.tuva.ru/docs/conferensii/70let.pdf> (дата обращения: 15.04.2016).

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Тыва (2012). Кызыл: Тывастат. 50 с.

Оюн Тандинский (2013). Тоджа — край родной или Поучительная легенда об «Онгон-Хурээ» [Электронный ресурс] // Риск (газета). № 2. 22 января. URL: http://risk-inform.ru/article_3578.html (дата обращения: 15.04.2016).

Посохин, А. (2013) «Лунсин»: взгляд изнутри // Тувинская правда. № 1. 10 января. С. 6.

Республика Тыва от переписи до переписи (2005). Кызыл: Тывастат. 106 с.

Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2015 году (2016). Кызыл: Тывастат. 62 с.

Статистический ежегодник Республики Тыва (2015): стат. сборник / Тывастат. Кызыл: Тывастат. 241 с.

Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы (2014): статистический сборник. Кызыл: Тывастат. 208 с.

Дата поступления: 01.05.2016 г.

REFERENCES

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Tyva (2012): Stat. sbornik. Kyzyl, Tyvastat. 166 p. (In Russ.).

Zapustili kozla v ogorod (2013). *Risk* (the paper), no. 1. January 15 [online] Available at: http://risk-inform.ru/article_3554.html (access date: 24.06.2015). (In Russ.).

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda (2013): in 11 vol. Moscow, IITs Statistika Rossii. Vol. 4. 2917 p. (In Russ.).

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 g. po Respublike Tyva. Natsional'nyi sostav i vladenie iazykami, grazhdanstvo naseleniia RT (2013). Kyzyl, Tyvastat. Vol. 4. 341 p. (In Russ.).

Itogi Vserossiiskoi sel'skokhoziaistvennoi perepisi naseleniia 2006 goda (2013). Kyzyl, Tyvastat. Vol. 5. Pogolov'e sel'skokhoziaistvennykh zhitovnykh. 138 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*: vol. 10, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 230 p. Pp. 128–133. (In Russ.).

Kan, V. S. (2014a) Problemy tuvintsev-todzhintsev i puti ikh resheniia. In: *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego etnosa: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki. Sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kemerovo, 17–18 okt. 2014)*, ed. V. V. Poddubikov. Kemerovo, Praktika. 549 p. Pp. 116–121. (In Russ.).

Kan, V. S. (2014b) Situatsiia s zaniatost'iu i otnoshenie k migrantam v Respublike Tyva. In: *Sotsial'nye faktory etnicheskoi neterpimosti (itogi mezhdistsiplinarnogo issledovaniia)*, ed. V. V. Stepanov, V. A. Tishkov. Moscow, IEA RAN. 361 p. Pp. 289–308. (In Russ.).

Kan, V. S. and Tulush, D. K. (2011) Sotsiologicheskaiia situatsiia i perepis' v Tuve. In: *Etnologicheskii monitoring perepisi naseleniia*, ed. V. V. Stepanov. Moscow, IEA RAN. 552 p. Pp. 372–383. (In Russ.).

Kan, V. S. (2014) Sredstva massovoi informatsii Respubliki Tyva na sovremennom etape. *Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies* [online] Available at: <http://tigi.tuva.ru/docs/conferentsii/70let.pdf> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Osnovnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda po Respublike Tyva (2012). Kyzyl, Tyvastat. 50 p. (In Russ.).

Oiun Tandinskii (2013) Todzha — krai rodnoi ili Pouchitel'naia legenda ob «Ongon-Khuree». *Risk*, no. 2. January 22 [online] Available at: http://risk-inform.ru/article_3578.html (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Posokhin, A. (2013) «Lunsin»: vzgliad iznutri. *Tuvinskaia Pravda*, no 1. January 10, p. 6. (In Russ.).

Respublika Tyva ot perepisi k perepisi (2005). Kyzyl, Tyvastat. 106 p. (In Russ.).

Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tyva v 2015 godu (2016). Kyzyl, Tyvastat. 62 p. (In Russ.).

Statisticheskii ezhegodnik Respubliki Tyva (2015): stat. sbornik. Kyzyl, Tyvastat. 241 p. (In Russ.).

Iubileinyi statisticheskii sbornik k 100-letiiu edineniia Rossii i Tuvy (2014): Stat. sbornik. Kyzyl, Tyvastat. 208 p. (In Russ.).

Submission date: 01.05.2016.

Библиографическое описание статьи:

Кан В. С. Этносоциальный профиль тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Kan V. S. Ethnosocial profile of Tuvans. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (accessed: ...).

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ТУВЫ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

**Галина Ф. Балакина,
Ай-Кыс Ч. Кылгыдай**

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения
Российской академии наук

Изучение проблемы адаптации этнических групп Тувы к современным социально-экономическим трансформациям имеет особую актуальность. Обусловлено это тем, что Тува относится к числу этнически неоднородных регионов, слабо изучена в целом проблема особенностей адаптации этнических групп. Также проблема национальных и культурных особенностей населения важна при определении перспектив развития региона.

Для изучения различий в масштабах, темпах и технологиях приспособления этнических групп к

Studying the issue of how ethnic groups in Tuva adapt to contemporary social and economic transformations is of special importance at the moment due to the fact that Tuva is an ethnically heterogeneous region, and also because the issue of such adaptation has not been sufficiently studied so far. The ethnic and cultural profile of the population of a certain region is also important for assessing the prospects of its

Balakina Galina Fedorovna — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел./факс: +7 (39422) 6-62-18. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

Kylgydai Ai-Kys Chamdalovna — научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, соискатель ученой степени кандидата наук. Научный руководитель — д-р экон. н. Г. Ф. Балакина. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел./факс: +7 (39422) 6-62-18. Эл. адрес: aikys_k@mail.ru

Balakina Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., Kyzyl, Russian Federation 667007. Tel./fax: +7 (39422) 6-62-18. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

Kylgydai Ai-Kys Chamdalovna, Research Fellow, Laboratory of Regional Economy, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., Kyzyl, Russian Federation 667007. Tel./fax: +7 (39422) 6-62-18. E-mail: aikys_k@mail.ru. Research advisor – Doctor of Economics, Professor G. N. Balakina.

трансформирующейся среде в 2010 г. и 2014 г. под руководством авторов статьи были проведены социологические опросы населения республики трудоспособного возраста. Опросы проводились методом анкетирования по репрезентативной выборке. Объем выборки по 400 чел.

Анализ данных показывает, что модели адаптации населения к социальным изменениям различаются у этнических групп — прежде всего тувинцев и русских. Процесс адаптации русских Тувы заметно затрудняется тем, что им приходится приспосабливаться не только к новой социально-экономической ситуации, но и к новым этнополитическим реалиям. Если ценностные ориентации русских были схожи с людьми титульного этноса, то в вопросах равенства шансов социальной мобильности русские, в т. ч. и русская молодежь, продолжают ощущать себя более ущемленными в сравнении с тувинцами. Неуверенность в завтрашнем дне формирует у русских более низкую самооценку возможных достижений в карьере и социальной мобильности.

Тувинцы в Туве более уверены в своем будущем, что связывается с надеждой на помощь родственных и земляческих альянсов. Тем не менее общий уровень адаптации к новым условиям достаточно низок: преобладают настроения иждивенчества, ожидания помощи со стороны государства, пассивная жизненная позиция большинства членов социума.

В целом очевидно, что уровень адаптации к реалиям новой экономики в регионе отстает от потребностей социально-экономического развития региона. Отмечается значительный уровень фрустрации и депривации населения Тувы. Опросы показывают растущие настроения относительно смены места жительства: при этом русские стремятся выехать за пределы республики, тувинцы — переехать в города Тувы.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; русские в Туве; этнические группы; социальная адаптация; адаптация к рынку; трудовое поведение

Введение

Системная трансформация российского общества, необходимость преодоления кризисных явлений в социально-экономической сфере обуславливают актуальность исследований этнорегиональных факторов развития, создание моделей адаптации представителей разных народов и культур к социально-экономическим и техногенным изменениям. Исследованию этнорегиональных практик адаптации посвящены труды многих зарубежных и российских ученых (Вебер, 1990, 2002; North, 1990; Этнорегиональные ... , 2008).

Сложившаяся в 1980–1990 гг. дистанция в социально-экономических позици-

development.

In order to study the whole scope of techniques, pace and scale of ethnic groups' adaptation to the transforming environment, the authors of this article launched and led two public opinion polls (2010 and 2014). A representative sample of 400 residents of Tuva of working age was polled by means of a questionnaire.

The analysis of the data thus obtained shows that the adaptation patterns in various ethnic groups (primarily Tuvans and Russians) are different. An additional obstacle ethnic Russians face is that they have to adapt to both new socioeconomic situation and new ethnopolitical reality. While basic value orientations of ethnic Russians and Tuvans are quite similar, in the issues of equality and social mobility Russians, including the younger generation, still feel more disadvantaged than Tuvans. Low confidence in the future cripples their self-esteem, especially concerning career prospects and social mobility.

Ethnic Tuvans feel more confident in their future due to their trust in kinship and territorial networks. Nevertheless, the overall adaptation level remains rather low, with a marked prevalence of paternalist expectations and passive outlook.

In general, it is quite clear that the level of adaptation to the realities of the new economy does not match the requirements of the region's social and economic development. The degree of frustration and deprivation among the population of Tuva is still high. Opinion polls show a rise of pro-migration mood: while Russians aim to move out of the region, ethnic Tuvans plan to relocate to the urban areas of Tuva.

Keywords: Tuva; Tuvans; Russians in Tuva; ethnic groups; social adaptation; adaptation to market economy; labor behavior

ях, уровне жизни, культуре, бытовом укладе, менталитете среди представителей разных этнических общностей, в т. ч. и проживающих в одном регионе, продуцировала различия в масштабах и темпах их адаптации к трансформирующейся среде. Эти процессы, хотя и имели общие базовые характеристики, проходили в разных регионах России далеко не одинаково, поскольку, по мнению А. Г. Гранберга, «пространственные параметры влияют на развитие государства и общества, предопределяя (наряду с историческими факторами) его социокультурные особенности» (Гранберг, 2010: 54).

Возрастающая потребность в обосновании теоретико-методологических подходов к этой проблеме, обобщение опыта и противоречий, в которых происходит становление рынка труда в Туве, необходимость специального рассмотрения его этнокультурных аспектов, наличие здесь многих специфических проблем и разных возможностей их решения, а также значимость рынка труда для регионального развития определяют актуальность изучения этнорегиональных моделей адаптации в регионе, что и стало целью исследования в данной статье.

Исследование процессов адаптации этнических групп Тувы к рынку

Для изучения различий в масштабах, темпах и технологиях приспособления этнических групп к трансформирующейся среде в 2010 г. и 2014 г. под руководством авторов данной статьи проведены социологические опросы населения республики трудоспособного возраста. Опросы проводились методом анкетирования по репрезентативной выборке, объем которой составил по 400 человек. Выборка соответствует структуре населения республики по полу, возрасту, уровню образования и национальной принадлежности (по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.).

Целью изучения было выяснение уровня адаптивности жителей республики к изменениям в социокультурной и экономической сферах; их готовности к этнокультурной адаптации; особенностей отношения представителей этнических групп к экономическим и культурным трансформациям, динамики социального самочувствия и мобильности в период радикальных преобразований российского общества.

Районы для анкетирования выбирались с учетом структурного состава населения, т. е. по принципу принадлежности к одному из следующих типов:

1. районы, где наряду с тувинцами проживает значительное количество (не менее 20%) русских, условно говоря «русские среди тувинцев» (Тандинский, Пий-Хемский кожууны);
2. районы с высокой долей русскоязычного населения — «тувинцы среди русских» (г. Кызыл);

3. районы с преобладанием тувинского населения — «тувинцы среди тувинцев» (Улуг-Хемский и Эрзинский кожууны).

Начало реализации проектов по вовлечению в хозяйственный оборот месторождений минерального сырья в Туве с 2005 г. формирует новые реалии социально-экономического развития, открывает возможности для незанятого населения республики, поскольку возведение крупных объектов и их дальнейшая эксплуатация станут мощным фактором социально-экономического развития коренного населения, и промышленные очаги будут формироваться в административных районах с преобладающим тувинским населением. Это тем более важно, что численность занятых в экономике Тувы пополняется в настоящее время в основном за счет внутренних ресурсов и темпы их роста определяет коренное население в силу его преобладающего удельного веса и высокого уровня естественного прироста.

Процессы социального развития республики, детерминированные географическими, историческими, политическими, экономическими, демографическими, этнокультурными факторами, обусловили постепенное изменение основ традиционного уклада жизни этносов Тувы. В 1950–1970-е годы произошел переход от экономики, базирующейся на кочевом животноводстве, натуральном хозяйстве, охотничьем и кустарных промыслах, к хозяйству со значительным удельным весом промышленности, строительным производством, динамично развивающимся автомобильным транспортом. За этот период существенно изменилась профессиональная занятость населения, в т. ч. коренного, с его перераспределением из сферы традиционных сельскохозяйственных и промысловых занятий в современные индустриальные отрасли.

Однако в составе занятых в отдельных отраслях хозяйства республики удельный вес представителей основных национальностей Тувы был неодинаков: доля тувинцев среди занятых в промышленности и строительстве была почти в 2 раза ниже, чем русских, на транспорте — в 3 раза, а в сельском хозяйстве, наоборот, — в 4 раза выше. Даже сегодня при росте доли тувинцев, занятых в несельскохозяйственных отраслях и непромышленной сфере, отмечается значительно более высокая доля русских среди промышленных рабочих, тогда как в сельском хозяйстве доля тувинцев по-прежнему несравнимо выше (Балакина, Кылгыдай, 2015: 99–100).

В переходный к рыночной экономике период в Туве быстрыми темпами увеличивалась численность трудоспособного населения, незанятого в экономике, выросли масштабы безработицы. Особенно тяжело кризисные явления сказались на положении хозяйств животноводческого направления, где, в основном, занято коренное население. К тому же увлечение в 1970–1990 гг. индустриализацией хозяйства республики и гиперболизация капитального строительства привели к падению престижа профессии животновода (чабана) (Балакина, Анайбан, 1995: 11).

Значительное изменение образа жизни тувинского народа, утрата ряда культурных традиций в сочетании с низким уровнем развития социальной инфраструктуры села привели к возникновению миграционных потоков «село — город», обусловили сложности адаптации тувинцев к условиям жизни и труда урбанизированного региона, стали фактором увеличения агрессивности, роста количества правонарушений.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации в сфере труда все более весомую роль играет конкуренция, присущая рыночной экономике. И, как показала практика, в современных условиях более востребованными оказались те профессии, которыми по большей части владело русское население — квалифицированные работники промышленных предприятий, работники торговли и сферы обслуживания и т. д. Таким образом, в процессе адаптации в трудовой сфере стартовые позиции русских жителей стали более выгодными, чем у представителей титульной национальности. Особые условия экономического развития республики привели к формированию здесь специфической этнорегиональной модели рынка труда.

Модели мотивации к труду

При исследовании этносоциальных процессов важным направлением является поиск путей и форм стимулирования процесса адаптации к реалиям современной рыночной экономики. Возникает вопрос о соответствии действующих схем мотивации к труду — менталитету населения республики. В научной литературе исследованы две основные принципиально различающиеся модели мотивации к труду: европоцентристская и азиатская. Для первой характерна ориентация на успех, карьерный рост отдельного работника с целью достижения наибольшего дохода, обеспечивающего вхождение в средний класс и выше. Для азиатской модели характерны ориентация на работу в престижной компании, даже в самой малозначимой должности, следование коллективным нормам поведения и достижение личного успеха через успешность работы компании.

Анализ социокультурных трансформаций в регионах с кочевой культурой населения позволяет сделать вывод о том, что обе эти модели в стратификационных группах бывших кочевников Центральной Азии малоэффективны в силу следующих обстоятельств:

- › высокого уровня бедности населения;
- › наличия значительного числа рабочих мест, заработок в которых не обеспечивает прожиточного минимума работнику и членам его семьи;
- › отсутствия привычки к созданию запасов «впрок» в силу доминировавшего долгое время кочевого образа жизни;
- › преобладания в системе ценностей принципов равенства и родства, смыка-

- ющихся с уравнительным распределением (например, успешный родственник должен поделиться с более бедными, взять под опеку их детей и т. д.);
- › приспособленности к трудовой деятельности, связанной с природными процессами (животноводству, земледелию, охоте, сбору даров леса — лекарственных растений, дикоросов), что обеспечивало бережное обращение с природой и было причиной ее обожествления;
  - › неумения и нежелания работать со сложной современной техникой в сочетании с высоким уровнем обучаемости современным достижениям науки и техники.

Перечисленные особенности обуславливают формирование иной модели мотивации к труду у бывших кочевых народов, детерминирующей пониженный интерес к устройству на постоянную работу, в особенности требующей постоянного напряжения и следования строгим правилам распорядка, регламента и дисциплины в условиях индустриального производства, нормам урбанизированного образа жизни. Значительная часть трудоспособного населения скорее настроена на получение социальной помощи, чем на трудовую занятость.

Следует учитывать и традиционные духовно-культурные основы евразийского кочевничества, в частности, сильные религиозные ценности и традиции населения, базирующиеся на постулатах тенгрианства, которое предусматривает некое панибратское отношение к природным силам и активное взаимодействие с ними (Абаев, 2007: 117). Опыт управления социально-экономическим развитием бывших кочевых народов показывает, что общественные регуляторы, не находящие отклика в их религиозных нормах, малоэффективны.

Анализ результатов нашего исследования позволяет утверждать, что главными факторами социальной и межэтнической напряженности в регионе выступают безработица и миграция. Сохранение высокого уровня социальной напряженности в молодежной среде определяется, прежде всего, низким уровнем социально-экономического развития региона, высоким уровнем безработицы, низкими среднедушевыми доходами населения, значительным количеством рабочих мест с низкой заработной платой, не обеспечивающей прожиточного минимума работнику и членам его семьи.

Этносоциальные особенности адаптации населения Тувы к рынку

Анализ данных опросов населения в Туве 2010 и 2014 гг. позволяет говорить о том, что процесс адаптации русских к идущим в республике трансформационным процессам заметно затрудняется тем, что им приходится приспособиваться не только к новой социально-экономической ситуации, но и к новым этнополитическим реалиям. Если ценностные ориентации русских были схожи

с людьми титульного этноса, то в вопросах равенства шансов социальной мобильности русские, в т. ч. и русская молодежь, продолжают ощущать себя более ущемленными в сравнении с тувинцами.

Неуверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей формирует у русских более низкую самооценку возможных достижений в карьере и социальной мобильности. Так, на вопрос об оценке перспектив изменения своего материального положения в ближайшем будущем ответили соответственно в 2010 и 2014 гг.: «улучшится» — 33,3 и 40% русских и 50,8 и 62,1% тувинцев; «останется без изменения» — 23,7 и 33,3% русских и 28,6 и 20,6% тувинцев, «ухудшится» — 16,1 и 8,3% русских и 6,7 и 3,6% тувинцев; затруднились с ответом — 26,9 и 18,3% русских и 13,8 и 13,6% тувинцев.

Значительные социально-экономические изменения в России в последнюю четверть века привели к изменению положения русскоязычного населения Тувы от роли «старшего брата» к роли представителей национального меньшинства, имеющего более низкий уровень возможностей, менее сформированные целевые установки на достижения успеха и более выраженные миграционные устремления.

Русское население Тувы сосредоточено в отраслях экономики и социальной сферы, требующих более высокотехнологичных навыков, но более консервативно к восприятию рыночных моделей поведения. Тувинское население этнически компактно, более уверено в будущем, которое связывается с прогрессом своей родной республики, с надеждой на помощь родственников и земляческих альянсов, достаточно лояльно к переменам в экономике и к властям региона.

Тенденция усиления социальных дистанций между представителями титульных и иных этнических групп, отмеченная Ю. В. Попковым (Попков, 2007), наблюдается и в Туве, что отражается в дифференциации моделей адаптации проживающих здесь тувинцев и русских.

Рынок труда в Туве характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем безработицы, с другой — значительным спросом на квалифицированных работников технологически сложных производств по добыче и переработке минерального сырья, производству тепло- и электроэнергии, производству продукции с высокой долей добавленной стоимости. Характерной чертой рынка труда республики является отставание темпов создания рабочих мест от динамики прироста численности трудо-способного контингента.

Наиболее негативной тенденцией развития рынка труда с середины 1990-х годов является хроническая сельская безработица: три четверти безработных проживают в сельской местности. Системный кризис аграрного сектора привел к резкому ухудшению материального положения большинства сельских жителей, анклавизации сельских поселений, оставшихся без крупного работодателя.

Повсеместно сельские жители сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем — безработица, резкое сокращение денежных доходов населения, вытеснение трудовых ресурсов в сферу личного крестьянского хозяйства, которое из подсобного превратилось в основной как главный фактор выживания. Происходящие в селах республики процессы обуславливают ситуацию, при которой положение сельхозпроизводителей остается крайне неустойчивым, отсутствуют возможности обеспечения полной занятости, а отраслевая структура рабочих мест практически не меняется, что позволяет говорить о социальной дискриминации сельских жителей, которая в сочетании с низкими темпами развития социальной инфраструктуры сел приводит к усилению оттока жителей в города.

Особое место молодежи на рынке труда региона определяется характеристиками социального развития Тувы — высоким удельным весом детей и молодежи в возрастной структуре населения, обусловленным традиционной многодетностью коренного населения. Высокая молодежная безработица, низкие трудовые доходы, нерегулярная занятость негативно отражаются на качестве трудового потенциал общества. То есть формирующаяся этнорегиональная модель рынка труда Тувы характеризуется также и высоким уровнем фрустрации русских в отношении перспектив карьерного роста, значительным уровнем депривации молодежных групп и сельских жителей.

Предпринимаемые меры по регулированию занятости в Туве недостаточно эффективны. Получение пособий по безработице рассматривается жителями как источник дохода, что порождает настроения иждивенчества как у тувинцев, так и у русских. Значительная часть незанятого населения ничего не предпринимает для изменения своего социального статуса. Здесь возникает вопрос об адекватности существующих моделей регулирования рынка труда менталитету большинства населения.

Модели поведения жителей региона на рынке труда

Низкий уровень альтернативной занятости, исторически сложившаяся слабая социальная инфраструктура обуславливают обострение социальных проблем региона. Характерными для развития рынка труда Тувы является высокий удельный вес работников бюджетных отраслей и низкая доля занятых в реальном секторе экономики, узкий сектор легальной занятости, высокий уровень самостоятельной занятости. При этом самозанятость рассматривается исследователями как перспективное направление решения проблем безработицы в России и регионах. В условиях экономических кризисов самозанятость играет роль социального амортизатора и абсорбента незанятой рабочей силы, является одной из важнейших форм реинтеграции незанятых людей в социум (Удальцова, Воловская, Плюснина, 2003: 24).

С переходом к рыночной экономике население России столкнулось с проблемой безработицы и необходимостью решать проблему собственного трудоустройства. Исследователями выделяются характерные черты развития рынка труда в российских регионах, происходящие на этапе рыночной трансформации экономики. К ним относятся разрушение постоянной гарантированной занятости, сопровождающееся широким распространением нестандартных гибких форм занятости, включая самозанятость, рост масштабов занятости в неформальном, в том числе в теневом, секторе экономики (Калугина, 2015: 329–334).

В Республике Тыва выявлены следующие условия, способствующие развитию самозанятости: богатство и разнообразие месторождений полезных ископаемых, наличие достаточного количества кормовых угодий для увеличения поголовья скота, свободных площадей для земледелия, снижение объемов предоставления социальных и бытовых услуг в селах республики, неразвитость посреднических услуг в материально-техническом снабжении и торговле.

Наиболее распространенной формой самозанятости сельских жителей становится ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). В этих хозяйствах производится значительная часть большинства видов сельскохозяйственной продукции. Так, в 2013 г. в ЛПХ населения Тувы произведено более 70% картофеля, овощей, мяса и молока. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в регионе 65,4 тыс. человек занято производством сельхозпродукции в собственных хозяйствах, труд в ЛПХ как основной источник средств к существованию указали 7,5 тыс. жителей республики (Основные итоги ..., 2012: 28).

При достаточно высокой привлекательности занятия предпринимательством сравнительно низка доля занятых предпринимательством в Республике Тыва. Так, в 2013 г. в Туве число малых предприятий на 10 тыс. жителей было в 2,9 раза ниже среднероссийского показателя и в 3 раза ниже среднего по Сибирскому федеральному округу (Фадеева, 2015: 422–423).

Необходимо отметить высокий уровень склонности жителей республики к занятиям земледелием, огородничеством, садоводством и животноводством, как разведением скота на личном подворье, так и отгонным животноводством. Более 95% опрошенных ответили, что выбрали бы эти занятия, если бы другой работы не было.

Производство сельскохозяйственной продукции является перспективной сферой для развития самозанятости, снижение объемов производства продукции земледелия и поголовья скота в трансформационный период создает нишу для личной инициативы незанятых жителей региона. Также целесообразно развивать виды занятости в селах, не связанные с производством сельхозпродукции. Анализ опыта других стран показывает, что в настоящее время растет доля фермеров, занимающихся помимо сельского хозяйства другими видами деятельности путем переноса в село «городских» предприятий и сферы услуг и отказа от центральной роли аграрного сектора (там же: 225–226).

По данным наших опросов жителей Тувы можно судить о трудовых предпочтениях населения республики, готовности сменить профессию, согласиться с меньшим заработком (табл. 1). Более трети опрошенных искали любую работу, чтобы иметь возможность обеспечить себя и членов семьи. Можно говорить о низкой территориальной трудовой мобильности жителей Тувы: в 2010 г. (2014 г.) только 4,0% (5,3%) жителей и 9,7% опрошенных в 2014 г. безработных искали работу в другом населенном пункте. Следует отметить и высокую степень пассивности в поиске работы: более 20% респондентов не искали работу или довольствовались статусом безработного, искали работу менее половины безработных (48,4%).

Таблица 1. Модели поведения респондентов в целях трудоустройства (по ответам на вопрос «Что Вы предпринимали для получения работы?»), в % от числа опрошенных

Table 1. Patterns of behavior of survey respondents in looking for employment (in reply to “What have you done in order to get a job?”), percentage of total answers

Модели поведения	2010 г.			2014 г.		
	Все респонденты	из них		Все респонденты	из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
искал любую подходящую работу	32,8	10,4	16,1	36,3	36,4	38,3
искал работу по специальности	37,5	34,0	38,0	36,5	37,6	30,0
уезжал, искал работу в другом населенном пункте	4,0	39,1	34,4	5,3	4,8	8,3
добился статуса безработного	2,3	4,7	2,2	3,5	3,3	5,0
не искал работы, так как там, где я живу, поблизости нет работы	1,5	2,4	-	1,3	1,2	1,7
не искал работы в связи с достаточной материальной обеспеченностью семьи	1,3	2,0	-	2,0	2,1	1,7

не искал работы по другим причинам	9,0	1,3	-	15,1	14,5	15,0
------------------------------------	-----	-----	---	------	------	------

В ряду важных признаков уровня адаптации населения к трансформационным процессам следует назвать продолжительность проживания в конкретной местности (Южная Сибирь ..., 2007: 219–220). В целом опрошенные продемонстрировали достаточную стабильность проживания на территории региона. Население больше мигрирует в пределах Тувы по схеме «село–город» и «село–село», меньше «город — населенный пункт за пределами республики». По продолжительности проживания в том или ином населенном пункте 34–48% опрошенных живут в своем городе/селе с рождения. Кроме того, более трети респондентов проживают в своих населенных пунктах давно, более 10-ти лет. Доля тех, кого можно условно причислить к новоселам, проживающих в населенном пункте недавно, до 5-ти лет, 5 лет и более в 2010 г. — 21% (в 2014 г. — 24,8%), живущих в населенном пункте больше 10-ти лет — 30,8% (40,8%), половина респондентов проживают здесь с рождения (в 2014 — 3,4,4% опрошенных) (табл. 2). При этом выяснилось, что русские отличаются более высоким уровнем привязанности к месту рождения и стабильностью проживания в населенных пунктах, чем тувинцы.

Таблица 2. Распределение опрошенных по длительности проживания в данной местности, в %

Table 2. Distribution of respondents by the time of residence in the current locality, %

Длительность проживания	2010 г.			2014 г.		
	Все респонденты	из них		Все респонденты	из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
недавно (до 5-ти лет)	13,0	14,1	8,6	15,8	16,8	6,7
5 лет и более	8,0	9,4	2,2	9,0	10,1	5,0
давно (более 10-ти лет)	30,8	30,0	32,2	40,8	42,2	33,3
живу постоянно, с самого рождения	48,2	46,5	57,0	34,4	30,9	55,0

При этом высока потенциальная миграционная мобильность, в особенности у русских респондентов: по данным опроса на долю желающих переехать в другой город или другой район республики приходится 30% (37,4% тувинцев и 7,6% русских). Выехать за пределы республики пожелали 24,8% опрошенных: 53,8% русских и 15,5% тувинцев. Активна миграционная позиция у молодежи:

из опрошенных молодых людей 56,3% русских и 25,2% тувинцев хотели бы выехать за пределы Тувы.

Поиск места работы за пределами своего населенного пункта есть одна из значимых причин миграции. Наибольшее число респондентов, включая молодежь, в первую очередь указывают причиной для смены традиционной среды обитания необходимость изменения трудового статуса — получение более высокооплачиваемой и престижной работы, на втором месте — отъезд по семейным обстоятельствам. Вероятно, не все потенциальные мигранты осуществляют свое намерение переехать, но реальная миграция за пределы республики существует, о чем свидетельствуют рост миграционной убыли.

Тем не менее, высоким остается процент желающих остаться на местах проживания в 2010 г.: 57,5% респондентов (62,5% тувинцев и 39,8% русских) (в 2014 г — 48,8% респондентов, 50,9% тувинцев и 40,0% русских), и 45,7% молодежи (48,7% тувинцев и 31,3% русских) (в 2014 г. — 45,0%) на вопрос «Хотели бы Вы сменить место жительства?» выбрали вариант ответа «нет» (табл. 3).

Таблица 3. Уровень потенциальной миграции респондентов, в %

Table 3. Potential migration preferences of the respondents, %

Ориентации на миграцию	2010 г.			2014 г.		
	Все респонденты	из них		Все респонденты	из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
Хотели бы сменить место жительства	32,5	27,6	48,4	37,3	35,2	50,0
Не хотели бы менять	57,5	62,6	39,8	48,8	50,9	40,0
Затруднились с ответом	10,0	9,8	11,8	13,9	13,9	10,0

Процесс адаптации русских к идущим в республике трансформационным процессам заметно затрудняется тем, что им приходится приспосабливаться не только к новой социально-экономической ситуации, но и к новым этнополитическим реалиям.

Высокий уровень депривированности населения республики усугубляется особенностью этнической модели обеспечения предприятий и организаций работниками — трудоустройство на работу по признаку родства. Так, по мнению респондентов, родственные связи и наличие влиятельных знакомых при трудоустройстве играют более значимую роль, даже по сравнению с профессиональной подготовкой и уровнем образования (табл. 4).

Таблица 4. Оценка респондентами решающих условий при приеме на работу в своем городе (районе), в %

Table 4. Assessment of key employment conditions in the town (rayon) of the respondent's residence, %

Условия	2010 г.			2014 г.		
	Всего	из них		Всего	из них	
		тувинцы	русские		тувинцы	русские
хорошая профессиональная подготовка	25,8	27,3	17,2	28,8	30,9	20,0
активность, напористость, настойчивость	9,3	10,8	4,3	11,8	10,9	15,0
помощь влиятельных родственников и знакомых	42,0	38,0	55,9	37,3	35,5	48,3
взятка	5,8	6,1	5,4	10,0	10,3	8,3
помощь кадрового агентства	1,8	1,7	2,2	2,0	2,4	
содействие службы занятости по месту жительства	2,0	2,7	2,0	1,5	1,2	3,3
затрудняюсь ответить	13,3	13,4	13,0	8,6	8,8	5,1

Заключение

Таким образом, численность групп населения Тувы, ранжированных по приспособленности к условиям жизни и труда в рыночной экономике в результате проведенного исследования, свидетельствует о пониженном уровне адаптации населения республики к современным экономическим условиям, преобладании настроений иждивенчества, ожидании помощи со стороны государства, пассивной жизненной позиции большинства членов социума. Несмотря на то, что процесс формирования рыночных ориентаций и ценностей населения в республике продолжается, но его скорость и интенсивность значительно отстают от потребностей современного развития российской экономики.

По результатам исследования можно выделить следующие особенности процесса адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике:

- › уровень адаптации к реалиям новой экономики в регионе отстает от потребностей социально-экономического развития региона. Сдерживающими факторами процесса адаптации населения региона к социально-экономическим преобразованиям являются: низкие доходы населения, высокий уровень бедности, высокая безработица, низкий уровень предпринимчивости населения, слабая поддержка предпринимательства со стороны правительства региона;
- › значительный уровень фрустрации и депривации населения Тувы выражается в вербально сформулированном стремлении сменить место жительства: русские стремятся выехать за пределы республики, тувинцы – переехать в города Тувы. Высокий миграционный потенциал позволяет предположить сохранение интенсивной миграции за пределы региона в ближайшие годы и сохранение высокого уровня внутрирегиональной миграции, поскольку экономика Тувы далеко не исчерпала возможности урбанизации;
- › высокая степень привлекательности занятий предпринимательством и фермерством не только у тувинцев, но и у русских слабо используется органами управления республики для снижения безработицы и развития предпринимательства. Выявлено, что 22,5% безработных до сих пор не определились или затруднились с выбором сферы занятости, 50,5% респондентов готовы заняться фермерством, разведением скота и т. д., что позволяет поставить под сомнение адекватность моделей регулирования рынка труда менталитету большинства населения;
- › наиболее острой социально-экономической проблемой в республике является высокий уровень безработицы, который стал основной причиной высокого уровня депривации молодежи в сфере поиска работы, что ведет к проявлениям девиантного поведения ряда молодых людей. Для снижения уровня безработицы в Республике Тыва недостаточно разработать и внедрить комплекс мер, включающий, прежде всего, привлечение средств, в т. ч. из федерального бюджета, в создание новых рабочих мест, ориентированных преимущественно на использование местного сырья.

Хотелось бы отметить, что не снижающийся в течение длительного времени уровень безработицы ставит под сомнение возможность изменить ситуацию в лучшую сторону путем «косметического ремонта», то есть путем совершенствования ранее принимаемых мер. Для снижения уровня безработицы в депрессивных регионах необходима трансформация методов регулирования их развития с использованием мирового опыта решения проблем депрессивных территорий. Целесообразно конструировать и применять инновационные инструменты регулирования рынка труда: создание специализированных класте-

ров, целевых экономических зон, развитие производств в «зонах трезвости» с использованием традиционных навыков населения по переработке кожи, шерсти, меха, мясной и молочной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев, Н. В. (2007) Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. Кызыл: Издательство Тывинского государственного университета. 162 с.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 140 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Вебер, М. (1990) Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс. 808 с.

Вебер, М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.: Ист-Вью. 352 с.

Гранберг, А. Г. (2010) Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. № 4 (26). С. 53–55.

Калугина, З. И. (2015) Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Издательство ИЭОПП СО РАН. 342 с.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Тыва. Аналитическая записка (2012). Кызыл: Тывастат. 50 с.

Попков, Ю. В. (2007) Этносоциальные процессы в Сибири: ценностные ориентиры, тенденции, проблемы самоорганизации // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Сибирское научное издательство. Вып. 8. С. 67–71.

Удальцова, М. В., Воловская, Н. М., Плюснина, Л. К. (2003) Социально-трудовые отношения незанятых людей и их отношение к самостоятельной занятости // Социологические исследования. № 7. С. 16–25.

Фадеева, О. П. (2015) Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 264 с.

Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) (2008) / ред.-сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина; общ. ред. М. Н. Губогло. М.: ИЭА РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 444 с.

Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения (2007) / ред.: З. В. Анайбан (отв. ред. и сост.), Н. М. Горбунова, Н. И. Фомина. М.: Институт востоковедения РАН. 246 с.

North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 159 p. ISBN: 9780521397346

Дата поступления: 16.04.2016 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. (2007) *Tsivilizatsionnaia geopolitika narodov Altai-Baikal'skogo regiona i Tsentral'noi Azii*. Kyzyl, Izdatel'stvo Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta. 162 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaia izdatel'skaia firma RAN. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve*, ed. L. V. Korel'. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniia*, transl. by Germ. Moscow, Progress. 808 p. (In Russ.).

Weber, M. (2002) *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma*, transl. by Germ. Moscow, Ist-V'iu. 352 p. (In Russ.).

Granberg, A.G. (2010) *Ekonomika i sotsiologiiia prostranstva. Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 4 (26), pp. 53–55. (In Russ.).

Kalugina, Z. I. (2015) *Rynochnaia transformatsiia agrarnogo sektora Rossii: Sotsiologicheskii diskurs*. Novosibirsk, Izdatel'stvo IEOPP SO RAN. 342 p. (In Russ.).

Osnovnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda po Respublike Tyva. Analiticheskaiia zapiska (2012). Kyzyl, Tyvastat. 50 p. (In Russ.).

Popkov, Iu. V. (2007) *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: tsennostnye orientiry, tendentsii, problemy samoorganizatsii*. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri*, ed. Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo. Vol. 8. Pp. 67–71. (In Russ.).

Udal'tsova, M. V., Volovskaia, N. M. and Plusnina, L. K. (2003) *Sotsial'no-trudovye otnosheniia nezaniatykh liudei i ikh otnoshenie k samostoiatel'noi zaniatosti. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 16–25. (In Russ.).

Fadeieva, O. P. (2015) *Sel'skie soobshchestva i khoziaistvennye układy: ot vyzhivaniia k razvitiuu*. Novosibirsk, Izdatel'stvo IEOPP SO RAN. 264 p. (In Russ.).

Etnoregional'nye modeli adaptatsii (postsovetskie praktiki) (2008), ed. by M. N. Guboglo. Moscow, IEA RAN im. N. N. Miklukho-Maklaia. 444 p. (In Russ.).

Iuzhnaia Sibir' v epokhu peremen: adaptatsionnye vozmozhnosti naseleniia (2007), ed. N. M. Gorbunova and N. I. Fomina. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 246 p. (In Russ.).

North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press. 159 p. ISBN: 9780521397346

Submission date: 16.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Balakina G. F., Kylgydai A. Ch. Ethnic groups in Tuva and their adaptation to market economy. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/95> (accessed: ...).

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОЛОДЕЖНЫХ ГРУПП ТУВЫ И ХАКАСИИ

Зоя В. Анайбан

Институт востоковедения
Российской академии наук

CONTEMPORARY ETHNODEMOGRAPHY OF YOUTH IN TUVA AND KHAKASSIA

Zoia V. Anaiban

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

В статье представлены характеристики современной этнодемографической ситуации молодежи Тувы и Хакасии в сравнительном плане. Доля молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности населения Тувы сегодня составляет 23,8%, в Хакасии — 24,9%. Эти данные практически соответствуют аналогичному показателю по всей России — 22%. В числе особенностей развития современных этнодемографических процессов среди молодежи Тувы и Хакасии отмечаются тенденция роста ее общей численности, в первую очередь, за счет естественного прироста. В Хакасии это явление не было характерно с 1990-х гг. При этом увеличение ее численности происходит в условиях относительно благоприятной половозрастной структуры. В отличие от Хакасии, где удельный вес хакасской молодежи весьма незначителен — около 21%, этнический состав молодого поколения Тувы, как и всего населения республики, отличается существенным превалянием в ее численности представителей титульной национальности — 82%.

Несмотря на то, что среди молодежи и Тувы, и Хакасии в среднем уровень смертности ниже, чем по республике в целом, тем не менее в ряду ее демографических проблем, который вызывает наибольшую озабоченность, стоит назвать именно этот

The article focuses on the comparative ethnodemographic situations of the youth in the republics of Tuva and Khakassia. Youth aged 15–29 accounts for 23.8% of Tuva's total population, and 24.9%, of Khakassia's, which almost matches Russia's national average of 22%. Among the features typical

for both regions is the rise of the share of youth, primarily thanks to natural population increase. In Khakassia, this trend is a reversal of the situation typical since the 1990s. Moreover, this rise comes together with a relatively advantageous population structure by gender and age. Unlike Khakassia, where the share of ethnic Khakassians among the youth is around 21%, the ethnic makeup of youth (or, indeed, the whole population) of Tuva shows a marked prevalence (82%) of the 'titular nation'.

Although in both Tuva and Khakassia young people have a lower death rate than the regional average, it

---

Анайбан Зоя Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Эл. адрес: anayban@mail.ru

Anaiban Zoia Vasilievna, Doctor of History, Chief Research Fellow, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation 107031. E-mail: anayban@mail.ru

показатель. При этом ее уровень в Хакасии заметно превышает аналогичный показатель по другим сибирским регионам, включая Туву.

При всем том, что эти два региона значительно отличаются по многим социально-экономическим характеристикам, все же сказанное в равной степени относится как к молодежи Тувы, так и Хакасии, поскольку, как показало исследование, при разной степени выраженности и интенсивности, имеющиеся проблемы молодежных групп в этих регионах все же достаточно схожи.

Ключевые слова: молодежь; Тува; Хакасия; этнодемографическая ситуация; этнический состав; статистические данные

still remains one of the most troublesome among the youth-related demographic problems in the regions. In Khakassia, youth death rate conspicuously exceeds those in other regions of Siberia, including Tuva.

Howsoever markedly different the two regions may be in a number of social and economic indicators, the abovementioned is equally true of the youth population in both Tuva and Khakassia. As our study has shown, despite their varied intensity and acuteness, the current problems that youths of both regions face have a lot in common.

Keywords: youth; Tuva; Khakassia; ethnodemographic situation; ethnic makeup; statistical data

Введение

В настоящее время актуальность и значимость исследования тех или иных молодежных проблем не вызывает сомнений. Несмотря на заметно возросший интерес исследователей к региональной молодежной проблематике, все же следует констатировать, что многие его аспекты, в числе которых особенности демографических процессов, пока изучены в недостаточной степени. Сказанное в большей степени, на наш взгляд, касается национальных регионов Сибири.

Данная статья посвящена изучению и анализу сложившейся на сегодняшний день этнодемографической ситуации среди молодежи Республики Тыва и Республики Хакасия, выявлению ее специфических особенностей и основных тенденций развития. Работа основана на материалах официальной статистики.

Следует сразу говорить, что в отдельных случаях при характеристике современных демографических процессов мы за неимением более новых данных использовали материалы двух-трехлетней давности. Разумеется, их нельзя напрямую экстраполировать на сегодняшний день. Однако, обращение к ним позволяет проследить общую динамику, выявить основные направления и тенденции развития.

Молодежь в общей численности населения Тувы и Хакасии

По материалам Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва на данной территории проживает 310460 человек. Доля молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности населения достигает здесь 23,8%, т. е. составляет примерно четверть всех ее жителей (Статистический ежегодник Республики Тыва, 2013: 19, 21).

По сравнению с Тувой в Хакасии общая численность населения почти вдвое выше — 536781 человек. Вместе с тем, в этом регионе удельный вес молодежных групп относительно всего населения примерно такой же как в Туве (24,9%) (Оценка численности населения ..., 2016: 1). Эти данные практически соответствуют аналогичному показателю по Российской Федерации (22%) (Молодежь России 2000–2025 ..., 2013: Электр. ресурс). Однако, по сравнению с двадцатилетней давностью (1995 г.) процент молодых людей данной возрастной категории, к примеру, в составе населения Тувы несколько сократился (25,3%) (Демографическая ситуация в Республике Тыва ..., 1996: 11). Вместе с тем, последние десять лет характеризуются в Туве постепенным, из года в год, ростом численности населения, включая молодежные группы.

Следует этот факт особо отметить, поскольку за период двух переписей населения — 1989 г. и 2002 г. численность жителей Тувы, в отличие от Хакасии, где отмечался не столь значительный, но все же рост, сократилась на 3 тыс. человек. Кстати, по мнению и прогнозам отдельных исследователей, в частности проф. Я. А. Лещенко, в отношении отдельных сибирских регионов, включая Хакасию, несмотря на отмечаемое уменьшение масштабов естественной убыли населения и даже переход к положительному его приросту, это явление носит временный характер. Так, в статье «Проблемы социально-демографического развития Сибири» он пишет, что наблюдаемый с 2007–2008 гг. рост населения объясняется вступлением в наиболее активный репродуктивный возраст сравнительно многочисленных контингентов женщин 1986–1989 гг. рождения, на смену которым в скором времени придут малочисленные поколения 1990-х годов рождения, и это повлечет за собой неизбежное снижение рождаемости (Лещенко, Электр. ресурс). Вместе с тем, с нашей же точки зрения, на позитивное изменение ситуации и благоприятное развитие демографических процессов в том или ином регионе могут влиять многие другие факторы, в числе которых улучшение и стабилизация социально-экономических показателей страны в целом и на этой основе повышение уровня жизни ее населения, а также разработка необходимых и продуманных государственных программ, направленных на решение разных аспектов демографических проблем.

Как известно, по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. впервые за всю историю Тувы доля горожан превысила половину всей численности населения и составила 51,5%, что на 4,7% больше, чем в 1989 г. (Основные итоги ..., 2004: 3). В 2012 г. удельный вес горожан был уже 53,9%, сельских жителей — 46,1% (Статистический ежегодник ..., 2013: 19). Следует особо отметить, что данное соотношение среди молодежных групп республики обозначилось более рельефно. Так, среди них процент горожан составил почти две трети (61,3%). Соответственно среди них доля сельчан существенно меньше (39,7%). В общем числе городских жителей процент молодежи достигал 26,6%, среди сельчан заметно ниже —

20,4%. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что сегодня молодежь Тувы в большинстве своем является городскими жителями (там же: 21).

Иная ситуация в Хакасии. В данном регионе доля городского населения практически вдвое превышает долю сельчан и составляет соответственно 68,8% и 31,2% (на 1 января 2016 г.). По отношению с другими национальными регионами Сибири, в Хакасии процент городских жителей заметно выше, что объясняется более интенсивным развитием урбанистических тенденций на данной территории. Вместе с тем, эти показатели в обоих случаях заметно ниже аналогичных показателей как по Сибирскому федеральному округу, так и по Российской Федерации в целом. Так, например, по данным переписи 2010 г. процент городского населения в среднем по Сибири составлял 72%, по России — 73,7% (Итоги Всероссийской переписи населения..., 2012: 1).

В Хакасии соотношение городской и сельской молодежи несколько отличается от Тувы. Так, из всего числа молодежи в городских поселениях Хакасии проживают 54,7%, а в сельской местности — 45,3%. В данном регионе доля молодежи среди горожан и сельских жителей обратно пропорционально аналогичным показателям по Туве и составляет соответственно 20,1% и 29% (там же: 329).

То обстоятельство, что среди молодежи Хакасии довольно значительна численность тех, кто живет и работает в сельской местности, на наш взгляд, объясняется в первую очередь относительно более лучшими по сравнению с Тувой условиями жизни на селе. Как известно, если сравнивать тувинское и хакасское село, то у последних здесь заметно выше показатель занятости населения, ниже процент безработицы, в том числе молодежной безработицы и т. д. Хотя и здесь проблем достаточно.

Так, по результатам социологического исследования «Проблемы молодежи Республики Хакасия», реализованного в 2014 г. Хакасским техническим институтом — филиалом Сибирского федерального университета, в числе основных задач которого значилось определение основных проблем сельской молодежи республики, из всего числа опрошенной сельской молодежи треть ответила, что рада жизни на селе (33,8%), почти столько же «в целом довольны, но многое их не устраивает» (29,4%), в общей сложности 16,1% потенциально планируют сменить место жительства и каждый десятый признал, что ему не нравится жить в этой местности, но привык, поэтому не собирается никуда уезжать, затруднились с ответом около 10%. Примечательно, что из всего набора показателей того, что нужно для того, чтобы молодежь оставалась жить и работать на селе опрошенные респонденты, прежде всего, назвали стабильную работу (94%), далее — достойный уровень дохода (76%) и собственное жилье (70%). Кроме того, более половины опрошенной молодежи считают важным условием жизни на селе наличие развитой инфраструктуры (Результаты социологического исследования ... : 15).

Особенности половозрастного состава молодежных групп

Республика Тыва традиционно характеризуется высоким в общей численности населения удельным весом детей и подростков. На данном этапе в Туве доля молодежи вкупе с младшими возрастными группами превышает половину всей ее численности (около 56%). Тогда как этот показатель в целом как по регионам Сибири, так и по Российской Федерации намного ниже (Статистический ежегодник ..., 2013: 18). В данном случае более близки к ним, сибирским и российским, цифры по Хакасии. Согласно материалам последней переписи 2010 г. численность детей и подростков в общей численности населения Хакасии составила 18,7%. По сравнению с предыдущей переписью 2002 г. их число заметно сократилось — на 11,1% (Итоги Всероссийской переписи населения..., 2012: 4).

Добавим также, что по результатам последней переписи (2010 г.) средний возраст жителей Тувы составлял 27,2 года, в том числе мужчин — 25,8 лет, женщин — 28,4. В Хакасии эти показатели несколько выше: средний возраст — 33,8, в том числе мужчин — 31,6, женщин — 35,7 (там же, 2012: 318, 329). Исходя из этих данных, помимо всего прочего, можно говорить о некотором численном доминировании в составе населения представителей молодого поколения — это все возрастные молодежные группы, включая детей и подростков, определенный процент которых уже входит в активную и трудоспособную часть жителей названных регионов, а другие в скором времени ее пополнят, что в конечном счете свидетельствует об имеющемся весомом потенциале трудовых ресурсов в исследуемых регионах. В качестве сравнения отметим, что средний возраст по Российской Федерации достигает почти 40 лет, по Сибири — чуть меньше (Демографический ежегодник России, 2013: 60).

В Туве и в Хакасии, впрочем, как и во многих других регионах Российской Федерации, во все годы численность женщин в разных возрастных группах немного превышала численность мужчин. По статистическим данным видно, что как в Туве, так и в Хакасии, за последние десять лет пропорциональное представительство полов практически не изменилось. В этой связи стоит лишь добавить, что во все эти годы, в Хакасии на 1000 мужчин приходилось чуть больше женщин, чем в Туве (Регионы России ..., 2014: 44). В Туве установившееся с 2002 г. соотношение между полами, когда процент женщин составлял 52,6%, мужчин соответственно 47,4%, в целом сохраняется до сих пор (Республика Тыва в цифрах ..., 2012: 14). В данном случае, пожалуй, некоторое исключение составляет молодежь Тувы. В настоящее время среди молодежных групп названной республики зафиксирована едва заметная тенденция изменения в соотношении пропорции мужчин и женщин в сторону сокращения последних, что в предыдущие годы не отмечалось. Так, согласно данным 2013 г., в группе 15–29-летних численность мужчин превысила численность женщин и достигла 50,3% (см. таблицу 1).

Таблица 1. Данные о численности молодежных возрастных групп в Республике Тыва на начало 2013 г. (абс.)

Table 1. Youth and its distribution by area of residence and gender in the Republic of Tuva, as at beginning of 2013

Возраст (лет)	Молодежные группы				
	оба пола	в том числе		из общей численности	
		городское	сельское	мужчин	женщин
15–19	22787	11608	11179	11687	11100
20–24	22460	15919	6541	11432	11028
25–29	28615	17028	11587	14023	14592
Итого	73862	44555	29307	37142	36720

(Статистический ежегодник ..., 2013: 21).

Добавим также, что в Туве это же время, например, в группе 20–24-летних на 1000 мужчин приходится 965 женщин, в группе 15–19-летних и того меньше — 950 женщин. При этом наиболее заметная диспропорция в этих возрастных группах проявилась среди сельской молодежи — 712 и 865 соответственно (там же: 21).

Применительно к Хакасии, прежде всего, стоит сказать, что на примере двух лет, 2012–2013 гг., по сравнению с предыдущими годами в соотношении половозрастного состава молодежи не наблюдается существенных изменений. Вместе с тем, за этот короткий срок во всех молодежных группах отмечается некоторое сокращение ее численности. Однако, в дальнейшем происходит постепенное ее увеличение. Так, по состоянию на 1 января 2014 г. численность молодежи в республике возросла до 121,7 тыс. человек или 22,8% от общей численности постоянного населения. Среди них процент мужчин достигал 49,9%, женщин — 50,1% (Оценка численности населения ..., 2016: 1).

В большей степени это касается возрастной группы 20–24 летних (см. табл. 2). Кроме того, отмечаемая здесь большая, чем в Туве диспропорция между полами, на наш взгляд, не столь катастрофична. И в этом плане мы не совсем разделяем точку зрения исследователей, проводивших упомянутый опрос молодежи Хакасии (2014 г.) и пришедших к выводу, что «одна из основных демографических проблем республики — преобладание женщин». В своем отчете, подготовленном для республиканского Департамента молодежи они пишут, что «хотя это преобладание пока незначительно, но согласно статистическим данным в более старших возрастных группах этот процесс только усилится и разрыв между численностью мужчин и женщин увеличится» (Результаты социологического исследования ... : 2). В целом же некоторое ухудшение диспропорции в соотношении численности мужчин и женщин, по мнению специалистов местной службы государственной статистики, обусловлено главным образом высокой преждевременной смертностью мужчин.

Таблица 2. Данные о численности молодежных возрастных групп в Республике Хакасия на начало 2012 и 2013 гг. (абс.)*

Table 2. Youth and its gender distribution in the Republic of Khakassia, as at beginning of 2012 and 2013

Возраст	Молодежные группы					
	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	2012	2013	2012	2013	2012	2013
15–19	29194	27182	14856	13916	14338	13266
20–24	41193	37644	19897	18154	21296	19490
25–29	48086	47585	24014	23911	24072	23674
Итого	118473	112411	58777	55981	59706	56430

Прим.: Материалы получены в Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

Специфика этнического состава молодежи Тувы и Хакасии

Как мы уже отмечали в своих предыдущих публикациях, как Республика Тыва, так и Республика Хакасия, существенно отличаются от многих других регионов Российской Федерации по своему этническому составу, прежде всего, по представительству и соотношению титульных национальностей — тувинцев и хакасов (Анайбан, 2005: 45,78; 2006: 6).

Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность тувинцев в республике составила 82%, русских — 16,3%, представителей других национальностей — 1,7%. За период между двумя последними переписями доля русских заметно сократилась (с 20,1% в 2002 г. до 16,3% в 2010 г.), а доля тувинцев, наоборот, несколько возросла (со 78,5% в 2002 г. до 82% в 2010 г.) (Основные итоги ..., 2004: 1–2). Численность других национальностей, среди которых следует назвать бурятов, белорусов, украинцев, немцев, хакасов, не достигает здесь и 2% (Социально-экономическое положение ..., 2012: 62).

Кардинально иной этнический расклад мы наблюдаем в Хакасии. В частности, к 2010 г. численность хакасов в республике составила лишь 12,1%. Большинство населения Хакасии представлено русскими (81,7%). Здесь живут также украинцы, немцы, татары и немногочисленные группы азербайджанцев, белорусов, тувинцев, чеченцев и др. (6,2%). За период между двумя последними переписями доля русских немного возросла (на 1,4%), а доля титульной национальности практически не изменилась (12% в 2002 г.) (Итоги Всероссийской переписи населения ..., 2012: 9). Таким образом, первое место по численности населения в Республике Хакасия занимают русские. Процент хакасов, основной этнической группы республики, составляет примерно только десятую часть всей численности населения.

К сожалению, мы не можем здесь привести более «свежие» данные относительно этнического состава молодежных групп республики, т. к. в доступных нам материалах региональных отделений Росстата — Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва и по Республике Хакасия эти показатели в половозрастном разрезе отсутствуют. По этой причине, как и во многих других случаях, мы обращаемся к материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. Так, например, согласно итогам названной переписи, в Тыве удельный вес молодежи (15–29 лет) в общей численности представителей титульной национальности достигает 82%, среди хакасов соответственно около 21% (там же: 318, 329). Понятно, что столь существенное преобладание молодежных групп в составе тувинцев, прежде всего, связано с уровнем рождаемости. Добавим также, что, безусловно, численное превосходство тувинцев в пределах республики обуславливает их этническое преобладание в составе республиканской молодежи в целом.

Показатели уровня рождаемости и смертности среди молодежных групп

По данным Росстата, естественный прирост населения составил в Хакасии 2013 г. 1375 чел., в Тыве этот показатель был втрое выше — 4712 чел. Известно, что по уровню рождаемости Республика Тыва среди субъектов Сибирского федерального округа занимает лидирующее место. Важно отметить, тенденция к увеличению общего коэффициента рождаемости вновь наметилась в этом регионе лишь с 2007 г., до этого на протяжении полувека наблюдался спад. В частности, по данным официальной статистики, в Тыве суммарный коэффициент рождаемости из года в год стабильно увеличивается. В отличие от Российской Федерации в целом, где самый высокий коэффициент рождаемости приходится на возрастную группу женщин 25–29 лет, в Тыве этот показатель наиболее высок у 20–24-летних женщин, далее следует группа 25–29-летних. При этом сравнение уровня рождаемости в названных двух группах показало, что в обеих группах из года в год четко прослеживается тенденция роста рождаемости, но все же в первой группе его темпы заметно выше, чем во второй (Демографический ежегодник России, 2014: 144, 157).

Как мы уже упомянули, сегодня к числу значимых и положительных тенденцией естественного движения населения в Хакасии, несомненно, следует отнести начавшееся относительно недавно, превышение рождаемости над смертностью. Начиная с середины 90-х годов вплоть до начала 2000 г., в республике наблюдался спад рождаемости. Увеличение общего коэффициента рождаемости вновь наметилась с 2002 г. По данным официальной статистики, если в 2002 г. в этом регионе на 1000 чел. населения приходилось 10,6 родившихся, то в последующие годы этот показатель стал постепенно расти и достиг в 2010 г. соответственно 15,1, в 2013 г. — 15,7. Так, в абсолютных цифрах в 2013 г. рож-

даемость достигла 8362 человек, смертность — 6987 человек. Таким образом, положительная динамика в естественном приросте населения составила в этот период 1375 человек (Российский статистический ежегодник, 2014: 87). Важно отметить, что для данной республики сегодня характерно сохранение тенденции прироста численности населения, его активной части. В этом регионе, как и в Российской Федерации, самый высокий коэффициент рождаемости приходится на возрастную группу женщин 25–29 года, хотя в данном случае в группе 20–25-летних этот показатель незначительно ниже. Так, если в первой группе на 1000 женщин, родившихся живыми, приходится 119,1 ребенка, то во второй 111,9 ребенка (там же: 157).

В этой связи нельзя не отметить, что толчком к изменению сложившейся ситуации не только в исследуемых регионах, но и в Российской Федерации в целом, несомненно, послужило принятие в конце 2006 г. Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», где говорилось о материальном вознаграждении за рождение второго ребенка, так называемом «материнском капитале». Кроме всего прочего данное обстоятельство наглядно демонстрирует насколько важны и необходимы в деле благоприятного развития демографических процессов конкретные решения и программы, непосредственно направленные на улучшение демографической ситуации в стране.

Одной из главных проблем демографического развития названных республик является фактически не снижающийся с годами показатель смертности. На данном этапе уровень смертности в Туве и особенно в Хакасии остается стабильно высоким и тенденция к снижению проявляется очень слабо. К сожалению, сказанное относится ко всем возрастным группам, включая молодежь. Так, если в 2008 г. в Туве коэффициент смертности на 1000 человек населения составил здесь 11,6, то за пять лет, к 2013 г., он понизился лишь до 11,2 (Статистический ежегодник ..., 2013: 18). В Хакасии эти показатели за эти же годы были соответственно 13,8 и 13,1 (Показатель уровня смертности населения ..., 2014: 7).

Среди молодежных групп Тувы самая высокая смертность у 25–29-летних мужчин, коэффициент которой на протяжении последних лет равен 9, что, с одной стороны, несколько ниже, чем среди населения в целом, с другой — заметно выше, чем в группе 20–24-летних мужчин и тем более среди 15–19-летних мужчин (8,6 и 3,5 соответственно). Стоит подчеркнуть, что у молодых женщин этой возрастной категории уровень смертности намного ниже. Например, в настоящее время этот показатель среди 25–29-летних женщин составляет 1,9, что, кроме всего, существенно ниже, чем в предыдущие годы (Статистический ежегодник ..., 2013: 27). По нашему убеждению, к числу немаловажных факторов не снижающегося показателя смертности следует отнести неблагоприятные социально-экономические условия и низкий уровень жизни не только жителей

Тувы, но и значительной части населения российских регионов. Исходя из этого, не будет преувеличением сказать, что смертность среди молодежи — весьма значимый индикатор, по которому можно судить об условиях и качестве жизни населения того или иного региона.

Браки и разводы как важная составляющая демографических характеристик молодежи

Как мы знаем, существенное влияние на показатели воспроизводства населения и на демографическую ситуацию оказывают браки и разводы. По данным официальной статистики, в Туве самый высокий показатель вступления молодежи в брачные отношения наблюдается у мужчин в группе 25–34-летних, у женщин в группе 18–24-летних, хотя и в этих группах в последние годы отмечается заметный спад. К примеру, если среди женихов и невест названных возрастных групп несколько лет назад (2009 г.) было заключено соответственно 1341 и 1204 браков, то в последующие годы их число сократилось: от 951 и 889 в 2010 г. до 1016 и 758 в 2012 г. (там же: 29). При этом, как видно из приведенных данных, молодые мужчины вступают в брак, по крайней мере, официально его регистрируют гораздо чаще, чем молодые женщины.

В Хакасии большинство браков заключается в возрасте старше 25 лет. В настоящее время здесь пик брачности как у женщин, так и у мужчин приходится на возраст 25–34 года, тогда как несколько лет назад больше всего официально оформленных браков среди женщин Хакасии, как и женщин Тувы, приходилось на группу 18–24-летних. Иными словами, в данном регионе, в отличие от Тувы, где возрастная категория брачующихся на протяжении длительного времени не претерпела заметных изменений, в данном регионе, напротив, прослеживается тенденция постепенного увеличения возраста вступающих в брачные союзы.

Разделяя точку зрения исследователей, придерживающихся мнения, что сокращение количества заключаемых браков в разных сибирских регионах связано со снижением брачной активности в молодых возрастах, следует все же добавить, что данное обстоятельство, на наш взгляд, в определенной степени связано и с тем, что среди молодежи в настоящее время становится все более популярным, так называемый «гражданский брак», когда молодая пара, в действительности являясь мужем и женой, создав семью, официально не оформляет свои отношения. В итоге этот факт так ли иначе отражается на изменении статистики. Как нам сказали работники республиканского ЗАГСа Тувы, примечательно, что современный период характерен ростом числа межнациональных браков как среди тувинской, так и местной русской молодежи. Для Тувы это явление было несвойственно практически с советских времен. Что касается разводов следует особо отметить, что за последние пять-шесть лет в обеих республиках фиксируется, хотя и незначительный, но все же некоторый спад. При

этом наибольшее число разводов как среди мужчин, так и среди женщин приходится на возраст 25–34 года. По многим объективным и субъективным причинам в молодежной среде разводятся гораздо чаще, чем в старших возрастных группах.

Участие молодежи в миграционных процессах

В настоящее время в перечне демографических показателей все большую значимость приобретают миграционные процессы. В этом плане различия в названных двух регионах весьма существенны. Так, в Республике Тыва на данном этапе, как и в предыдущие годы, отмечается миграционная убыль населения, хотя темпы его несколько снизились. В качестве сравнения заметим, что если в Республике Хакасия коэффициент миграционного прироста (убыли) в 2012 г. составил –10, то по Республике Тыва этот показатель был значительно больше и достигал –119. Вместе с тем, годом раньше эти данные были выше и составляли соответственно –19 и –125 (Демографический ежегодник России ... , 2013: 514).

Из года в год растет миграционная активность населения, о чем свидетельствуют статистические данные о лицах, участвующих в миграционном обмене. В этой связи достаточно сказать, что, например, в Хакасии в 2013 г. по сравнению с 2010 г. численность как прибывших в республику, так и выбывших из республики возросла почти вдвое (Вся миграция ... , 2014: 1). Состав мигрантов, как и во многих других регионах Российской Федерации, характеризуется высоким процентом населения в трудоспособном возрасте, в числе которых существенно преобладают молодежные группы. При этом как в Туве, так и в Хакасии наибольшая миграционная мобильность по-прежнему характерна для молодежи, на долю которой приходится примерно две трети из общего числа мигрирующих в трудоспособном возрасте. Исходя из этого, можно утверждать, что и сегодня главными мотивами, вызывающими переезд, остаются проблемы трудоустройства, а также учеба, получение образования.

В наши дни в обеих республиках все более активизируется сельская миграция, поскольку наличие социальных проблем на селе, в числе которых, прежде всего, необходимо назвать молодежную безработицу, вынуждает ее жителей переезжать в городскую местность. Необходимо отметить, что выехавшее из сел население в абсолютном большинстве устремляется в столицу республики. Сказанное в большей степени касается сельской молодежи Тувы. И эта тенденция в данном регионе сохраняется на протяжении длительного времени.

Заключение

Итак, в числе особенностей развития современных этнодемографических процессов среди молодежи Тувы и Хакасии следует все же назвать наметившуюся тенденцию роста ее общей численности, в первую очередь, за счет есте-

ственного прироста. Применительно к Хакасии следует особо подчеркнуть, что это явление не было характерно с 90-х годов прошлого столетия. При этом увеличение ее численности происходит в условиях относительно благоприятной половозрастной структуры. В отличие от Хакасии, где удельный вес хакасской молодежи весьма незначителен, этнический состав молодого поколения Тувы, как и всего населения республики, отличается существенным превалированием в ее численности представителей титульной национальности.

Несмотря на то, что среди молодежи и Тувы, и Хакасии в среднем уровень смертности ниже, чем по республике в целом, тем не менее в ряду ее демографических проблем, который вызывает наибольшую озабоченность, стоит назвать именно этот показатель. При этом ее уровень в Хакасии заметно превышает аналогичный показатель по другим сибирским регионам, включая Туву.

С нашей точки зрения, важным импульсом развития позитивных демографических тенденций как среди населения в целом, так и молодежи в частности, является создание необходимых условий для благоприятного социально-экономического развития региона и на этой основе эффективное решение социальных проблем, повышение уровня жизни населения.

При всем том, что эти два региона значительно отличаются по многим социально-экономическим характеристикам, все же сказанное в равной степени относится как к молодежи Тувы, так и Хакасии, поскольку, как показало исследование, при разной степени выраженности и интенсивности, имеющиеся проблемы молодежных групп в этих регионах все же достаточно схожи. В этой связи уместно заметить, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 №1662-р, сказано, что главная цель государственной молодежной политики заключается в создании условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2005) Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М.: Институт востоковедения РАН. 244 с.

Анайбан, З. В. (2006) Население Южной Сибири в эпоху перемен: адаптация к новым условиям жизни / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН. 24 с.

Вся миграция: прибывшие и выбывшие. 2014 (2014). Абакан : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

Демографическая ситуация в Республике Тыва (результаты комплексного исследования по данным Госкомстата России 1989–1996 гг.) (1996). М.: НИИ семьи. 96 с.

Демографический ежегодник России. 2013 (2013) : Статистический сборник. М.: Росстат. 544 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (2012) : в 11 т. М.: ИИЦ «Статистика России». Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. 848 с.

Лещенко, Я. А. Проблемы социально-демографического развития Сибири [Электронный ресурс] // Экономический портал. <http://institutiones.com/general/1980-problemy-socialno-demograficheskogo-razvitiya-sibiri.html> (дата обращения: 03.04.2016).

Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала (2013) [Электронный ресурс] // Методобъединение. URL: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (2004) Кызыл : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва.

Оценка численности населения Республики Хакасия на 1 января 2016 года (2016). Абакан: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

Показатель уровня смертности населения Республики Хакасия (2014). Абакан: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации (2014): Статистический сборник. М.: Росстат. 654 с.

Республика Тыва в цифрах. Кызыл. 2012 (2012). Кызыл : Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва.

Результаты социологического исследования по теме «Проблемы молодежи Республики Хакасия», 2014 г. Материалы Департамента молодежи Республики Хакасия. Рукопись.

Российский статистический ежегодник (2014). М.: Росстат. 693 с.

Статистический ежегодник Республики Тыва (2013). Кызыл: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва.

Социально-экономическое положение Республики Тыва за 2011 год. (2012). Кызыл: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва.

Дата поступления: 14.04.2016 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (2005) *Zhenshchiny Tuvy i Khakasii v period rossiiskikh reform*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 244 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2006) *Naselenie Iuzhnoi Sibiri v epokhu peremen: adaptatsiia k novym usloviyam zhizni*, Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Moscow, IEA RAN. 24 p. (In Russ.).

Vsia migratsiia: pribyvshie i vybyvshie. 2014 (2014). Abakan : Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Khakasiia. (In Russ.).

Demograficheskaia situatsiia v Respublike Tyva (rezul'taty kompleksnogo issledovaniia po dannym Goskomstata Rossii 1989–1996 gg.) (1996). Moscow, NII sem'i. 96 p. (In Russ.).

Demograficheskii ezhegodnik Rossii. 2013 (2013) : Statisticheskii sbornik. Moscow, Rosstat. 544 p. (In Russ.).

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda (2012) : in 11 vols. Moscow, IITs «Statistika Rossii». Vol. 4. Natsional'nyi sostav i vladenie iazykami, grazhdanstvo. Book 1. 848 p. (In Russ.).

Leshchenko, Ia. A. Problemy sotsial'no-demograficheskogo razvitiia Sibiri. *Ekonomicheskii portal* [online] Available at: <http://institutiones.com/general/1980-problemy-socialno-demograficheskogo-razvitiya-sibiri.html> (access date: 03.04.2016). (In Russ.).

Molodezh' Rossii 2000–2025: razvitie chelovecheskogo kapitala (2013). *Metodobyedinenie* [online] Available at: <http://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf> (access date: 12.03.2016). (In Russ.).

Osnovnye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2002 g. (2004) Kyzyl : Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tyva. (In Russ.).

Otsenka chislennosti naseleniia Respubliki Khakasiia na 1 ianvaria 2016 goda (2016). Abakan: Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Khakasiia. (In Russ.).

Pokazatel' urovnia smertnosti naseleniia Respubliki Khakasiia (2014). Abakan, Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Khakasiia. (In Russ.).

Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub»ektov Rossiiskoi Federatsii (2014): Statisticheskii sbornik. Moscow, Rosstat. 654 p. (In Russ.).

Respublika Tyva v tsifrakh. Kyzyl. 2012 (2012). Kyzyl, Territorial'nyi organ federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tyva. (In Russ.).

Rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia po teme «Problemy molodezhi Respubliki

Khakasiia», 2014 g. Materialy Departamenta molodezhi Respubliki Khakasiia. Rukopis'. (In Russ.).

Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik (2014). Moscow, Rosstat. 693 p. (In Russ.).

Statisticheskii ezhegodnik Respubliki Tyva (2013). Kyzyl, Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tyva. (In Russ.).

Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tyva za 2011 god. (2012). Kyzyl, Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Tyva. (In Russ.).

Submission date: 14.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Анайбан З. В. Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/96> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Anaiban Z. V. Contemporary ethnodemography of youth in Tuva and Khakassia. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/96> (accessed: ...).

МИР ЖЕНЩИН СОВРЕМЕННОЙ ТУВЫ

Лариса В. Анжиганова

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова,

Сайлык М. Ак-Лама

Тувинский институт гуманитарных
и социально-экономических
исследований

В статье исследуется этнодемографическое и этносоциальное положение женщин-тувинок в Туве. Для анализа применяется концепция «женского мира», которая стала активно использоваться исследователями в условиях нарастающей гендерной асимметрии. «Женский мир» трактуется в работе как целостный образ мира женщин, объединенных едиными ценностями, отношениями и жизненными практиками.

Современное смещение традиционных ролей мужчин и женщин приводит к стиранию границ между мужскими и женскими обязанностями и функциями. На кризис семейных ценностей, в первую очередь, повлияли рыночная экономика, социально-экономическое положение в стране. В современных условиях женщина оказывается включенной в общественную жизнь, что ограничивает ее

WOMEN'S WORLD IN CONTEMPORARY TUVA

Larisa V. Anzhiganova

Katanov State University of Khakassia,

Sailyk M. Ak-Lama

Tuva Institute for the Humanities and
Applied Socioeconomic Studies

The article examines the ethnodemographic and ethnosocial position of ethnic Tuvan women in Tuva. Our analysis makes use of the concept of 'women's world' which is actively used by researchers in the current state of increasing gender asymmetry. We treat 'women's world' as a holistic worldview of women united by single values, attitudes and practices of living.

The contemporary shift in traditional male and female roles leads to blurring the boundaries between male and female functions and responsibilities. The crisis of family values has been brought about by the market economy and the overall social and economic situation in the country. In contemporary society women find themselves involved in public life, which limits her abilities in the sphere of family relations and marriage. To analyze the

---

Работа подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 15-03-00146 «Мир женщины: эволюция ценностей, символов, ритуалов».

Анжиганова Лариса Викторовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (3902) 22-35-76. Эл. адрес: alv_9@mail.ru

Ак-Лама Сайлык Мергеновна — научный сотрудник сектора прикладной социологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: asm23_09@mail.ru

Anzhiganova Larisa Viktorovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Culturology, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenin St., Abakan, Russian Federation 655017. Tel.: +7 (3902) 22-35-76. E-mail: alv_9@mail.ru

Ak-Lama Sailyk Mergenovna, Research Fellow, Sector of Applied Sociology, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetov St., Kyzyl, Russian Federation 667000. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: asm23_09@mail.ru

возможности в сфере семейно-брачных отношений. Для анализа ценностей, отношений и жизненных практик, которые ныне являются важными для тувинков, используются материалы эмпирического исследования авторов, проведенного в Туве весной 2015 г. Опросом было охвачено 250 женщин.

В тувинском обществе семья была и остается главной ценностью. При выборе партнера, который происходит свободно, тувинки руководствуются такими качествами, как умение заботиться, понимать, доброта, образованность, любовь, отсутствие вредных привычек. Идеальным количеством детей считается три, однако современные женщины вынуждены ограничивать рождение детей 1–2. Большое количество детей распространено среди женщин старшего, пожилого возраста. Среди молодых людей высок уровень разводов, одной из важнейших причин которых является необходимость решения материальных проблем семьи.

Современная тувинская женщина совмещает в себе традиционные и новые функции, пытаясь поддерживать ценность семьи, высокого материального достатка и развивать возможность самореализации. Благодаря этому в республике остается высоким, в сравнении с другими регионами страны, уровень репродуктивных установок, когда большая часть респондентов стремится иметь больше детей. Условием, ограничивающим возможности рождения третьего и последующего ребенка в семье, является ее нестабильное материальное положение.

Ключевые слова: «мир женщин»; семья; дети; карьера; самореализация; гендерный дисбаланс; ценности; тувинская женщина

Введение

Глобализация усиливает процессы и явления, которые можно охарактеризовать как проявление растущей феминности, что приводит к еще большему нарушению симметрии социального бытия. Динамично развивающиеся социальные процессы влияют на распределение социальных ролей, трансформируя сложившуюся веками определенную систему ценностей. Особенно это коснулось семейных отношений, изменив представления женщин о роли семьи, детей в пользу личного саморазвития и карьерных приоритетов. В результате страдают все: женщины — от избытка социальных ролей приобретают качества маскулинности, мужчины, вследствие этого, их утрачивают.

В условиях нарастающей гендерной асимметрии исследователи и общественные деятели активно используют понятия «женский мир» и «мужской мир», «мужская культура» и «женская культура» и т. п. как устойчивые конструкты. Со-

values, attitudes and practices which are important for Tuvan women, we have held an opinion poll of 250 women respondents in Tuva in spring 2015.

Tuvan society has always viewed family as the supreme value, and still does. When choosing a partner (which a woman is free to decide for herself), Tuvan women look for a caring, understanding, kind, educate, loving partner, with no pernicious addictions. Three is the ideal number of children in the family, although most families have only 1 or 2. Women of elder generations would typically have a bigger number of children. Younger generations are known for high divorce rate. One of the most important reasons for divorce is the urgent need for satisfying the family's material needs.

A contemporary Tuvan woman combines in her social position both traditional and new functions, trying to uphold the values of family life, high level of welfare and the opportunity for self-actualization. Due to this combination, Tuvan society has a relatively high (if compared to other regions) level of reproductive goals, which means that a large part of respondents plans to have many children. However, the unstable material welfare of many families prevents the birth of more than two children.

Keywords: “women’s world”; family; children; career; self-actualization; gender imbalance; values; Tuvan woman

The article has been prepared as part of the project titled “Women’s world: the evolution of values, symbols and rituals”, supported by Russian Foundation for the Humanities (Grant No. 15-03-00146).

временная наука не определилась ни с содержанием, ни с объемом, ни с прагматической ценностью вышеуказанных понятий. Вместе с тем, необходимо признать, что академический и практический интерес представляет исследование «женского мира» как целостного феномена, непосредственно связанного со способами существования его в прошлом (традиционном обществе) и современности. Крайне важным кажется анализ механизмов трансляции и адаптации этого опыта к изменяющимся политическим, экономическим, социокультурным условиям, т. к. реальность демонстрирует появление новых противоречий в системе ценностей общества, в т. ч. в их гендерном аспекте.

Целью нашего исследования является анализ феномена «женский мир» в современных условиях Тувы, при чем мы будем рассматривать женский мир тувинок. Материалом для анализа послужили материалы эмпирического исследования авторов, проведенного в Туве весной 2015 г. Опросом было охвачено 250 женщин.

Женский мир

Исследования мира женщин неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Это в немалой степени связано с тем, что самые ранние научные взгляды о женщине мы встречаем у мужчин, пытающихся рационально осмыслить сложный, изначально иррациональный, мир женщин. Как правило, эти исследования особый акцент делали на анализе конфликтов с мужской идентичностью, приведших к гендерной асимметрии. Одной из наиболее известных научных попыток понять внутренний мир женщин является концепция З. Фрейда, которая привела его к неутешительному выводу, что все проблемы женщин связаны с тем, что они ... не мужчины.

Российская научная классика, исследующая женский мир, собственно, пошла тем же путем, выделяя непреодолимые противоречия мужского и женского стилей мышления и поведения. Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, В. С. Соловьев, В. Ф. Эрн наделили женщин, в отличие от мужчин, интуитивностью, конкретностью, экспрессивностью, бессознательностью, подчиненностью, подверженностью хаосу, коллективностью, слабостью Я, статичностью, пассивностью, постоянством, верностью, консерватизмом и пр. Исследования женщин-ученых, разумеется, исходили уже из точки зрения женщин и имели иные результаты.

В 2000-х вышло немало работ, защищено диссертаций, связанных с проявлением женской тематики в различных сферах общества. И здесь необходимо выделить работы философского уровня, в которых осуществляются попытки исследовать мир женщин как целостный феномен — причем в большинстве своем эти интересные работы выполнены женщинами-исследователями (см.: Брандт, 2000, 2006; Григорьева 2004; Бацанова, 2007; Здравомыслова, 2008).

Во всех исследованиях констатируется, что с самых ранних времен человечество представляло собой единство двух взаимоисключающих и взаимодополняющих начал: мужского и женского. Традиционно считалось, что мужское начало — рациональное, социальное, а женское — природное, интуитивно-эмоциональное. Это два мира культуры, создающие свои пространства, свой тип восприятия мира и мышления, иначе говоря — «мужской мир» и «женский мир».

Существенный вклад в изучение природы «женского мира» сыграло феминистское движение XIX–XX вв. Феминизм считал, что наделение женщин стандартно принятыми качествами, связанными с поглощенностью материнством, является результатом победившего патриархата. Однако позднее феминистки стали утверждать, что собственно женские качества (эмоциональность, уязвимость и интуиция) могли бы стать силой для построения более развитого и сложного общества. Для этого мужчины должны были развить их в себе. Тем не менее, природа «женского мира» имеет устойчивое мироощущение, мировосприятие, которое сохраняется на протяжении многих веков. Женщина продолжает выполнять свою природную функцию деторождения, независимо от изменений ее социального статуса, положения в обществе. Неоспоримо существование уникальной женской культуры, которая универсальна и свойственна женскому полу, независимо от их воспитания и образования, от эпохи, страны и т. д. Мужчины и женщины по-разному видят мир, существуют в нем, позиционируя себя различными субъектами деятельности.

Активное сравнение и сопоставление мужчины и женщины стало актуально с изменением экономической, политической активности, с повышением социальной значимости женщины в обществе. В рамках социологии пола изучается дифференциация мужских и женских ролей в профессии, в семье, в обществе в целом, также исследуются социальные гендерные стереотипы. Особо акцентируется на анализе гендерных стереотипов в семейных отношениях, в сфере занятости, новых информационных технологий, миграции населения и т. д.

В нашей работе мы будем трактовать «женский мир» как целостный образ мира женщин, объединенных едиными ценностями, отношениями и жизненными практиками.

При определении структуры «женского мира» необходимо учесть ряд важнейших факторов, связанных с особенностями более широкого понятия — «жизненный мир»:

- › «жизненный мир» — это феномен культуры, потому их структуры (жизненного мира и культуры) должны коррелировать;
- › «жизненный мир» включает в себя и мужской, и женский мир, у них должны быть общие основания, иначе говоря, единые родовые качества человека.

Поэтому, структуру как «мужского мира», так и «женского мира» составляют

система ценностей, специальные символы, отношения, институты и ритуалы. Исследования в этом направлении, в том числе, в синхронном и диахронном аспектах, как нам кажется, являются наиболее продуктивными.

На формирование ценностных ориентаций личности влияют потребности и общие социальные условия жизнедеятельности человека: политические, экономические, культурные, в том числе, этнокультурные особенности ее образа жизни. Ценностные ориентации находят свое отражение в целях, интересах, идеалах, личностном смысле жизни, и проявляются в социальном поведении личности или группы. Различия по полу также могут оказать влияние на формирование той или иной системы ценностей личности.

В зависимости от той или иной системы ценностей может быть сформирована определенная модель женского мира. Если источником формирования ценностей женщины является этническая культура, то, в зависимости от ее историко-культурных особенностей, могут существовать различные модели, например, у хакасов это — мир Богатырки (Алтын Арыг), у французов — Орлеанская Дева и т. п.; избранная модель оформляется соответствующими символами и ритуалами, устанавливаются соответствующие отношения и институты.

Тувинская женщина и семья

Традиции формирования и развития женского мира различных этносов, населяющих Россию, с одной стороны, уникальны. И в этом смысле, исследование мира тувинской женщины представляется своевременным и необходимым.

Правовое и экономическое положение тувинской женщины в конце XIX — начале XX в. в условиях социального и колониального гнета было тяжелым. Будучи самостоятельной в семье, в общественных делах она оставалась бесправной. Только с образованием Тувинской народной республики тувинская женщина стала добиваться равноправного положения в обществе (Забелина, 1977; Доржу, 1993; Женщины Советской Тувы, 1988).

Социально-экономическое положение в стране влияет на социальный статус и роль женщин в тувинском обществе. Трансформации традиционных ролей и появление новых повлияли на изменение ценностных ориентаций женщин. Женщина становится не только матерью, женой, хранительницей домашнего очага, но и равноправным членом общества, обеспечивающим материальное благополучие семьи.

Этап смещения традиционных ролей мужчин и женщин может привести к стиранию границ между мужскими и женскими обязанностями и функциями. На кризис семейных ценностей, в первую очередь, повлияли рыночная экономика, социально-экономическое положение в стране. Финансовая нестабильность семьи стала серьезным мотивом устройства женщины на работу.

В современных условиях женщина оказывается включенной в общественную жизнь, что ограничивает ее возможности в сфере семейно-брачных отношений. В системе ценностных ориентаций современной тувинской женщины, согласно исследованиям Г. А. Гончаровой 2000-х гг., основными являются семья (80,8%), работа (46,4%) и хороший заработок (45,1%), воспитание детей занимает лишь четвертую позицию (36,4%). Относительно большое значение для женщины имеет профессия (22,8%). Позиция «иметь детей» занимала второе место, и была важнее, чем «работа» и «хороший заработок». По мнению русских, проживающих в Туве, для современной женщины одинаково важно иметь семью и хороший заработок (Гончарова, 2003: 59).

В тувинском обществе семья является главной ценностью. Анализ мотивов вступления в брак, полученных в ходе нашего опроса, показывает, что основными характеристиками выбора супруга являются психологические особенности личности — можно было назвать более одного показателя: («забота и понимание супруга» — 58,5%), демографические показатели («рождение детей» — 57,1%), экономические условия («материальное благополучие» — 30,8%). Среди женщин пожилого возраста на первом месте стояло «рождение детей», а для молодых и зрелых женщин — «забота и понимание супруга».

Современная тувинская женщина при выборе супруга предпочитает такие качественные характеристики личности как «доброта» (52,7%), «образованность» (39,7%), «любовь» (37,9%), «отсутствие вредных привычек» (30,8%). Стоит отметить, что у женщин с одним или двумя высшими образования наличие образования у супруга является преимущественным показателем. Также были отмечены респондентами такие характеристики как «хороший характер», «порядочность», «терпение», «понимание», «внимательность», «ответственность».

Семья укрепляется наличием детей или общей заботой о них. Традиционно у тувинцев было особое отношение к детям. Независимо от социального положения семьи, ребенок всегда был желанным. Среди опрошенных женщин с детьми 76,8%, среди них имеют два ребенка 32%, одного — 27,9%, троих — 25%. Женщин с четырьмя и более детьми среди тувинских респондентов оказалось 15,1%, большая часть которых женщины пожилого возраста.

Три ребенка в семье считается идеальным количеством для 50,4% женщин, независимо от возраста и образования. Современная женщина, тем не менее, уже вынуждена ограничивать рождение детей в связи с непростыми социально-экономическими условиями. Трудности воспитания детей заключаются в нехватке мест в детских садах, в мизерных размерах детских пособий на детей, значительных расходах на каждого их детей.

В последнее время высокий уровень разводов присущ не только всему российскому обществу, но зафиксирован и в республике: количество разводов в Туве растет с каждым годом. Основными причинами разводов женщины считают

«несовместимость характеров» (42%), «материальные проблемы семьи» (40,6%), «отсутствие общих взглядов» (39,7%). Также относительно популярными стали и негативные ответы, такие как «пьянство супруга» (28,6%), «жестокость и скандалы» (32,6%). Можно сделать вывод, о том, что основными причинами разводов являются не только несовместимость характеров и взглядов. Значительную роль играет материальное положение в семье, что становится почвой для ссор, скандалов, жестокости со стороны мужа.

Женщина и работа

В современных рыночных условиях способы получения доходов разнообразны. Женщина стала более активной, чем мужчина. Работа и хороший заработок в системе ценностных ориентаций женщины являются основными. К мотивации трудящихся женщин можно отнести «материальную обеспеченность» (79,9%), «возможность реализовать свои способности» (55,8%), «признание и уважение окружающих» (45,1%), «общение с коллегами, с интересными людьми» (38,4%). Для молодых женщин и женщин с высшим образованием «материальная обеспеченность» и «самореализация» имеют равное значение, тогда как для женщин зрелого и пожилого возраста финансовая стабильность имеет первостепенное значение. Работа для женщины становится не только средством получения дохода, но арендой для общения, и реализации своих профессиональных способностей. Следует отметить, что 54% респондентов работают, 21,4% учатся, только 3,6% безработные, 6,3% домохозяйки и др.

Замужние женщины работают, чтобы поддержать материальный уровень семьи. Работа и семья отнимает много времени и сил. У женщин остается меньше времени для себя и профессионального самосовершенствования. Но женщина, находящаяся в браке, социально защищена.

Большинство женщин, независимо от возраста и образования, положительно оценили отношения с окружением: с друзьями, с соседями, с мужем, с родителями, с детьми, с противоположным полом. Количество респондентов, не удовлетворенных отношениями по каждому показателю, было только 5%. Это говорит о хороших взаимоотношениях в семье, на работе, среди друзей и т. д. Главной опорой для женщин является семья (80,8%), далее — друзья (47,3%), для работающих женщин на третьем месте стоит работа, коллеги (43,8%), для женщин пожилого возраста и домохозяек — книги, кино, радио, музыка (23,7%).

Социальное самочувствие является обобщенным индикатором реакции на социальные изменения, интегральной оценкой восприятия собственного благополучия. От адаптации женщин к объективным условиям жизнедеятельности зависит их социальное самочувствие. Важным является изучения их мнения о собственной жизни. По оценкам женщин, в качестве доминирующих можно выделить разные виды отношений к собственной жизни: «жизнь тяжелая, но я приложу все силы,

чтобы жизнь стала лучше» (29%), «жизнь интересная, меня полностью устраивает» (27,7%), «жизнь «полосатая», надо спокойно принимать и плохое, и хорошее и все устроится само собой» (24,1%). Большинство женщин, понимая жизненные трудности, занимают активную позицию для ее улучшения.

Поддержкой для женщин в трудной жизненной ситуации могут служить материальное положение, психологическое самочувствие и т. д. Ощущают уверенность в завтрашнем дне женщины, которых поддерживают семья, родственники (42,4%), наличие собственности (собственное жилье, земля, бизнес и пр.) (24,1%). Еще одним условием является возможность заработать (20,1%), а также оптимистическое отношение к жизни (21%). К этой категории относятся женщины с хорошим материальным положением, с высоким образованием, в основном женщины 31–50 лет. Неуверенность в завтрашнем дне ощущают 17,9% опрошенных женщин. Это женщины без специального образования, «не имеющие никакой собственности» (5,4%), у них «нет возможности заработать» (8,5%), «отсутствуют полезные связи» (4%) и «нет надежды на поддержку государства» (3,6%). Таким образом, уверенность женщине придает поддержка семьи, а также материальное благополучие, в виде собственности и финансовой стабильности, возможности самостоятельно заработать.

В представлениях тувинских женщин «хорошо жить» значит иметь хорошую семью (71,4%), интересную работу (30,8%), «жить обеспеченно в достатке» (30,8%), «жить спокойно без волнений и забот» (23,7%). Ценность семьи, работы для современной женщины являются преимущественными. Двойная занятость домохозяйки и работника является высокой нагрузкой для женщины, и стоит проблема выбора между ними. Гармоничное сочетание этих ролей практически невозможно, лишь при условии неполной занятости женщины на работе.

Женщины и социальные проблемы

Существующие в настоящее время в Республике Тыва Союз женщин, федерация «Семья за единство и мир во всем мире», Лига женщин, Ассоциация женщин-писательниц, ассоциация «Семья» и другие общественные организации активно участвуют в общественной жизни, но, к сожалению, не представляют единой влиятельной политической силы. Еще одним фактором малой эффективности работы данных организаций является общий низкий уровень участия женщин в деятельности общественных организаций. В большей степени женщины участвуют в деятельности религиозных (9,8%), профессиональных (9,8%), национально-культурных организаций (8,9%). В деятельность религиозных организаций более включены женщины пожилого возраста, а в профессиональных и национально-культурных — работающие женщины и студентки. При этом не принимают участия ни в каких движениях 61,6% женщин.

Среди причин низкой активности женщин в общественной жизни республики респонденты отметили: «отсутствие свободного времени», т. к. «работают и воспитывают детей» (28,6%), а также считают, что их «участие ничего не изменит» (18,4%), «не хотят тратить свое свободное время» (18,4%).

Между тем, сами женщины отмечают наиболее острые проблемы, которые стоят перед ними — это: женская безработица (28,9%), утрата роли женщины в семье как «хранительницы очага» (34,4%), проблемы воспитания детей (33%), бедность и обнищание (20,1%), также респонденты отметили женский алкоголизм.

Переход к рыночной экономике сопровождался рядом негативных процессов, среди которых необходимо назвать падение уровня жизни и социальное расслоение. Наиболее незащищенными и уязвимыми оказались женщины и их семьи.

В нашем исследовании материальное положение женщин оценивалось по следующим критериям: «необеспеченные», «малообеспеченные», «обеспеченные», «зажиточные». Ответы распределились таким образом:

- › малообеспеченные: «денег хватает на питание и предметы первой необходимости» (39,3%);
- › обеспеченные: «у нас есть определенные накопления, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения» (20,1%);
- › зажиточные: «мы имеем возможность ни в чем себе не отказывать» (13,8%);
- › необеспеченные: «денег не хватает на самое необходимое» (26,8%).

Данные показывают, что основная масса тувинских женщин оценивает материальное положение свое и своей семьи как мало обеспеченное.

Заключение

Понятие «женский мир» задает различные перспективы исследования моделей, смыслов и культуросозидающих практик женщин. За более чем век социальных трансформаций тувинского общества очевидно значительное изменение структуры женского мира, социального мира, который окружает женщину и социальных проблем, которые она должна решать.

Современная тувинская женщина совмещает в себе традиционные и новые функции, пытаясь поддерживать ценность семьи, высокого материального достатка и развивать возможность самореализации. Благодаря этому в республике остается высоким, в сравнении с другими регионами страны, уровень репродуктивных установок, когда большая часть респондентов стремится иметь больше детей. Условием, ограничивающим возможности рождения третьего и последующего ребенка в семье, является ее нестабильное материальное положение.

Готовность противостоять жизненным проблемам говорит о высоком уровне адаптивности тувинских женщин. У трети женщин наблюдается стремление взять на себя ответственность за улучшение жизни своей семьи и самореализацию себя в профессиональной сфере.

Тем не менее, женский мир тувинок во многом меняется, он обусловлен социально-трансформационными процессами во всем обществе, изменением роли и значения традиций тувинской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бацанова, С. В. (2007) Философско-культурологический анализ субкультурных аспектов гендерной картины мира : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Белгород. 21 с.

Брандт, Г. А. (2000) Природа женщины как проблема теории феминизма : историко-философский анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург. 50 с.

Брандт, Г. А. (2006) Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб. : Алетейя. 160 с.

Гончарова, Г. С. (2003) Ценности семейно-брачных отношений в современных условиях у народов Тувы и Хакасии // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета. Вып. 5. 266 с. С. 58–69.

Григорьева, Д. К. (2004) Философско-антропологический аспект образа женщины в гендерных исследованиях : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 30 с.

Доржу, З. Ю. (1993) Социальное положение женщин в Республике Тува : История и современность, 1921–1923 гг. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 421 с.

Женщины Советской Тувы (1988) : сборник статей. Кызыл : ТНИИЯЛИ. 109 с.

Забелина, В. А. (1977) Женщины освобожденной Тувы в борьбе за новую жизнь (1921–1944 гг.) // Великий Октябрь и проблемы новейшей истории / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 147 с. С. 90–104.

Здравомыслова, О. М. (2008) Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 53 с.

Дата поступления: 12.04.2015 г.

REFERENCES

Batsanova, S. V. (2007) *Filosofsko-kul'turologicheskii analiz subkul'turnykh aspektov gendernoi kartiny mira* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk. Belgorod. 21 p. (In Russ.).

Brandt, G. A. (2000) *Priroda zhenshchiny kak problema teorii feminizma : istoriko-filosofskii analiz* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk. Ekaterinburg. 50 p. (In Russ.).

Brandt, G. A. (2006) *Filosofskaia antropologiya feminizma. Priroda zhenshchiny*. St-Petersburg, Aleteia. 160 s. (In Russ.).

Goncharova, G. S. (2003) Tsennosti semeino-brachnykh otnoshenii v sovremennykh usloviakh u narodov Tuvy i Khakasii. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*, ed. Iu. V. Popkov. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 5. 266 p. Pp. 58–69. (In Russ.).

Grigor'eva, D. K. (2004) *Filosofsko-antropologicheskii aspekt obraza zhenshchiny v gendernykh issledovaniyakh* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (1993) *Sotsial'noe polozhenie zhenshchin v Respublike Tuva : Istoriia i sovremennost', 1921–1923 gg.* : dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. Moscow. 421 p. (In Russ.).

Zhenshchiny Sovetskoi Tuvy (1988) : sbornik statei. Kyzyl, TNIIIaLI. 109 p. (In Russ.).

Zabelina, V. A. (1977) Zhenshchiny osvobozhdennoi Tuvy v bor'be za novuiu zhizn' (1921–1944 gg.). In: *Velikii Oktiabr' i problemy noveishei istorii*, ed. Iu. L. Aranchyn. Kyzyl, TNIIIaLI. 147 p. Pp. 90–104. (In Russ.).

Zdravomyslova, O. M. (2008) *Gendernye aspekty sovremennykh rossiiskikh transformatsii: problemy metodologii issledovaniia* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk. Moscow. 53 s. (In Russ.).

Submission date: 12.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Анжиганова Л. В., Ак-Лама С. М. Мир женщин современной Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/97> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Anzhiganova L. V., Ak-Lama S. M. Women's world in contemporary Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/97> (accessed: ...).

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА (1991 — наст. вр.)

Инна С. Тарбастаева

Институт философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук

THE LEGAL FIELD OF ETHNIC POLICY IN THE REPUBLIC OF TYVA SINCE 1991

Inna S. Tarbastayeva

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

Статья содержит анализ правового регулирования этнонациональной политики в Республике Тыва в период с 1991 по 2016 гг. Автор выделяет три периода, которые соответствуют изменениям целевых ориентиров центральной и региональной власти в вопросах этнонациональной политики.

В первый период (1991–1996 гг.) на законодательном уровне отразилась установка закрепления за титульным этносом статуса центрообразующей общности, вокруг которой могли бы развиваться другие народы. Также данный период можно считать самым плодотворным с точки зрения принятия республиканских законов в области этнонациональной политики.

Отличительной особенностью второго периода (1996–2013 гг.) является проведение политики в рамках единого правового пространства России, но с учетом специфики этносоциальной ситуации в Туве. В центре внимания находится развитие титульного этноса — тувинцев, положение которого законодательно уравнено с другими этнокультурными общностями республики. Документы в значительной степени отражают собственные региональные ориентиры, не заданные рамками федерального кур-

The article examines the legal regulation of regional ethnonational policy in the Republic of Tuva in 1991–2016. We mark out three periods which correspond to the priorities federal and regional powers chose to determine their ethnic policies.

During the first of the three periods (1991–1996) legislators followed the logic of endowing the region's titular ethnicity with a status of a core community, with other ethnic groups to develop by clustering around it.

This was probably the most fruitful period for passing regional legislation which dealt with the issues of ethnic policy.

The second of the three periods (1996–2013) followed the practice of aligning regional ethnic policy with the general developments in the federal legal space. At the same time, specific ethnosocial situation in Tuva was taken into account. The local authorities focused on developing the region's titular ethnicity – Tuvans, while guaranteeing full equality of all ethnocultural communities. Legislation largely follows regional priorities that might have deviated from the federal course. This

Тарбастаева Инна Семеновна — младший научный сотрудник, аспирант сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: inna-tarbastayeva@yandex.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Ю. В. Попков.

Tarbastayeva Inna Semenovna, Postgraduate student and Junior Research Fellow, Sector of Ethnosocial Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: inna-tarbastayeva@yandex.ru. Research advisor: Doctor of Philosophy, Professor Yu. V. Popkov.

са. Это позволяло региональной власти проводить гибкую политику, соответствующую особенностям конкретного межэтнического сообщества.

Главным ориентиром этнонациональной политики третьего периода (2013 г. — по настоящее время) является сохранение и развитие этнокультурного многообразия в республике, в частности, поддержка русского языка и русского населения. В настоящий момент в Туве действуют более десяти соответствующих законов, а также ряд постановлений правительства, указов главы региона, целевых программ. В том числе автор анализирует положения республиканской программы «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва» (2013 г.), а также мероприятия, которые проводятся для реализации принятой программы. Все это свидетельствует о том, что местные органы власти высоко оценивают значимость этнической культуры и межнациональных отношений в локальном сообществе.

Автор делает вывод о том, что в нормативно-правовой базе республики отразилось изменение ключевых региональных установок: от максимального закрепления прав титульного этноса в 1990-е годы до всесторонней поддержки этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; этнонациональная политика; национальная политика; этническая общность; правовой статус этносов; региональная политика; постсоветский период; русские в Туве

allowed Tuva's authorities to pursue a flexible policy, matching the specific needs of a particular interethnic community.

In the third period (since 2013), ethnic policy is focused on preserving and developing Tuva's ethnocultural diversity, including the support of Russian language and ethnic Russians. At the moment, more than 10 laws dealing with these issues are in effect in the region, as well as a number of decrees of the Head of the republic, executive orders of its Cabinet of Ministers and special-purpose programs. In this article, we closely examine the regional program on "Strengthening the civic unity and ethnocultural development of ethnicities in the Republic of Tuva" (2013), as well as events organized under the aegis of this program. This proves the commitment of regional authorities to prioritizing ethnic culture and interethnic relations in the Republic of Tuva.

Overall, regional legislation has reflected the change in key priorities of regional policy in Tuva – from focusing on the rights of titular ethnicity in the 1990s to supporting ethnocultural variety on all levels, including the rights of ethnic Russians.

Keywords: Tuva; Tuvans; ethnic policy; ethnonational policy; ethnic community; legal status of ethnicities; regional policy; post-Soviet period; Russians in Tuva

Введение

Спустя почти четыре года после принятия Стратегии государственной национальной политики России в 2012 г., вопросы, связанные с ее реализацией на региональном уровне, продолжают привлекать внимание специалистов различных областей. Вместе с тем, наблюдается определенный недостаток исследований, посвященных правовому регулированию этнонациональной политике в конкретном субъекте, хотя ее законодательное обеспечение является важной составляющей, без которой практически невозможно оказать существенное влияние на сферу этнической жизни.

Целью настоящей статьи является обзор законодательной деятельности органов государственной власти Республики Тыва, посвященной этнонациональной политике, в исторической перспективе постсоветского общества. Это позволит выявить приоритетные направления и целевые установки, которые с точки зрения региональной власти являлись наиболее значимыми. Попытка проанализировать правовые основы современной этнонациональной политики в Туве

проводится впервые и опирается на предшествующие исследования тувиноведов. Это работы А. В. Бурукей, Н. А. Ондар, в которых затрагиваются проблемы конституционно-правового развития республики; Ч. К. Ламажаа, посвященные процессам социально-политической архаизации, модернизации в республике, а также анализу исторического прошлого тувинского народа (Ламажаа, 2008, 2013). Особую помощь в анализе материала оказали работы З. В. Анайбан, Г. Ф. Балакиной, касающиеся межэтнических отношений (Анайбан, 1999; Балакина, Анайбан, 2015), А. К. Кужугет, посвященные вопросам русского населения в Туве (Кужугет, 2010: Электр. ресурс). Надо отметить значимость социологических исследований этнокультурного многообразия в республике В. С. Кан; вопросов возрождения тувинской культуры — М. М.-Б. Харуновой; отдельный блок составляют работы С. М. Биче-оол, А. А. Самдан, М. В. Монгуш, в которых освящается правовое регулирование государственной поддержки тувинцев-тоджинцев (Биче-оол, Самдан, 2012: Электр. ресурс; Монгуш, 2013: Электр. ресурс).

В то же время, несмотря на активное осмысление исследователями специфики этносоциальных, культурных процессов, протекающих в республике, отсутствовали исследования непосредственно самой нормативно-правовой базы в Туве, а также ее трансформации, обусловленной влиянием установок центрального курса или внутренними, региональными причинами.

Актуальность такого подхода в том, что, с одной стороны, с его помощью становится возможным определить собственные ориентиры субъекта, которые не всегда вытекают из установленного федерального курса. В этом смысле локальные правовые акты помогают зафиксировать региональную модель этнонациональной политики, выступая в качестве ее правовой основы. Поскольку их принятие обусловлено необходимостью в правовом регулировании наиболее значимой сферы общественной жизни, то анализ местного законодательства позволяет установить те этносоциальные процессы и проблемные точки в межэтническом сообществе, которые требуют внимания со стороны органов власти.

Этнокультурное возрождение: перегибы на законодательном уровне

Исследование законодательной деятельности субъекта способствует осмыслению того, как в рамках конкретного региона реализуются установки, заданные федеральной властью. Ведь именно они должны лежать в основе этнонациональной политики региона. Следует отметить, что на протяжении развития всего постсоветского общества их реальное влияние на деятельность органов власти на местах существенно менялось. Поэтому, отталкиваясь от центральных ориентиров, на наш взгляд, в правовом регулировании этнонациональной политики в Туве можно выделить три периода. Аналогичное количество этапов отмечает М. М.-Б. Харунова, выстроившая периодизацию процесса возрожде-

ния тувинской национальной культуры в постсоветское время. По ее мнению, в первый период (1980 — начале 1990-х гг.) происходило освобождение от советской системы регулирования этнической культуры, «вспоминание традиций», во второй (начало 1990 — середина 1990-х гг.) придание им официального статуса на уровне власти региона и в третий (середина 1990-х гг. — до сегодняшнего дня) активное развитие национальной культуры, в том числе и при поддержке власти республики (Харунова, 2010: Электр. ресурс). Соглашаясь с данной периодизацией, следует отметить, что поддержка тувинских традиций на законодательном уровне на протяжении всего времени являлась неоднородной. Проведенный анализ нормативно-правовой базы в период с 1991 по 2016 гг. показал, что в этнонациональной политике Тувы произошла существенная смена ориентиров: от максимального закрепления прав титульного этноса в 1990-е годы до всесторонней поддержкой этнокультурного многообразия, прежде всего, русскоязычного населения.

Первый период (1991–1996 гг.) включает промежуток от распада Советского союза, когда гражданская общность «советской народ» фактически перестала существовать, до принятия стратегического документа Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. уже в новом государстве.

Серьезной проблемой того времени было обострение межнациональных отношений между русскоязычным и тувинским населением республики (см.: Анайбан, 1999). В условиях дестабилизации центральной власти региональная пыталась самостоятельно определить основы межнациональных отношений. Одним из документов, отражающих дух того времени, является «Декларация о государственном суверенитете Советской республики Тува» (1990 г.) (далее — Декларация). Несмотря на то, что в политическом плане в ней отражались некоторые центробежные тенденции, но в правовом четко фиксировалась установка на гармонизацию и стабилизацию межнациональных отношений. В частности, в п. 4 подчеркивалось, что «волеизъявление народа ... о государственном суверенитете недопустимо использовать для разжигания межнациональной розни. Государственный суверенитет ... утверждается в целях согласия, взаимоуважения, братства и единства между гражданами всех национальностей» (Ондар, 2012: Электр. ресурс).

Надо сказать, что подобные декларации о региональном суверенитете принимали почти все автономные республики, не только Тува. Сложная общественно-политическая обстановка, царившая после распада Советского союза, дезориентировала местные власти. Законодательная деятельность в условиях неопределенности нередко приводила к крайностям. По воспоминаниям одного из авторов Декларации Ч.-Д. Б. Ондара, в Туве даже местный сельский совет пытался установить суверенитет (там же).

Идеи Декларации получили свое развитие в Конституции Республики Тувы от 12 мая 1993 г. Причем не все ее положения соответствовали федеральному законодательству. Всего эксперты в ней насчитали 26 статей, противоречащих законам страны. Справедливости ради надо сказать, что региональную Конституцию приняли на два месяца раньше, чем Конституцию России. Возможно, в некоторой степени это послужило причиной того, что некоторые ее положения не согласовывались с единым правовым пространством. С другой стороны, как такового пространства в кризисный период не было сформировано. Данная ситуация являлась реальным отражением жизни российского общества, когда возможности федеральных органов власти по координации конституционных процессов в субъектах по обеспечению общефедеральных интересов были крайне ограничены (Бурукей, Ондар, 2014). В последующем местный парламент внес около 60 поправок (Кан-оол Даваа: ... , 2013: Электр. ресурс), в частности, были исключены положения о праве на самоопределения и выходе из состава России путем всенародного референдума Республики Тыва.

Несмотря на противоречивый характер данного документа, в нем были заложены основные цели, задачи и механизмы реализации региональной этнонациональной политики. Прежде всего, Конституция РТ содержала важные *запрещающие* нормы, призванные стабилизировать межнациональную обстановку. Говорилось, что республика отвергает войну как средство разрешения споров между народами (ст. 3), запрещает деятельность, направленную на разжигание национальной вражды, (ст. 10). Также в ней устанавливался целый ряд *гарантирующих* норм. Это гарантия социальной защиты независимо от национальностей (ст. 23), равенство прав и свобод независимо от прав и языка, право определять свою национальность и гражданство (ст. 30), гарантия равных возможностей для сохранения и развития языков всех народов (ст. 33). В этой же статье государственным языком провозглашался тувинский язык, а русский — языком общефедеральным и гарантировалось их равноправное употребление во всех сферах (Конституция Тувы ... , Электр. ресурс). Надо сказать, что впервые тувинский язык объявлялся в таком статусе не в Конституции, а ранее принятом Законе Тувинской АССР «О языках» 1990 г. (Тувинская АССР от 14 декабря... , Электр. ресурс). По оценкам специалистов, данный закон декларировал практически полное равенство тувинского и русского языков, в том числе и необходимость двуязычного дублирования всей публичной информации на территории республики с подробными указаниями, как должны быть расположены тексты на тувинском (слева или сверху) и русском (справа или снизу) языке (Катунин, 2009: 20).

Большое значение в Тыве придавалось возрождению и защите национальной культуры. Помимо норм, касающихся удовлетворения языковых и культурных потребностей граждан, закреплялось обязательство региональной власти законодательно регулировать сферу национальных отношений, а субъектом прав

признавались все народы республики. Так, ст. 27 Конституции гласит: «Республика Тыва... предоставляет всем народам равные политические, экономические, социальные, этнические и культурные права; создает условия для сохранения их национальной и культурной самобытности, разрабатывает с этой целью законодательные акты».

В концептуальном плане главным ориентиром того периода являлась попытка законодательно закрепить региональную гражданскую идентичность всех проживающих на территории региона. Так, ст. 5 гласила: «граждане республики всех национальностей составляют *народ* Республики Тыва». Другими словами, провозглашалась надэтническая общность — народ республики. Эта норма подкреплялась отдельной статьей, в которой устанавливалось двойное гражданство: тувинское одновременно с российским (что противоречило федеральной Конституции). В ней указывалось, что приобретение тувинского гражданства зависит от демографического положения тувинцев в целях обеспечения их преобладания и защиты культурного и духовного наследия. Тувинцы, проживающие за рубежом, имели преимущественное право в приобретении такого гражданства (ст. 31).

Возможно, в настоящее время данные нормы могут показаться излишне жесткими и даже носящими дискриминационный характер. Однако современное их прочтение требует учета той общественно-политической ситуации, в которой они писались и принимались. А поэтому признать их полностью ошибочными, на наш взгляд, неправомерно. Во всяком случае, они ясно отражают стремление тувинского народа к существенным переменам в этнонациональной политике в 1990-х гг., высокую степень национального самосознания, готовность выступить центрообразующей (определяющей государственно-правовой статус региона) социокультурной общностью, рядом с которой развивались бы другие. К сожалению, декларируемая поддержка представителей иных этнокультурных групп сопровождалась резким ухудшением межнационального климата в республике. И определенную роль в этом сыграла законодательная установка, закрепляющая доминирующее положение тувинской общности над другими.

В дальнейшем по результатам республиканского референдума 2010 г. из Конституции РТ была полностью исключена статья, устанавливающая двойное гражданство, а также серьезной трансформации подверглись другие нормы. По сути, населением республики была принята новая Конституция, полностью приведенная в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством. Государственными языками признавались русский и тувинский. По оценкам экспертов, она в достаточной степени учитывает национальный фактор, особенности исторического развития, уклад жизни, традиции, быт и культуру тувинского народа. В частности, Конституция республики ввела традиционную структуру местного самоуправления *кожуунов*, *городов* (Бурукей, Ондар, 2014).

Из других значимых документов первого периода надо отметить законы, принятые в 1995 г.: «О племенном животноводстве» (О племенном животноводстве ... , Электр. ресурс), «Об аратском (крестьянском) хозяйстве» (Об аратском (крестьянском) хозяйстве... , Электр. ресурс), «О культуре» (О культуре ... , Электр. ресурс), «О праве граждан на объединение» (О праве граждан на объединение ... , Электр. ресурс), «О свободе совести и религиозных объединениях» (О свободе совести и религиозных организациях ... , Электр. ресурс).

Важно также упомянуть закон «О защите прав национальных меньшинств» (1996 г.), в котором, согласно ст.3, «национальным меньшинством признаются граждане Республики Тыва, проживающие на территории Республики Тыва и отличающиеся от тувинского и русского населения этнически, языком, самобытной культурой, объединяемые общим самоназванием и единым национальным самосознанием» (Закон Республики Тыва от 24 декабря ... , Электр. ресурс). Данный закон закрепляет широкий спектр прав национальных меньшинств: получение и распространение информации на родном языке, создание своих средств массовой информации, обеспечение периодической трансляции национальных программ государственным радио и телевидением, создание и поддержание собственных образовательных, научных и культурных организаций и т. д. Большое значение в настоящее время имеет закон «Об именах, отчествах и фамилиях граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва» (1996 г.), регулирующий вопросы, связанные с национальными именами и фамилиями (Об именах, отчествах и фамилиях граждан ... , Электр. ресурс).

Отдельного внимания заслуживает вопрос правового регулирования прав тувинцев-тоджинцев. В 1992 г. для оленеводов Тоджи случилось знаковое событие — их включили в Ассоциацию оленеводов России. А 16 мая 1994 г. Указом Президента Российской Федерации № 945 пять сумонов Тоджинского кожууна были отнесены к территориям проживания коренных малочисленных народов Севера. Произошло официальное «отделение» тувинцев-тоджинцев от остальной части тувинской этнокультурной общности. Так, они путем получения статуса малочисленного коренного народа вошли в российское правовое пространство защиты и поддержки традиционного образа жизни.

В июне 1995 г. Президентом Республики Тыва был принят указ «О мерах по развитию оленеводства в республике» (см.: Монгуш, 2013: Электр. ресурс). В нем признавалось, что поголовье оленей являются их коллективной собственностью, и приватизации не подлежит. Общинам временно в течение трех лет запрещалось сдавать оленей государству, забивать их на внутривладельческие нужды и выдавать в качестве натуральной оплаты (Монгуш, 2013: Электр. ресурс).

Итак, в первый период, когда главная установка в этнонациональной политике по формированию и развитию общности «советского народа» в начале 1990-х гг. фактически перестала существовать, государство только приступало к

разработке новых основ в сфере национальных отношений. Поэтому регионы, в особенности республики, исходили из значимости утверждения максимальных прав для народа, давшего название субъекту. В Туве в центре внимания был титульный народ, его развитие в политической, культурной сферах. Прослеживалась тенденция не просто к этнокультурному возрождению, а стремление на законодательном уровне создать необходимые условия для поддержки и развития, прежде всего, тувинского народа. Также данный период можно считать самым плодотворным с точки зрения принятия республиканских законов в области этнонациональной политики.

Концепция государственной национальной политики Тувы

Второй период (1996–2013 гг.) характеризуется утверждением концептуальных основ этнонациональной политики на государственном уровне. Важным событием стало принятие в 1996 г. стратегического документа, в котором в системном виде излагался взвешенный взгляд на национальный вопрос — Концепции государственной политики Российской Федерации. Ее главная миссия заключалась в обеспечении единства и целостности российского государства, а также предотвращение сепаратистских настроений.

В 1998 г. в Туве приняли местную Концепцию государственной национальной политики, в которой отражалось видение соответствующей политики в рамках заданного курса на региональном уровне. Значение этого документа трудно переоценить. Хотя в настоящий момент он не является действующим, но до сих пор является единственным в области этнонациональных отношений, в котором позиция региональной власти изложена концептуально и с учетом специфики этносоциальной ситуации. Рассмотрим основные ее положения, которые развивали идеи федеральной концепции и выделим те, которые являлись самостоятельными.

Прежде всего, общим является то, что в обоих документах указывается на ошибки и недочеты национальной политики советского периода. В федеральной концепции признается, что *«проводился курс на унификацию, заложивший основу нынешних противоречий»* (Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Тыва ... , Электр. ресурс; курсив источника. — И. Т.). Республиканский документ к наиболее значимым негативным последствиям относит — ущемление прав верующих, просчеты в расстановке руководящих кадров, социальную несправедливость по отношению к титульной нации, принижение роли национальной культуры и т. д. Все это, по мнению авторов концепции, привело к обострению межнациональных конфликтов и оживлению националистических, сепаратистских настроений в Туве.

Интересно отметить, что цели этнонациональной политики в обоих стратегических документах значительно различались. Для федеральной концепции на первом месте стоит развитие всех народов, упрочнение гражданской общно-

сти, признание высшей ценностью человека и гражданина. В региональной же главная цель заключалась в развитии человека вне зависимости от национальности при органическом сочетании в нем национальных и интернациональных интересов. Приведем текст из республиканского документа: «Основной целью государственной национальной политики Республики Тыва является создание эффективных политических, экономических, правовых усилий и механизмов, обеспечивающих органическое сочетание национальных и общечеловеческих, интернациональных интересов и ценностей, таких условий, при которых человек с его потребностями и интересами независимо от национальности стал бы целью общественного развития» (там же).

По сути, транслируются совершенно разные установки государственной власти в концептуальном и методологическом планах. В первом варианте этнические общности и их этнокультурное развитие признаются в качестве важной ценности, а во втором они не упоминаются и акцент делается на реализации прав и возможностей индивида. Возможно, на региональную установку оказало влияние мирового тренда на индивидуальные права человека, который в то время пользовался сверпопулярностью.

Что касается статуса доминирующей этнической общности, то здесь также наблюдается различное толкование. Если в федеральной концепции фиксируется статус русского народа как определяющего характер межнациональных отношений и объединяющего все многообразие различных народов, то в региональном документе этот вопрос решается более оригинально. Роль и положение тувинской общности главным образом отражается в трех ключевых идеях: двойное положение, ведущая и ответственная роль. Начнем с первой. *«Тувинский этнос... составляет большинство ее населения, хотя по российской и мировой классификации он относится к группе малочисленных народов. Отсюда его двойное положение. С одной стороны, тувинская нация как преобладающая по численности, более внимательно и заботливо должна относиться к проблемам и судьбам других народов... С другой стороны — тувинцы как малочисленный народ, и Тува как экономически самый депрессивный субъект..., имеют право на инициативу и заинтересованность в постановке и решении проблем социально-экономического, культурного и языкового развития, духовного возрождения коренного населения. Это вовсе не означает, что вопросы развития представителей других народов отойдут на второй план»* (Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Тыва ... , Электр. ресурс; курсив и выделение источника. — И. Т.).

Идея двойного положения, по задумке авторов республиканской концепции, заключается в том, что тот народ, который находится в численном меньшинстве, является более уязвимым. А потому обязанность более многочисленного — взять на себя ответственность за его благополучие. Тувинский народ в данном случае выступает сразу в двух ипостасях. В масштабах государства тувин-

цы являются «нуждающимся» в защите и поддержке русских как более слабая, малочисленная сторона. В пределах же республики тувинцы выступают в качестве сильного, многочисленного этноса и обязаны всесторонне заботиться об их всестороннем развитии. На наш взгляд, эта своеобразная формула межнациональных отношений является как бы диалектическим продолжением идеи «старшего брата».

Относя тувинцев к малочисленным народам, разработчики не указали, какие классификации они имели ввиду. Год спустя после принятия концепции Федеральным законом № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Федеральный закон от 30.04.1999 ... , Электр. ресурс) установлен количественный критерий отнесения какого-либо народа к категории малочисленный, он составлял менее 50 тысяч человек. Согласно переписи 1989 г., численность тувинцев превосходила данный порог в четыре раза: более 206 тыс. человек. Поэтому ясно, что по формальным показателям они не могли быть признаны таковыми. Однако сам факт такого позиционирования как внутреннее самоощущение этносоциальной общности, говорит о том, что данный народ нуждается в поддержке и содействии в решении проблем, с которыми сталкивается.

Далее, ведущая роль тувинской общности фиксировалась вполне конкретным образом: *«От материального благополучия и культурно-духовного уровня развития тувинского этноса будет зависеть социальное самочувствие других народов, живущих в Туве. Чем лучше будет жить коренное население, тем лучше будет жить и другие народы»* (Об утверждении концепции государственной ... , Электр. ресурс; выделение и курсив источника - И. Т.). При этом подчеркивалось, что такое положение тувинского этноса *«не дает ему повода для выпячивания своей национальной исключительности, стремления к ограниченности и замкнутости. Как не бывает совершенно изолированных экономик и культур, так развитие тувинской нации так или иначе будет проходить в общем русле интеграционных процессов в России и мире»* (там же; курсив источника. — И. Т.).

Отметим, что по сравнению с установками, заложенными в первом варианте Конституции РТ 1993 г. наблюдается более равностный подход к другим общностям. В тексте концепции многократно осуждаются националистические настроения. Провозглашается, что тувинский народ несет главную ответственность за общее благополучие в регионе. Исходя из такого контекста, его ведущая роль выглядит вполне обосновано и оправданно.

Наконец, общим в обеих концепциях является надежда на дальнейшее совершенствование системы федеративных отношений. В частности, в региональном документе провозглашалась следующая позиция республики: за укрепление конституционного и договорного федерализма; против понижения государственно-правового статуса республик до статуса губернии или

национально-культурной автономии; за разумный баланс интересов и полномочий как центра, так и субъектов; унитаризм и командно-административный диктат Центра должны бесповоротно уйти из жизни общества и т. д. Кроме того, отдельным пунктом закреплялось намерение создать научно-экспертный Совет при Президенте Республики Тыва по вопросам развития российского федерализма и межнациональных отношений.

Что касается республиканского законодательства, то в данный период правовая база, касающаяся регулирования этнонациональной политики, существенно обогатилась. Большие изменения коснулись языковой сферы. В принятом законе «О языках» (2003 г.) русский язык также обладает статусом языка межнационального общения, и оба языка объявляются государственными (Тувинская АССР от 14 декабря 1990 г. № 96 ..., Электр. ресурс). По оценкам специалистов, если прошлый закон от 1990 г. декларировал почти полное двуязычие, то в данном варианте модальность долженствования сменилась на модальность возможности, а написание наименований можно производить либо на русском, либо на русском и тувинском (Катунин, 2009: 21–22).

В 2012 г. внесены изменения в закон, существенно расширяющие сферу применения языка титульной нации. В частности, снова закрепились требования к двуязычию: все географические названия и дорожные указатели должны дублироваться на тувинском языке. За исполнением данной нормы предписано следить региональному Министерству культуры, образования и науки. Также законодательно утвердился механизм реализации изучения тувинского языка с детских дошкольных учреждений (В Туве расширяют сферы ..., 2012: Электр. ресурс).

Принципиальное значение имеют законы, регулирующие культурную сферу. Это закон «Об охране нематериального культурного наследия» (2013 г.), согласно которому предполагается создание каталога объектов нематериального культурного наследия, защищаемого данным законом (Об охране нематериального культурного наследия ..., Электр. ресурс). Также закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия народов Республики Тывы» (2013 г.) (там же).

Что касается прав коренных малочисленных народов, то федеральная концепция содержала не просто декларативные положения, а предлагала конкретные механизмы по реализации правовой защиты данных этнокультурных общностей. Например, отмечалось, что «необходимо законодательное отражение особенностей бюджетной системы, приватизации, налогообложения, предпринимательской деятельности, участия иностранных инвесторов в освоении природных ресурсов, традиционного использования промысловых угодий и пастбищ, охраны окружающей среды» (Об утверждении Концепции государственной национальной политики ..., Электр. ресурс).

Во второй период были приняты следующие важные федеральные законы: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 г.).

На региональном уровне в законодательном плане также была проделана большая работа по обеспечении государственной защиты тувинцев-тоджинцев. Во-первых, разработана республиканская программа «Социально-экономическое развитие Тоджинского кожууна на 2002–2010 гг.» (2001 г.) (см.: Биче-оол, Самдан, 2012: Электр. ресурс). Планировалось кардинально улучшить жизнеобеспечение оленеводческого населения, однако из-за уменьшения объемов финансирования со стороны государства некоторые мероприятия так и не были проведены (Биче-оол, Самдан, 2012: Электр. ресурс). Во-вторых, принят закон «О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев» (2004 г.) (О родовой общине коренного малочисленного народа ... , Электр. ресурс), согласно которому несколько общин могут объединяться в союзы и иметь преимущественное право на территории традиционного природопользования. По мнению М. В. Монгуш, именно данный республиканский закон решал главную проблему тувинцев-тоджинцев — установление и обеспечение государственной защиты исконной среды обитания. Благодаря ему была создана Ассоциация общин тувинцев-тоджинцев «Тос Чадыр», в которой состояло около 1100 индивидуальных членов и пять родовых общин — «Сыстыг-Хем», «Улуг-Даг», «Одуген», «Хам-Сара», «Тере-Хол» (Монгуш, 2013: Электр. ресурс). В настоящее время принят новый закон «О порядке и сроках направления общиной коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев сообщения об изменении в Устав, о решении о ликвидации или самороспуске» (2011), который отменяет прежний (О порядке и сроках направления общиной коренного ... , Электр. ресурс).

К сожалению, на региональном законодательном уровне никак не отразился высокий статус национально-культурной автономии — объединению граждан, относящих себя к определенной этнической общности. На тот момент, согласно федеральной концепции, она провозглашалась важным средством реализации национальной политики. Согласно исследованию, проведенному В. С. Кан, только к 2014 г. в Туве было зарегистрировано всего две национально-культурные автономии — армян и азербайджанцев (Кан, 2014: Электр. ресурс).

Итак, главной отличительной особенностью второго периода является реализация этнонациональной политики в рамках единого правового пространства, но с учетом специфики этносоциальной ситуации в регионе. Надо отдать должное федеральной концепции, в которой предусматривалось активное участие регионов в построении соответствующей политики на местах. Достаточно

сказать, что в ней был специальный параграф «Основные направления региональных программ государственной национальной политики». Отсюда возможность региональным властям более смело заявлять свою позицию по самым различным вопросам. Яркий пример тому — Концепция национальной политики в Туве. Несмотря на некоторые неточности в правовом и терминологическом планах, в ней и в других нормативно-правовых актах отражались четкие политические установки. По-прежнему, в центре внимания стоит сохранение и всестороннее развитие титульного этноса. Однако теперь его положение законодательно уравнено с другими этнокультурными общностями республики. Особая надежда возлагается на совершенствование системы федеративных отношений как одного из механизмов реализации этнонациональной политики.

Стоит отметить, что законодательные документы второго периода в значительной степени отражают собственные региональные ориентиры, не заданные рамками федерального курса. На наш взгляд, такая ситуация заслуживает позитивной оценки, поскольку позволяет региональной власти проводить гибкую политику, соответствующую особенностям конкретного сообщества.

Сохранение этнокультурного многообразия в республике

Третий период (2013–2016 гг.) ведет отсчет с принятия Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (декабрь 2012 г.), главной целью которой является укрепление гражданской идентичности, сохранение этнокультурного многообразия, гармонизация межэтнических отношений, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, адаптация мигрантов (Стратегия государственной ... , 2012: Электр. ресурс). На региональном уровне в настоящее время действует республиканская государственная программа «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014–2016 годы» (2013 г.) с общим финансированием 24453,23 тыс. руб. (Об утверждении государственной программы Республики Тыва ... , Электр. ресурс). Ее цель — укрепление единства многонационального народа Российской Федерации, то есть российской нации.

Анализ основных положений программы и других документов позволил выделить актуальное для региона приоритетное направление, нацеленное на решение локальных проблем. Это сохранение и развитие этнокультурного многообразия в республике, в частности, поддержка русского языка и русского населения. Обоснования для данного вывода следующие.

Во-первых, в программе всесторонне раскрывается характер и степень этнокультурного многообразия, представленного в республике. Так, в отличие от региональной концепции 1998 г., где указывалось количество этнических групп в целом, в программе приводятся подробные данные по количеству представителей всех этнических общностей. Даже если их численность от общего количества

жителей не превышает одного процента. Например, немцы — 0,03%, татары — 0,12%, узбеки — 0,08%, украинцы — 0,16% и т. д. Кстати, к настоящему времени это соотношение изменилось: тувинцы составляют 82,04%, а русское население сократилось почти в два раза — 16,27% (согласно данным, приведенным в Программе) (Постановление Правительства Республики Тыва ... , Электр. ресурс).

Далее, в программе приводится полный перечень всех зарегистрированных национальных общественных организаций, действующих в республике. Это: национально-культурная автономия азербайджанцев, «Центр немецкой культуры», «Мир тувинцев», ассоциация коренного малочисленного народа Севера тувинцев-тоджинцев «Тос Чадыр», Верхне-Енисейское окружное казачье общество. Кроме этого, список всех незарегистрированных национальных организаций и диаспор с указанием численности их членов. Так, из текста программы становится известно, что киргизский культурный центр «Манас-Ата» состоит из 3500 чел., армянский центр «Арарат» из 650 чел., корейский общественный центр из 500 чел., бурятское землячество «Байкал» из 400 чел., монгольская диаспора из 100 чел.

Среди основных направлений деятельности, заявленных в документе, преобладают те, которые нацелены на поддержание этнокультурного многообразия в регионе. Например, необходимость знания всеми гражданами русского языка как государственного языка, культурное развитие народов, расширение сети национальных обществ, просвещение граждан в сфере культурного многообразия, совершенствование механизмов регулирования взаимоотношений между нациями и национальными группами и т. д.

Другими словами, сам текст программы логически выстроен таким образом, чтобы максимально продемонстрировать значимость и фактическое присутствие различных этнических общностей на территории республики.

Во-вторых, в регионе действительно проводится специальная политика, направленная на поддержание этнокультурного многообразия. В особенности это касается русского населения, численность которого в настоящее время существенно сократилась. Так, по инициативе Главы региона в 2008 г. создано государственное автономное учреждение «Центр русской культуры», в 2016 г. — «Фонд по сохранению и развитию русской культуры и традиций».

Отток русского населения существенно отразился на полноценном функционировании русского языка. Так, Председатель Правительства республики Шолбан Кара-оол официально заявил: «Не секрет, что сегодня именно из-за неважного, прямо скажем, владения русским наши ребяташки очень часто проваливаются при поступлении в вузы или отсеиваются на начальных курсах, и эта проблема давно переросла масштаб их личной трагедии. Она уже давно и очень больно бьет по всей республике...» (В Тыве в Год русского языка ... , 2014: Электр. ресурс).

Правительством республики в 2013 г. принята государственная программа «Развитие русского языка на 2013–2018 гг.» с общим объемом финансирования 113866,50 тыс. рублей (Постановление Правительства Республики Тыва ... , Электр. ресурс). 2014 г. здесь был объявлен Годом русского языка. К обучению русскому языку в сельские школы призываются учителей русского языка и литературы из числа носителей этого языка, для которых он является родным. Также при Министерстве образования и науки Республики Тыва в рамках Института развития национальной школы создана лаборатория проблем преподавания русского языка, введена должность инспектора по русскому языку в ранге заместителя министра образования и науки, в задачу которого входит вывести знание государственного языка жителями республики на качественно новый уровень. В частности, по инициативе инспектора Е. Хардиковой был инициирован ряд широкомасштабных проектов. В 2015 г. в селах республики стартовал проект «Среда — день русского языка», согласно которому в этот день все публичные мероприятия проводятся исключительно на русском языке. Суть проекта заключается в том, чтобы постепенно вернуть русский язык в повседневный оборот там, где его использование сведено до минимума и ограничивается сферой официального документооборота или деловой переписки (В селах Тувы будут еженедельно ..., Электр. ресурс). В 2016 г. был проведен интернет-конкурс «Тува читает русских классиков», который охватил собой широкую аудиторию: от известных людей Тувы до врачей, учителей и других государственных служащих, а также школьников, студентов, воспитанников детских садов. Всего на конкурс было отправлено более 200 видеороликов, в которых люди читают стихотворения русских классиков (В Кызыле чествовали ..., 2016: Электр. ресурс).

Правительством республики проведены такие крупные мероприятия как республиканского значения — общественный форум «Тува говорит по-русски» (2014), первый съезд учителей русского языка (2015) и литературы и другие. В целях поддержания этнокультурного многообразия народов республики, а также развитию туризма 2016 г. объявлен Годом тувинского гостеприимства.

Законодательная поддержка тувинской культуры сегодня

В целом, можно говорить, что в этнонациональной политике в Туве сформировалось целое направление по поддержанию этнокультурного многообразия в республике. В то же время на республиканском и федеральном уровне действует ряд нормативно-правовых актов, нацеленных на развитие тувинской традиционной культуры. Так, в 2015 г. Указом Главы региона 1 ноября объявлен Днем тувинского языка (Указ Главы Республики Тыва «О дне тувинского языка»..., Электр. ресурс), а другим Указом 17 августа провозглашается днем горлового пения — хоомей (Об установлении Дня хоомея в Республике Тыва ..., Электр. ресурс).

Также предусмотрены специальные льготы для профессиональных исполнителей горлового пения. Поскольку научно доказано, что длительное и многократное его воспроизведение неблагоприятно воздействует на организм артиста. Приказом Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 № 251н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» была внесена в Единый квалификационный справочник должность «артист горлового пения (хоомейжи)». Это служило основанием для досрочного выхода на пенсию, согласно ст. 21 Федерального закона от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование государственной поддержки чабанов-тысячников — животноводов, успешно ведущих традиционные хозяйства. Постановлением Правительства РТ от 15 сентября 2010 года № 375 «О мерах по государственной поддержке чабанов, имеющих 1000 и более голов мелкого рогатого скота» утверждены особые льготы, направленные на поддержание высокого уровня жизни данной категории населения за счет средств республиканского бюджета (О мерах по государственной поддержке чабанов ... , Электр. ресурс). Согласно этому документу, чабаны-тысячники имеют право на первоочередный прием к руководителям органов исполнительной власти, бесплатную путевку в санаторно-курортные учреждения региона, бесплатный проезд к месту отдыха и обратно, первоочередное медицинское обслуживание, и направление на высокотехнологичное лечение в лечебных учреждениях других регионов. Значительную часть чабанов-тысячников составляют люди пожилого возраста, поэтому поддержка их здоровья имеет немаловажное значение. Также их детям предоставляется приоритетное право на получение среднего и высшего образования по сельскохозяйственной специальности. Правительством республики ведется государственный реестр чабанов-тысячников, а также оформляются и выдаются специальные удостоверения с надписью «Удостоверения чабана-тысячника», служащие документом, подтверждающим право на получение мер государственной поддержки. Создана соответствующая комиссия — коллегиальный орган, ежегодно рассматривающий вопросы о подтверждении звания и включения новых граждан в реестр чабанов-тысячников. По официальным данным, в 2011 г. реестр тысячников включал в себя 42 чабана, в 2013 г. — уже 50 чел. В 2012–2013 гг. по путевкам Минсельхозпрода, выделившего на эти цели 384 тыс. руб., 24 чабана смогли отдохнуть и пройти курс оздоровления в республиканском санатории-профилактории (В Туве количество чабанов-тысячников ... , 2014: Электр. ресурс).

Заключение

Проведенный анализ нормативно-правовой базы этнонациональной политики Тувы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, с 1990 по 2016 гг. ориентиры претерпели существенные изменения: от максимального закрепления прав титульного этноса до правовой защиты и всесторонней поддержки этнокультурного многообразия в регионе, прежде всего, русскоязычного населения. Во-вторых, в региональной практике для регулирования вопросов, связанных с развитием этнических общностей, широко применяется законотворчество.

В настоящий момент на территории республики действуют более десяти соответствующих законов, а также ряд постановлений правительства, указов главы региона, целевых программ. Это свидетельствует о том, что местные органы власти высоко оценивают значимость этнической культуры и межнациональных отношений в локальном сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.

Балакина, Г.Ф., Анайбан, З. В. (2015) Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социологические исследования. № 8. С. 93–99.

Биче-оол, С. М., Самдан, А. А. (2012) Современное состояние оленеводства в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4492-biche-oolsamdan.html (дата обращения: 05.04.2016).

Бурукей, А. В., Ондар, Н. А. (2014) Юридические коллизии в свете государственного строительства на современном этапе (на примере Республики Тыва) [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 20. URL: <https://e-koncept.ru/2014/54697.htm> (дата обращения: 05.04.2016).

В Кызыле чествовали победителей интернет-конкурса «Тува читает русских классиков» (2016) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 12 февраля. URL: http://rtyva.ru/press_center/news/society/22647/ (дата обращения: 18.04.2016).

В селах Тувы будут еженедельно проводить День русского языка (2015) [Электронный ресурс] // Newslab.ru. Интернет-газета. 20 ноября. URL: <http://newslab.ru/news/686429> (дата обращения: 18.04.2016).

В Туве в Год русского языка родились инициативы, достойные предложения

— Шолбан Кара-оол (2014) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 28 ноября. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/11607/ (дата обращения: 04.04.2016).

В Тыве количество чабанов-тысячников увеличивается за счет молодых животноводов (2014) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 4 февраля. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/agriculture/6763/ (дата обращения: 04.04.2016).

В Тыве расширяют сферы официального применения тувинского языка (2012) [Электронный ресурс] // Сетевое информационное агентство «Тува-Онлайн». 18 сентября. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2012/09/18/v-tuve-rasshiryayut-sfery-oficialnogo-primeneniya-tuvinskogo-yazyka.html> (дата обращения: 04.04.2016).

Закон Республики Тыва от 24 декабря 1996 г. № 705 «О защите прав национальных меньшинств» [Электронный ресурс] // Финансово-правовое агентство. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/tiva/zakon-respubliki-tiva-ot-24-dekabrya-1996-g-n-705-o-zaschite-prav-natsionalnich-menshinstv-prinyat-verchovnim-churalom-24-dekabrya-1996-g/> (дата обращения: 20.04.2016).

Кан, В. (2014) Национально-культурные автономии: почему так важна регистрация [Электронный ресурс] // Плюс Информ (газета). 17 февраля. URL: <http://plusinform.ru/most/5426-nacionalnokulturnye-avtonomii-pochemu-tak-vazhna-registraciya.html> (дата обращения: 20.04.2016).

Кан-оол Даваа: Конституция Тувы 1993 г. реорганизовала систему государственной власти республики (2013) [Электронный ресурс] // Сетевое информационное агентство «Тува-Онлайн». 21 октября. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2013/10/21/kan-ool-davaa-konstituciya-1993-goda-reorganizovala-sistemu-gosudarstvennoy-vlasti-respubliki.html> (дата обращения: 04.04.2016).

Катунин, Д. А. (2009) Языковое законодательство в республиках Сибири // Язык и культура. № 4 (8). С. 13–23.

Конституция Тувы от 12 октября 1993 г. (текущая редакция по состоянию на 10 июня 1996 года) [Электронный ресурс] // Предпринимательское право. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_65634.html (дата обращения: 04.04.2016).

Кужугет, А. К. (2010) Тувинцы и русские в контексте изучения чувства национального достоинства (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2121-kujuget.html (дата обращения: 04.04.2016).

Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М.: Восход-А. 500 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Издательский дом «Либроком». 272 с.

Монгуш, М. В. (2013) О двух экспедициях в Тоджу // Новые исследования Тувы. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_17/5968-mongush.html (дата обращения: 04.04.2016).

О культуре (с изменениями на: 10.03.2016). Закон Республики Тыва от 03 апреля 1995 года № 261 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802048824> (дата обращения: 20.04.2016).

О мерах по государственной поддержке чабанов, имеющих 1000 и более голов мелкого рогатого скота. Правительство Республики Тыва. Постановление от 15 сентября 2010 года № 375 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701801> (дата обращения: 04.04.2016).

О племенном животноводстве. Закон Республики Тыва от 26 декабря 1995 года № 452 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802050726> (дата обращения: 20.04.2016).

О порядке и сроках направления общиной коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев сообщения об изменении в Устав, о решении о ликвидации или самороспуске. Закон Республики Тыва от 10 июня 2011 года № 678 ВХ-I [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453102250> (дата обращения: 20.04.2016).

О праве граждан на объединение. Закон Республики Тыва от 04.05.1995 № 252 [Электронный ресурс] // Информационный портал Республики Тыва. URL: <http://tuva.regnews.org/doc/aq/xl.htm> (дата обращения: 20.04.2016).

О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев. Закон Республики Тыва от 06 июля 2004 года № 802 ВХ-I [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802052442> (дата обращения: 20.04.2016).

О свободе совести и религиозных организациях (с изменениями на: 06.11.2015). Закон Республики Тыва от 01 апреля 1995 года № 253 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802048821> (дата обращения: 20.04.2016).

Об обратском (крестьянском) хозяйстве. Закон Республики Тыва от 06 июля 1995 года № 355 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701732> (дата обращения: 20.04.2016).

Об именах, отчествах и фамилиях граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва. Закон Республики Тыва от 20 февраля 1996 года № 496 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802048652> (дата обращения: 20.04.2016).

Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва. Закон Республики Тыва от 17 января 2013 года № 1770 ВХ-I [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453363273> (дата обращения: 20.04.2016).

Об установлении Дня хоомея в Республике Тыва. Указ Главы РТ от 12.08.2015 № 133 [Электронный ресурс] // Информационный портал Республики Тыва. URL: <http://tuva.regnews.org/doc/mq/07.htm> (дата обращения: 04.04.2016).

Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014–2016 годы» (с изменениями на: 16.05.2014) [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430502436> (дата обращения: 04.04.2016).

Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Тыва. Президент Республики Тыва. Указ от 22 апреля 1998 года № 217 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701133> (дата обращения: 04.05.2016).

Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 19.12.2012 № 1666). Указ Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9018776> (дата обращения: 04.04.2016).

Ондар, Ч.-Д. Б. (2012) Принятие Декларации о государственном суверенитете Советской Республики Тува [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4816-ondar.html (дата обращения: 04.04.2016).

Постановление Правительства Республики Тыва от 18 октября 2013 г. № 608 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие Русского языка на 2014–2018 годы”» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/28718264/> (дата обращения: 04.04.2016).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/>

bank/36512 (дата обращения: 04.05.2016).

Тувинская АССР от 14 декабря 1990 г. № 96 «О языках в Тувинской АССР» (1990) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Право.ru». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/14459985/10831101/> (дата обращения: 04.04.2016).

Указ Главы Республики Тыва «О дне тувинского языка» (2016) [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 18 января. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/22243/ (дата обращения: 04.04.2016).

Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (дата обращения: 04.05.2016).

Харунова, М. М.-Б. (2010) Проблемы возрождения национальной культуры в Туве в постсоветский период [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1722-harunova.html (дата обращения: 04.05.2016).

Дата поступления: 30.04.2016 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovani)*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 336 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2015) *Dinamika mezhetnicheskikh otnoshenii i etnicheskikh stereotipov v Respublike Tyva. Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 8, pp. 93-99. (In Russ.).

Biche-ool, S. M. and Samdan, A. A. (2012) *Sovremennoe sostoianie olenevodstva v Respublike Tyva. Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4492-biche-oolsamdan.html (access date: 05.04.2016). (In Russ.).

Burukei, A. V. and Ondar, N. A. (2014) *Iuridicheskie kollizii v svete gosudarstvennogo stroitel'stva na sovremennom etape (na primere Respubliki Tyva). Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»*, vol. 20 [online] Available at: <http://e-koncept.ru/2014/54697.htm> (access date: 05.04.2016). (In Russ.).

V Kyzyle chestvovali pobeditelei internet-konkursa «Tuva chitaet russkikh klassikov» (2016). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 12 February [online] Available at: http://rtyva.ru/press_center/news/society/22647/ (access date: 18.04.2016). (In Russ.).

V selakh Tuvy budut ezhenedel'no provodit' Den' russkogo iazyka (2015). *Newsrab.ru*, 20 November [online] Available at: <http://newsrab.ru/news/686429> (access date: 04.05.2016).

18.04.2016). (In Russ.)

V Tuve v God russkogo iazyka rodilis' initsiativy, dostoinye predlozheniia — Sholban Kara-ool (2014). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 28 November [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/education/11607/ (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

V Tuve kolichestvo chabanov-tysiachnikov uvelichivaetsia za schet molodykh zhitovnovodov (2014). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 4 February. [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/agriculture/6763/ (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

V Tuve rasshiriaiut sfery ofitsial'nogo primeneniia tuvinskogo iazyka (2012). *Tuva-Onlain*, 18 September [online] Available at: <http://www.tuvaonline.ru/2012/09/18/v-tuve-rasshiryayut-sfery-ofitsial'nogo-primeneniya-tuvinskogo-yazyka.html> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Zakon Respubliki Tyva ot 24 dekabria 1996 g. no. 705 «O zashchite prav natsional'nykh men'shinstv». *Finansovo-pravovoe agentstvo* [online] Available at: <http://www.fpa.su/regzakon/tiva/zakon-respubliki-tiva-ot-24-dekabrya-1996-g-n-705-o-zaschite-prav-natsionalnich-menshinstv-prinyat-verhovnim-churalom-24-dekabrya-1996-g/> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Tuvinskaia ASSR ot 14 dekabria 1990 g. no. 96 «O iazykakh v Tuvinskoj ASSR» (1990). *Spravochno-pravovaia sistema «Pravo.ru»* [online] Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/14459985/10831101/> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Kan, V. (2014) Natsional'no–kul'turnye avtonomii: pochemu tak vazhna registratsiia. *Plius Inform*, 17 February [online] Available at: <http://plusinform.ru/most/5426-nacionalnokulturnye-avtonomii-pochemu-tak-vazhna-registraciya.html> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Kan-ool Davaa: Konstitutsiia Tuvy 1993 g. reorganizovala sistemu gosudarstvennoi vlasti respubliki (2013). *Tuva-Onlain*, 21 October [online] Available at: <http://www.tuvaonline.ru/2013/10/21/kan-ool-davaa-konstituciya-1993-goda-reorganizovala-sistemu-gosudarstvennoy-vlasti-respubliki.html> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Katunin, D. A. (2009) Iazykovoe zakonodatel'stvo v respublikakh Sibiri. *Iazyk i kul'tura*, no. 4 (8), pp. 13–23. (In Russ.).

Konstitutsiia Tuvy ot 12 oktiabria 1993 g. (tekushchaia redaktsiia po sostoianiiu na 10 iyunia 1996 goda). *Predprinimatel'skoe pravo* [online] Available at: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_65634.html (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2010) Tuvintsy i russkie v kontekste izucheniia chuvstva natsional'nogo dostoinstva (postanovka problemy). *Novye issledovaniia Tuvy*, no.

3 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2121-kujuget.html (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2008) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim*. Moscow, Voskhod-A. 500 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen*. Moscow, Izdatel'skii dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2013) O dvukh ekspeditsiakh v Todzhu. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 1 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_17/5968-mongush.html (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

O kul'ture (s izmeneniami na: 10.03.2016). Zakon Respubliki Tyva ot 03 apreliia 1995 goda no. 261. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802048824> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O merakh po gosudarstvennoi podderzhke chabanov, imeiushchikh 1000 i bolee golov melkogo rogatogo skota. Pravitel'stvo Respubliki Tyva. Postanovlenie ot 15 sentiabria 2010 goda no. 375. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/906701> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

O plemennom zhivotnovodstve. Zakon Respubliki Tyva ot 26 dekabria 1995 goda no. 452. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802050726> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O poriadke i srokakh napravleniia obshchinoi korenного malochislennogo naroda tuvintsev-todzhintsev soobshcheniia ob izmenenii v Ustav, o reshenii o likvidatsii ili samorospuske. Zakon Respubliki Tyva ot 10 iyunia 2011 goda no. 678 VH-I. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/453102250> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O prave grazhdan na ob»edinenie. Zakon Respubliki Tyva ot 04.05.1995 no. 252. *Informatsionnyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: <http://tuva.regnews.org/doc/aq/xl.htm> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O rodovoi obshchine korenного malochislennogo naroda tuvintsev-todzhintsev. Zakon Respubliki Tyva ot 06 iulija 2004 goda no. 802 VH-I. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802052442> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O svobode sovesti i religioznykh organizatsiakh (s izmeneniami na: 06.11.2015). Zakon Respubliki Tyva ot 01 apreliia 1995 goda no. 253. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802048821> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

O iazykakh v Respublike Tyva. Zakon Respubliki Tyva ot 31 dekabria 2003 goda no. 462 VH-1. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802019672> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Ob aratskom (krest'ianskom) khoziaistve. Zakon Respubliki Tyva ot 06 iiulia 1995 goda no. 355. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/906701732> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Ob imenakh, otchestvakh i familiakh grazhdan Rossiiskoi Federatsii, prozhivaiushchikh na territorii Respubliki Tyva. Zakon Respubliki Tyva ot 20 fevralia 1996 goda no. 496. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/802048652> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Ob otneseniі territorii Respubliki Tyva k raionam Krainego Severa i priravnennym k nim mestnostiam. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/9005787> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledii Respubliki Tyva. Zakon Respubliki Tyva ot 17 ianvaria 2013 goda no. 1770 VH-I. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/453363273> (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Ob ustanovlenii Dnia khoomeia v Respublike Tyva. Ukaz Glavy RT ot 12.08.2015 no. 133. *Informatsionnyi portal Respubliki Tyva* [online] Available at: <http://tuva.regnews.org/doc/mq/07.htm> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Respubliki Tyva «Ukreplenie grazhdanskogo edinstva i natsional'no-kul'turnoe razvitie narodov respublik tyva na 2014–2016 gody» (s izmeneniami na: 16.05.2014). *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/430502436> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Ob utverzhdenii kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Respubliki Tyva. Prezident Respubliki Tyva. Ukaz ot 22 apreliia 1998 goda no. 217. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/906701133> (access date: 04.05.2016). (In Russ.).

Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii (utratal silu na osnovanii Ukaza Prezidenta RF ot 19.12.2012 no. 1666). Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. *Pravovoi fond elektronnoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii* [online] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/9018776> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Ondar, Ch.-D. B. (2012) Priniatie Deklaratsii o gosudarstvennom suverenitete Sovetskoii Respubliki Tyva. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4816-ondar.html (access date: 04.04.2016). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tyva ot 18 oktiabria 2013 g. no. 608 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Respubliki Tyva “Razvitie Russkogo iazyka na 2014–2018 gody”» (s izmeneniami i dopolneniami). *Portal «Garant»* [online] Available at: <http://base.garant.ru/28718264/> (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Strategiia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (2012). *Prezident Rossii* [online] Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (access date: 04.05.2016). (In Russ.).

Ukaz Glavy Respubliki Tyva «O dne tuvinskogo iazyka» (2016). *Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva*, 18 January [online] Available at: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/22243/ (access date: 04.04.2016). (In Russ.).

Federal'nyi zakon ot 30.04.1999 no. 82-FZ (red. ot 13.07.2015) «O garantiakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii». *Konsul'tantPlus* [online] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/ (access date: 04.05.2016). (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. (2010) Problemy vozrozhdeniia natsional'noi kul'tury v Tuve v postsovetskii period. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1722-harunova.html (access date: 04.05.2016). (In Russ.).

Submission date: 30.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Тарбастаева И. С. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Tarbastayeva I. S. The legal field of ethnic policy in the Republic of Tyva since 1991. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (accessed: ...).

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы)

Виктория М. Очирова

Бурятский государственный
университет

При изучении российских политических элит многие исследователи уделяют незначительное внимание вопросу социального происхождения, его влияния на кадровые вопросы в органах власти. Данная тема рассматривается в настоящей статье. Раскрывая социально-демографические характеристики политических элит полиэтнических регионов России, основные тенденции их эволюции, автор выделяет в качестве параметра анализа индикатор социального происхождения и приводит данные о его влиянии на процесс формирования элиты и функционирование представителей изучаемой социальной группы. В качестве материала для анализа выступили результаты авторского комплексного исследования политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тувы (2004–2010 гг.).

В советское время у представителей политических элит, в силу идеологических особенностей существовавшей кадровой политики, наблюдалось преимущественно рабоче-крестьянское социальное происхождение. В постсоветский период исследователи фиксировали изменения — доля выходцев из семей рабочих и крестьян среди представителей элиты существенно снизилась. Современные поли-

SOCIAL BACKGROUND AS A TOOL IN SHAPING THE POLITICAL ELITE IN RUSSIA'S MULTI-ETHNIC REGIONS: the cases of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva

Victoria M. Ochirova

Buryat State University

While studying political elites in Russia, many researchers pay little attention to the issue of social background and the impact it has on employment in institutions of power on various levels. This article aims to shed light on this issue.

By examining the social demographics of political elites in Russia's multi-ethnic regions and major trends in their evolution, we argue that social background can be accepted as the key indicator for such analysis. We provide extensive data on how it influences the process of shaping the elites and the work of those who belong to this social group. Our study is based on comprehensive empirical research of political elites we conducted in Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva in 2004-2010.

During the Soviet period, the political elites, due

Очирова Виктория Мункоевна — кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а. Эл. адрес: ochirova.v@yandex.ru

Ochirova Victoria Munkoevna, Candidate of Politology, Doctoral researcher, Department of philosophy, Buryat State University, Postal address: 24a Smolin St., Ulan-Ude, Russian Federation 670000. E-mail: ochirova.v@yandex.ru

тические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва в большинстве своем являются выходцами из среды интеллигенции, служащих и по месту рождения тесно связаны со своими регионами. При этом подавляющая часть представителей республиканских элит родились в селе или деревне.

Для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице, впрочем, как и для советской, характерно применение неформальных механизмов: решающую роль играют социальное происхождение, родство, территориальная общность, отношения личной преданности, покровительства и другие факторы. На данный момент указывают и результаты анкетного опроса представителей политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Исследование автора показало, что на продвижение по службе в республиках большое влияние оказывают такие факторы, как опыт совместной работы с первыми лицами регионов, личная преданность, покровительство, родственные или земляческие связи.

Ключевые слова: политическая элита; полиэтничные регионы; социальное происхождение; Бурятия; Якутия; Тува; личная преданность; земляческие связи

Введение

Интерес к российским политическим элитам, отчетливо проявившийся в постсоветский период, вызвал множество публикаций, посвященных всестороннему изучению федеральных и региональных элит. Наряду с проблемами функционирования представителей данной социальной группы, особенностями их ценностных ориентаций и прочими аспектами, подробному изучению подвергся и социальный портрет политических элит. Однако при его рассмотрении многие исследователи уделяют незначительное внимание вопросу социального происхождения, его влияния на процесс формирования политических элит. Между тем, данный признак, характеризующий связь индивида с той или иной социальной группой, является одним из важных, так как он, на наш взгляд, оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие, становление и поведение личности, а значит, требует большего внимания к себе и, соответственно, более широкого освещения в литературе.

В данной связи автор статьи при изучении социально-демографических характеристик политических элит полиэтничных регионов России, с целью выявления основных тенденций их эволюции в постсоветский период, в качестве параметра анализа выделил индикатор социального происхождения, наряду с полом, возрастом, образованием, этнической принадлежностью и другими.

to the ideology of the cadre policy, were primarily of proletarian or peasant background. In the post-Soviet period, as attested by numerous researchers, the share of people with such backgrounds has significantly decreased. The current elites of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva are largely the descendants of intelligentsia and civil servants and are closely linked by birth to their regions. A large part of these elites were born in the countryside.

The current system of recruitment and promotion of government officials, like the Soviet one, places crucial emphasis on informal selection mechanisms, including such factors as social background, kinship, territorial community, personal loyalty, patronage, etc. This is also indicated by the survey of the members of political elites of the three regions. Our study has shown that career promotion is heavily influenced by the experience of working side-by-side with the region's 'first persons', personal loyalty, patronage, kinship or 'homeboy' networks.

Keywords: political elites; multiethnic regions; social background; Buryatia; Sakha (Yakutia); Tuva; personal loyalty; 'homeboy' network

Комплексное исследование региональных политических элит осуществлено автором в период с 2004 по 2010 гг. В это время были проведены два анкетных опроса: в 2004 г. опрошено 195 представителей политической элиты Республики Бурятия, для анализа отобрано 176 анкет (Очирова, Крянев, 2009); в 2009–2010 гг. опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, для анализа отобрано 576 анкет (Очирова, 2013).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых итогах данного исследования в рамках обозначенной темы.

Социальное происхождение

Рассмотрение изучаемого вопроса стоит начать с советского периода, что позволит определить направление постсоветских изменений. И здесь мы можем констатировать, что в советское время у представителей политических элит, в силу идеологических особенностей существовавшей кадровой политики, наблюдалось преимущественно рабоче-крестьянское социальное происхождение.

Данный факт можно отследить на примере состава депутатов Верховного Совета Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР) I созыва (см. таб. 1, составленную на основе материалов Национального архива Республики Бурятия (Очирова, Крянев, Ларионов, 2009: 34)).

Таблица 1. Состав депутатов Верховного Совета БМАССР I созыва (1938 г.) по социально-политическим показателям

Table 1. Social and political statistics on the members of the 1st Supreme Soviet of the Buryat-Mongol ASSR (1938)

Всего	По партийности		По образованию			По происхождению			По социальному положению		
	члены, кандидаты в члены ВКП(б)	беспартийные	н/высшее и высшее	н/среднее и среднее	низшее	из рабочих	из служащих	из крестьян	рабочие	служащие	колхозники
89 чел.	67	22	16	15	58	15	2	72	4	53	32
100%	75,3	24,7	17,5	15,5	67	17	2	81	4,5	59,5	36

В постсоветский период исследователи фиксировали изменения в социальном происхождении представителей изучаемой группы. Так, Д. Лэйн, сравнив элиту, окружавшую Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева, отметил, что «у 51 человека из окружения Ельцина и 62 из Горбачева отцы были из рядов занятых нефизическим трудом, соответственно 22 и 25 — сыновья рабочих, а 12 и 11 — из кре-

стьян, колхозников. Что касается матерей, то у 61 человека (при Ельцине) и 56 (при Горбачеве) они также занимались нефизическим трудом, соответственно у 16 и 34 матери — домохозяйки, у 10 и 14 — крестьянки, и только у 13 и 11 матери имеют “рабочие корни» (Лэйн, 1996: 31). Тем самым, доля выходцев из семей рабочих и крестьян среди представителей элиты в постсоветский период существенно снизилась.

Данный факт остается неизменным и сейчас. По результатам нашего анкетного опроса 2009–2010 гг. в республиках Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва распределение политических элит по социальному происхождению довольно сбалансированное (см. таб. 2).

Таблица 2 Распределение политических элит по социальному происхождению, в %

Table 2. Political elites by social background, %

Социальное происхождение	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
из среды рабочих, крестьян	22,8	33,9	37,2	33,3	26,5	38,9	28,9	37,8	29,4	31,4	32,5	32,2
из среды интеллигенции, служащих	48,6	28,6	30,8	49	39,7	37,9	36,9	35,8	29,4	36,3	43,3	34,8
смешанное	28,6	37,5	32	17,7	33,8	23,2	34,2	26,4	41,2	32,3	24,2	33

Как следует из таблицы 2, численность представителей элит из среды рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, а также смешанных семей в достаточной степени равномерна. Однако, небольшой перевес все же наблюдается у выходцев из среды интеллигенции и служащих: в Бурятии их доля составляет 36,3% от общего массива опрошенных, в Саха (Якутии) — 43,3%, в Туве — 34,8%. Заметим, что в Республике Бурятия ситуация фактически не изменилась. По результатам нашего анкетного опроса 2004 г. 38,6% политической элиты Бурятии были выходцами из среды интеллигенции, служащих; 29,5% — из среды рабочих и крестьян; у 31,9% — смешанное социальное происхождение.

Анализ биографических справок представителей республиканских политических элит, проведенный автором в 2009–2010 гг., показал, что по индикатору места рождения в их составе преобладают выходцы из села и деревни: в Бурятии они составляют 49,5% от общего массива группы, в Якутии — 43,3%, в Туве — 52,3% (см. таб. 3).

Таблица 3. Распределение политических элит по месту рождения, в %

Table 3. The distribution of political elites by place of birth, %

Место рождения	Бурятия			Саха (Якутия)			Тува			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
город	37,2	39,3	41,1	33,3	26,5	38,9	37,7	24,5	38,8	39,2	32,5	32,3
село, деревня	40	55,3	53,8	50	39,7	38,9	50,1	63,2	43,2	49,5	43,3	52,3
поселок	22,8	5,4	5,1	16,7	33,8	22,2	12,2	12,3	18	11,3	24,2	15,4

Аналогичная тенденция наблюдается и в региональных парламентах. В Великом Хурале Республики Тыва II созыва 61,2% депутатов родились в селе либо деревне, 14,6% — в поселке, 24,2% — в городе. Около 90% всех представителей республиканской политической элиты являются уроженцами Тывы.

Среди депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) IV созыва 40% родились в селе или деревне, 34,3% — в поселке, 25,7% — в городе. Уроженцами Якутии являются около 80% представителей республи-

канской политической элиты, в исполнительной элите их порядка 75%. Отметим, что в 1992 г. большинство в парламенте Якутии также составляли выходцы из села — 64%, из города было 27%, из рабочих поселков — 9%. При этом 73% депутатов родились в Якутии (Тарасов, 1996: 18).

В составе Народного Хурала Республики Бурятия IV созыва 46% депутатов родились в селе или деревне, 36,1% — в городе, 17,9% — в поселке. Уроженцами Бурятии являются порядка 80–85% представителей республиканской политической элиты, чуть меньше их в составе исполнительной элиты — около 70–75%.

Итак, современные политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва в большинстве своем являются выходцами из среды интеллигенции, служащих и по месту рождения тесно связаны со своими регионами. При этом подавляющая часть представителей республиканских элит родились в селе или деревне, что входит в некоторое противоречие с общероссийской тенденцией, характеризующейся снижением числа данных лиц в изучаемой социальной группе (см. таб. 4).

Таблица 4. Доля выходцев из села в элите, в % к численности группы по столбцу

Table 4. People with rural background among the elites, % of the total

	Высшее руководство	Правительство	Региональная элита	В целом
Брежневская когорта	57,7	45,6	66,7	57,3
Горбачевская когорта	48,6	Нет информ.	65,6	54,6
Ельцинская когорта	12,5	22,9	33,8	22,8

(Крыштановская, 1995: 62).

По данным О. В. Крыштановской, представленным в таблице 4, в постсоветский период отмечается резкое снижение доли выходцев из села в составе различных групп элиты, в том числе и региональной. Очевидно, в национальных республиках ситуация несколько иная, чем в целом по России, что доказывается результатами нашего исследования и эмпирическими материалами других авторов.

Например, М. Х. Фарукшин отмечал, что в 1994 г. руководство Татарстана в большинстве своем было представлено выходцами из деревень: «74,7% его состава родом из сельской местности. Если присоединить к ним выходцев из малых городов, то получится еще более внушительная цифра — 86,3%. Только 13,7% представителей группы вышли из крупных городов» (Фарукшин, 1994: 70). Исследователь указывал, что данные лица, составляющие значительную часть правящей элиты Татарстана, приносят во властеотношения специфическую деревенскую культуру, которая «включает в себя традиционные нормы

чинопочитания, внутреннего неприятия оппозиции и инакомыслия, благоволения выходцам из собственной среды, еще больше — землякам, подозрительности к «чужакам», особенно из городских и образованных слоев, представление о собственной непогрешимости, самолюбование и т. д. По сути эта культура имеет антидемократическую окраску» (там же: 70). Безусловно, мнение ученого несколько категорично, но определенная доля истины в нем есть, например, в части поддержки выходцев из собственной среды и своих земляков.

Исходя из вышеизложенного, подчеркнем, что индикатор социального происхождения интересен не только, как позволяющий дать более полную характеристику изучаемому субъекту или группе, но и тем, какое влияние он оказывает на дальнейшее развитие, ориентации, поведение, поступки людей и насколько он важен в той или иной сфере. Анализ литературы и материалы собственного исследования позволяют нам утверждать, что общность социальных и территориальных «корней» неизменно значима в сфере политики и оказывает существенное влияние на людей. На данный факт указывали многие отечественные и зарубежные авторы.

Например, можно остановиться на работе американского политолога Ч. Р. Миллса (1916–1962) «Властвующая элита» (Миллс, 1959). В данной книге он представил результаты институционального анализа американской элиты середины XX в. По его мнению, в обществе существуют три важнейших института: государство, корпорация, армия, которые «...образуют собой орудия власти» (там же: 26). Во всех институтах осуществляется авторитарное иерархическое правление. Согласно концепции Ч. Миллса, в США господствуют три группы элиты: политическая, экономическая, военная, которые и возглавляют три важнейших института. Представители данных групп обладают огромной властью, которая становится все более бесконтрольной и безответственной, их решения преследуют, как правило, аморальные цели. Так как интересы и действия трех элитных групп существенно переплетаются, это приводит к их сплочению в единую властвующую элиту, состоящую из представителей высшего руководства политических, корпоративных и военных структур, образующих замкнутую социальную группу.

Ч. Миллс пишет: «властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия» (там же: 24). Это обусловлено тем, считает он, что они руководят важнейшими институтами и организациями в иерархии современного общества, занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются. Далее он уточняет: «под элитой власти мы понимаем те политические, экономические и военные круги, которые в сложном переплетении группировок разделяют право принятия решений, по меньшей мере, об-

щенациональной выраженности. В той мере, в которой национальные события становятся объектом принятия решений, элита власти представляет собой ту совокупность моделей, которая их принимает» (там же: 25). Ч. Миллс указывает, что лица, составляющие данную элиту, имеют сходные социальное происхождение, опыт, личные черты, самосознание и др. Они посещают одинаковые образовательные, досуговые и иные учреждения, что способствует их личному знакомству. Вследствие этого они свободно меняют свои позиции, перемещаясь из одних институтов в другие. Тем самым политолог убежден, что власть в Америке концентрируется в руках единой властвующей элиты, имеющей, в том числе и сходное социальное происхождение, что свидетельствует о недемократичности политической системы.

Общность социального происхождения является чертой не только американской, но и российской элиты. На наш взгляд, это связано с тем, что данный индикатор негласно учитывается при пополнении ее состава, что свидетельствует о применении неформальных механизмов рекрутирования политической элиты.

Неформальные механизмы

Следует отметить, что учет неформальных связей, в числе которых помимо общности социального происхождения, можно назвать патрон-клиентарные отношения, опыт совместной деятельности с первыми лицами, личная преданность, родственные / земляческие / этнические связи, близость статусных характеристик или идеологических убеждений, фаворитизм, протекционизм и другие не является приметой сегодняшнего дня, он, безусловно, практиковался и ранее.

При рекрутировании советской номенклатуры главными критериями отбора, как отмечает Н. В. Работяжев, были личная преданность руководству и политическая лояльность, а до середины 1930-х годов также учитывалось и социальное происхождение. И. В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г. говорил: «Что значит правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе? <...> Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, то есть заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, то есть пригодны ли они для такой-то конкретной работы» (цит. по: Работяжев, 2001: 26).

Свои критерии отбора были и у последующих руководителей страны. Для Н. С. Хрущева особое значение имели идейная закалка и повышение деловой квалификации. Л. И. Брежнев считал, что руководитель должен органически сочетать в себе дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу, партийность с глубокой компетентностью. М. С. Горбачев высоко ценил политические и деловые качества, реальные достижения работника, его отношение к людям. Однако, несмотря на сформулированные критерии отбора, доминировали все же неформальные механизмы рекрутирования руководящего

звена. Еще в 1937 г. И. В. Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) констатировал, что в реальности «подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности» (там же: 26).

Для современной системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице, по-прежнему, характерно применение неформальных механизмов, где решающую роль играют социальное происхождение, родство, территориальная общность, отношения личной преданности и покровительства и другие факторы. Успех сегодня во многом обеспечивается принадлежностью к команде, работающей на влиятельного лидера, обретением покровителя, то есть вступлением в патрон-клиентарные отношения. Это предопределяет клановый принцип формирования элиты, для которого характерны отношения личной преданности, корпоративная ориентация, закрытость. Внутри данной социальной группы, как правило, доминирует клановый характер взаимоотношений: стремление обособиться, негативные ожидания от рекрутирования новых лиц, которые рассматриваются, прежде всего, как конкуренты в борьбе за влияние на патрона и лишь затем только как возможные партнеры по политической деятельности и т. п.

Формирование элитных кланов в российских регионах в значительной степени определено доминирующими моделями политической культуры. Однако независимо от оснований консолидации, обязательное условие групповой сплоченности — личная лояльность главе клана. В «русских» областях внутригрупповая консолидация идет, как правило, на основе общности социального происхождения, опыта совместной деятельности, статусных особенностей, родственных отношений, идеологических признаков. В национальных республиках к перечисленным факторам часто добавляются земляческие, этнические связи. В этом отношении большой интерес представляет работа Ч. К. Ламажаа, в которой на примере Республики Тыва раскрываются различные аспекты клановости в политике (Ламажаа, 2010).

Неформальные механизмы применяются и в изучаемых нами регионах. При проведении анкетного опроса в 2009–2010 гг. представителям политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва было предложено определить степень влияния различных факторов на продвижение по службе. Выяснилось, что на данный процесс влияют фактически все предложенные в анкете факторы, с небольшими региональными особенностями. Например, респонденты Республики Бурятия в большей степени выделили следующие: «исполнительность» — 89,2%, «интеллектуальная самостоятельность» — 88,2%, «учеба, повышение квалификации» — 84,3%, «опыт совместной работы с первыми лицами региона» — 81,4%, «личная преданность» — 76%, «покровительство» — 72,6%, «родственные или земляческие связи» — 69,6% (см. таб. 5).

Таблица 5. Факторы, влияющие на продвижение по службе в оценке представителей политических элит, Республика Бурятия, %

Table 5. Factors influencing career promotion as assessed by political elites of the Republic of Buryatia, %

Место рождения	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр.не влияют	влияют	сильно влияют
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	-	17,8	15,4	58,6	64,4	71,8	41,4	17,8	12,8	10,8	65,2	24
интеллектуальная самостоятельность	20	17,9	-	45,7	60,7	84,6	34,3	21,4	15,4	11,8	64,7	23,5
учеба, повышение квалификации	17,1	14,3	15,4	48,6	67,9	69,2	34,3	17,8	15,4	15,7	61,8	22,5
личная преданность	35,7	17,8	18	47,2	64,4	69,2	17,1	17,8	12,8	24	60,3	15,7

покровительство	45,7	17,9	17,9	35,7	57,1	64,2	18,6	25	17,9	27,4	52,5	20,1
опыт совместной работы с первыми лицами региона	25,7	17,8	12,8	47,2	64,4	44,9	27,1	17,8	42,3	18,6	51	30,4
родственные или земляческие связи	27,2	17,9	42,3	55,7	60,7	44,9	17,1	21,4	12,8	30,4	52,9	16,7
идеологические убеждения	62,9	67,9	62,8	37,1	32,1	37,2	-	-	-	64,2	35,8	-
поддержка экономических структур	60	46,4	15,4	40	53,6	71,8	-	-	12,8	39,2	55,9	4,9

Заметим, что похожие мнения высказывались и ранее. Так, результаты проведенного В. Г. Жалсановой в 1999 г. опроса политической элиты Республики Бурятия показали, что на продвижение по службе влияют: профессионализм, квалификация — 96,3%; исполнительность и деловитость — 93,5%; личная пре-

данность начальству — 92,8%; семейно-родственные связи — 89,1%; национальность — 81,9%; поддержка богатых людей — 78,4%; богатство, деньги — 77,5%; самостоятельность и независимость — 72%; идеологические убеждения — 52,2% (Жалсанова, 2003: 95). 63,0% респондентов отметили, что при назначении на руководящие и престижные должности используются родственные и земляческие связи, а 47,7% указывали на национальный признак (там же: 86). По мнению В. Г. Жалсановой, это обусловлено тем, что «большинство представителей политической элиты являются выходцами из села, которым свойственно стремление к сохранению земляческих связей <...> Начальник всегда стремится (пусть даже и не вполне осознанно) укомплектовать штат из лиц своей национальности, порой и в ущерб представителям другой национальности. Это можно объяснить тем, что человек чувствует себя более комфортно в среде своих соплеменников» (там же: 86). Тем самым за последние годы ситуация в Бурятии мало изменилась.

На это указывают и полученные нами в 2009–2010 гг. материалы экспертных интервью. Республиканские эксперты, принявшие участие в интервьюировании, в целом, подтвердили полученные нами результаты. Отвечая на вопрос: «Какие механизмы рекрутирования политической элиты преобладают в республике?», они пояснили, что часто в данном процессе учитывается опыт предшествующей совместной профессиональной деятельности с влиятельными в регионе фигурами. Большую роль при этом играют такие факторы, как личная преданность патрону, а также эффективные связи в органах власти и бизнес-структурах. При назначении руководителей среднего звена зачастую решающее значение имеют земляческие связи, кровное родство, национальность, финансовые средства и общность социального происхождения.

Заметим, что близкие данные были получены Е. В. Петровой по результатам социологического исследования (опрос экспертов, фокус-группы), проведенного в 2009 г. в республиках Бурятия и Тыва. Все участники отметили определяющее значение неформальных практик в Бурятии: «У нас такой регион, где большое значение имеют связи, знакомства, без этого никуда, успешным не станешь без них», «Если нет протезе, родственников и знакомых, то ничего не получится...» (Петрова, 2010: 140). Отмечалось и влияние этнического фактора, но только русскими экспертами, которые придерживались мнения, что у лиц бурятской национальности больше шансов получить высокую должность в органах государственной власти.

В Республике Саха (Якутия) в числе факторов более всего влияющих на продвижение по службе респондентами были названы: «опыт совместной работы с первыми лицами региона» — 90,7%, «покровительство» — 89,7%, «личная преданность» — 87,6%, «родственные и земляческие связи» — 87,1%, «интеллектуальная самостоятельность» — 79,4% (см. таб. 6).

Таблица 6. Факторы, влияющие на продвижение по службе, Республика Саха (Якутия), в %
 Table 6. Factors contributing to career promotion, Republic of Sakha (Yakutia), %

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр. не влияют	влияют	СИЛЬНО ВЛИЯЮТ
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	25	20,6	50	58,3	67,6	50	16,7	11,8	-	30,4	59,3	10,3
интеллектуальная самостоятельность	27,8	29,4	-	55,5	53	92,6	16,7	17,6	7,4	20,6	65	14,4
учеба, повышение квалификации	25	26,5	46,3	75	52,9	53,7	-	20,6	-	31,4	61,4	7,2
личная преданность	13,9	20,6	-	61,1	51,5	55,6	25	27,9	44,4	12,4	56,2	31,4

покровительство	-	29,4	-	72,2	41,2	50	27,8	29,4	50	10,3	55,2	34,5
опыт совместной работы с первыми лицами региона	13,9	11,8	-	58,3	55,9	9,2	27,8	32,3	90,8	9,3	43,8	46,9
родственные или земляческие связи	16,7	19,1	-	58,3	55,9	24,1	25	25	75,9	12,9	48	39,1
идеологические убеждения	26,4	32,3	53,7	56,9	51,5	46,3	16,7	16,2	-	36,1	52,1	11,8
поддержка экономических структур	15,3	38,2	48,1	61,1	41,2	-	23,6	20,6	51,9	32,5	37,1	30,4

Эксперты Саха (Якутии), принявшие участие в нашем интервьюировании, также отмечали наличие неформальных механизмов рекрутирования республиканской политической элиты: клановость, связи, родство, учет совместного

опыта работы в прошлом и др. Они указывали, что система рекрутирования в регионе закрытая, наблюдается сильное местничество и попасть со стороны в состав органов власти и политической элиты практически невозможно. Профессионализм и квалификация человека почти не играют роли в процессе рекрутирования.

Заметим, что республиканские исследователи и ранее обращали внимание на то, что в Республике Саха (Якутия) действуют неформально-личностные критерии рекрутирования кадров: происхождение человека, личные знакомства по прежнему месту работы, совместное обучение в вузе, рекомендации сослуживцев, принадлежность к «команде» и др. (Тарасов, 1996: 22). А. Б. Местникова пишет, что в Якутии из-за небольшой численности и плотности населения большое внимание уделяется личному кругу знакомств, связям, происхождению человека, т. е. зачастую эти факторы оказывают решающее влияние при приеме на работу и продвижении. Вопрос о происхождении — это первый вопрос, который задают при знакомстве с незнакомым человеком и по ответу на который можно получить достаточно исчерпывающую информацию. Культурные различия и характерные черты, свойственные выходцам из различных улусов, за многие годы выработались в своеобразные стереотипы восприятия. Выходцы из вилюйской группы улусов, например, считаются более активными в достижении намеченных целей, также им приписывается большая степень приверженности к клановости и взаимоподдержке. Внутри вилюйской группы улусов есть подразделение на сунтарских, нюрбинских, верхневиллюйских и вилюйских якутов, причем каждой подгруппе приписываются отдельные стереотипы характера (Местникова, 2005: 69).

Неформальные связи, властные ресурсы часто используются при выдвижении кандидатов на пост главы улуса, депутатов улусного собрания, депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я), при проведении выборных кампаний. Несмотря на негативный характер данных факторов, они, как утверждает А. Л. Попов, в свое время сыграли и положительную роль. По его мнению, формирование местных элит по принципу личных неформальных связей позволило избежать, прежде всего, внутриэлитных конфликтов между губернатором и мэрами крупных городов, руководителями органов местного самоуправления. По сути, на основе неформальных институтов в Якутии была выстроена «властная вертикаль». Существование неформальных институтов (родственных, клановых отношений) компенсировало отсутствие дееспособных формальных институтов и заполнило сложившийся институциональный вакуум после краха прежних институтов советского типа. В определенном смысле это позволило избежать кризиса управляемости в республике на протяжении 90-х гг. Однако уже в конце 90-х гг. — начале первого десятилетия XXI века эти институты превратились в тормоз политического развития (Попов, 2004: 119).

В Республике Тыва выявились следующие, наиболее значимые при продвижении по службе факторы: «исполнительность» — 88,8%, «интеллектуальная самостоятельность» — 82%, «родственные и земляческие связи» — 79,8%, «покровительство» — 78,1%, «учеба, повышение квалификации» — 77,5% (см. таб. 7).

Таблица 7. Факторы, влияющие на продвижение по службе, Республика Тыва, в %

Table 7. Factors contributing to career promotion, Republic of Tuva, %

Варианты	Практически не влияют			Влияют			Сильно влияют			Данные по общему массиву опрошенных		
	ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			ВИД ЭЛИТЫ			пр. не влияют	ВЛИЯЮТ	СИЛЬНО ВЛИЯЮТ
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
исполнительность	20,8	12,5	-	39,6	73,4	92,9	39,6	14,1	7,1	11,2	68,6	20,2
интеллектуальная самостоятельность	36,2	17,2	-	63,8	67,2	91,1	-	15,6	8,9	18	73,6	8,4
учеба, повышение квалификации	50	17,2	-	50	67,2	60,7	-	15,6	39,3	22,5	59,5	18
личная преданность	-	14,1	87,5	50	45,3	-	50	40,6	12,5	32,6	32,6	34,8

опыт совместной работы с первыми лицами региона	20,8	12,5	67,9	39,6	87,5	32,1	39,6	-	-	32,6	54,5	12,9
родственные или земляческие связи	24,1	-	39,3	24,1	67,2	60,7	51,8	32,8	-	20,2	51,1	28,7
идеологические убеждения	44,8	62,5	62,5	55,2	21,9	37,5	-	15,6	-	56,8	37,6	5,6
поддержка экономических структур	48,2	28,1	42,9	25,9	46,9	57,1	25,9	25	-	39,3	43,3	17,4

Республиканские эксперты в числе неформальных механизмов, практикующихся в Туве при рекрутировании политической элиты, назвали: клановость, родственные связи, давние знакомства, деловое партнерство, личную преданность, протекции и др. Помимо перечисленного необходимо назвать и этнический фактор, влияние которого было зафиксировано в вышеупомянутом исследовании Е. В. Петровой в 2009 г. (Петрова, 2010). Практически все русские эксперты, принявшие участие в анкетировании, были уверены, что национальность влияет на получение высокой должности в органах государственной власти Республики Тыва — у тувинцев в этом отношении гораздо больше шансов. Представители русской интеллигенции в возрасте от 26–45 лет сообщали, что «на работу с высо-

кооплачиваемой должностью устроиться почти невозможно», а «опыт и знания никому не нужны» (там же: 138). Большинство экспертов-тувинцев утверждали обратное. Однако заметим, что тувинская интеллигенция 26–45 лет все же допустила подобное влияние: «... и в Российской Федерации, и в республике обратительная кадровая политика. Если в республике работает менеджмент тувинский, то он отбор кадров ведет по родо-племенному принципу, клановой принадлежности» (там же: 139). Данная ситуация, как известно, характерна для многих российских регионов.

Итак, мы можем констатировать существенное влияние неформальных механизмов, в том числе и социально-территориальной общности, на кадровые вопросы в органах власти России и входящих в ее состав полиэтнических регионах.

Заключение

Таким образом, вопросам социального происхождения людей в современном российском обществе формально уделяется все меньше внимания, что, безусловно, связано со сменой идеологических приоритетов в стране. Однако данный фактор по прежнему оказывает существенное влияние на различные аспекты жизнедеятельности человека и играет весомую роль в отдельных социальных сферах. В первую очередь, это касается сферы политики, являющейся областью деятельности политических элит.

Как мы выяснили, для существующей системы подбора кадров в органы власти и процесса продвижения по карьерной лестнице характерно широкое применение неформальных механизмов, в числе которых одним из главных неизменно остается общность социального происхождения и места рождения людей. Данный момент характерен для всей территории России, в том числе и для республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Отбор в российские органы власти и продвижение в них зачастую осуществляется неформально и, как мы уверены, будет и далее осуществляться именно по перечисленным критериям. Поэтому их систематическое изучение, в том числе и определение социальных «корней» политической элиты, представляется необходимым.

К сожалению, такие профессиональные характеристики личности как квалификация, интеллектуальная самостоятельность, исполнительность, опыт работы и другие сейчас не играют большой роли. Однако именно они должны быть решающими при рекрутировании и продвижении лиц в российских органах власти, так как от этого зависит создание компетентной и профессиональной политической элиты способной эффективно выполнять стоящие перед ней государственные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жалсанова, В. Г. (2003) Политическая элита Бурятии на современном этапе. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН. 114 с.

Крыштановская, О. В. (1995) Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 51–65.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя. 208 с.

Лэйн, Д. (1996) Перемены в России: роль политической элиты // *Социологические исследования*. № 4. С. 30–40.

Местникова, А. Б. (2005) Этнокультурные аспекты предпринимательства и занятости населения в Республике Саха (Якутия) // *Экономическая социология*. Т. 6. № 3. С. 49–69.

Миллс, Ч. (1959) Властвующая элита / пер. с англ. М.: Иностранная литература. 543 с.

Очирова, В. М. (2013) Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 512 с.

Очирова, В. М., Крянев, Б. П. (2009) Эволюция региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 140 с.

Очирова, В. М., Крянев, Б. П., Ларионов, В. Г. (2009) Формирование избирательной системы и политической элиты в Бурятии. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 156 с.

Петрова, Е. В. (2010) Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири // *Вестник Бурятского государственного университета*. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. Вып. 14а. С. 134–140.

Попов, А. Л. (2004) Правящая элита как субъект регионального политического процесса (на примере Республики Саха (Якутия) : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб. 175 с.

Работяжев, Н. В. (2001) Механизмы рекрутирования и воспроизводства политической элиты в посткоммунистической России // *Проблемы политической трансформации и модернизации России / под ред. А. Ю. Мельвиля*. М.: МОНФ. 218 с. С. 18–47.

Тарасов, Ю. С. (1996) Политическая элита Республики Саха (Якутия): социальные механизмы формирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М. 23 с.

Фарукшин, М. Х. (1994) Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Политические исследования. № 6. С. 67–79.

Дата поступления: 20.04.2016 г.

REFERENCES

Zhalsanova, V. G. (2003) *Politicheskaiia elita Buriatii na sovremennom etape*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo BNTs SO RAN. 114 p. (In Russ.).

Kryshtanovskaia, O. V. (1995) Transformatsiia staroi nomenklatury v novuiu rossiiskuiu elitu. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 51–65. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).

Lane, D. (1996) Peremeny v Rossii: rol' politicheskoi elity. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 30–40. (In Russ.).

Mestnikova, A. B. (2005) Etnokul'turnye aspekty predprinimatel'stva i zaniatosti naseleniia v Respublike Sakha (Iakutiia). *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 6, no. 3, pp. 49–69. (In Russ.).

Mills, Ch. (1959) *Vlastvuiushchaia elita*. Moscow, Inostrannaia literatura. 543 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M. (2013) *Politicheskie elity polietnicheskikh regionov v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 512 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M. and Krianev, B. P. (2009) *Evoliutsiia regional'nykh politicheskikh elit v postsovetskii period (na materialakh Respubliki Buriatii)*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 140 p. (In Russ.).

Ochirova, V. M., Krianev, B. P. and Larionov, V. G. (2009) *Formirovanie izbiratel'noi sistemy politicheskoi elity v Buriatii*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buriatskogo gosuniversiteta. 156 p. (In Russ.).

Petrova, E. V. (2010) Osobennosti etnosotsial'noi stratifikatsii v respublikakh Sibiri. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Serya: Filosofii, sotsiologiia, politologiia, kul'turologiia*, vol. 14a, pp. 134–140. (In Russ.).

Popov, A. L. (2004) *Praviashchaia elita kak sub»ekt regional'nogo politicheskogo protsessa (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia))* : dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. St. Petersburg. 175 p. (In Russ.).

Rabotiazhev, N. V. (2001) Mekhanizmy rekrutirovaniia i vosproizvodstva politicheskoi elity v postkommunisticheskoi Rossii. In: *Problemy politicheskoi transformatsii i modernizatsii Rossii*, ed. A. Iu. Mel'vil'. Moscow, MONF. 218 p. Pp. 18–47. (In Russ.).

Tarasov, Yu. S. (1996) *Politicheskaia elita Respubliki Sakha (Iakutiia): sotsial'nye mekhanizmy formirovaniia*: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Farukshin, M. Kh. (1994) *Politicheskaia elita v Tatarstane: vyzovy vremeni i trudnosti adaptatsii*. *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 67–79. (In Russ.).

Submission date: 20.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Очирова В. М. Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Ochirova V. M. Social background as a tool in shaping the political elite in Russia's multi-ethnic regions: the cases of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/99> (accessed: ...).

**ВЛИЯНИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
СТРУКТУРЫ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ
ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ НА ХАРАКТЕР
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ (на примере
Тувы, Хакасии, Алтая)**

Юрий М. Аксютин

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова

Исчезновение советской надэтнической идентичности стало причиной психологического дискомфорта бывших советских граждан. Население страны обратилось к проверенным временем механизмам консолидации, в первую очередь к этнической идентичности. Это обусловило изменение ситуации в сфере межэтнических отношений. Автор рассматривает вопросы влияния процессов трансформации структуры идентичностей жителей региона в постсоветский период на характер и динамику оценок межэтнических отношений.

Материалами для анализа стали результаты социологических исследований, проводившихся автором в республиках Южной Сибири: Хакасии, Алтае, Туве в период 2013–2015 гг. Для сравнения также приводятся данные исследований других социологов, начиная с 1990-х гг.

В период 1990–2010-х гг. региональные, этнические идентичности в указанных республиках были актуальнее российской. Межэтническая напряжен-

**TRANSFORMATION
OF PERSONAL
IDENTITY STRUCTURE
IN THE REGIONS OF
POST-SOVIET RUSSIA
AND ITS IMPACT
ON INTERETHNIC
RELATIONS:
the cases of the republics of
Tuva, Khakassia and Altai**

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University
of Khakassia

The demise of Soviet supraethnic identity led to the feeling of psychological discomfort in ex-Soviet citizens. The frustrated population turned to time-tested mechanisms of consolidation, primarily to ethnic identity. This turn triggered a change in the current state

of interethnic relations. The article examines how the transformation of personal identity structure influenced the nature and dynamics of assessing interethnic relations in the post-Soviet period.

Our analysis is based on sociological research the author conducted in the regions of South Siberia (Republics of Khakassia, Altai and Tuva) in 2013-

Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6).

Аксютин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Эл. адрес: aksutum@yandex.ru

Aksiutin Yurii Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenin St., Abakan, Russian Federation 655017. E-mail: : aksutum@yandex.ru

ность на почве бытового национализма и миграционных процессов в середине 1990-х гг. в регионе достигала пиковых значений, однако редко обострялась до открытых конфликтов. Результаты опроса 2013 г. продемонстрировали, что в структуре идентичностей жителей региона, российская идентичность превалирует (32,3%), на втором месте — республиканская (21,7%), на третьем — поселенческая идентичность (15,8%). Идентифицировали себя с жителями России (37%) прежде всего русские респонденты. У тюркских этносов региона в структуре идентичностей превалировала республиканская идентичность (хакасы — 35,5%, тувинцы — 27,4%, алтайцы — 21,6%).

Межэтнические отношения в регионе в 2013 г. как респондентами, так и экспертами описывались по-прежнему в терминах «стабильной напряженности». Скрытую напряженность ощущали 40%, наличие сильной напряженности отметили 6%, и затруднились с оценкой 7,5% респондентов. Наиболее встревоженными складывающейся ситуацией межэтнического взаимодействия были тувинцы, 7,5% которых отметили наличие сильной напряженности.

2014-й г. был отмечен некоторыми подвижками в структуре идентичностей жителей и оценках характера межэтнического взаимодействия. Российская идентичность «потеряла в весе» от 2% до 10%. Анализ индекса напряженности и конфликтности выявил усиление негативных оценок характера межэтнического взаимодействия в 2014 г.

В целом жесткой взаимосвязи между процессами трансформации структуры идентичностей жителей региона и динамикой оценок характера межэтнических отношений обнаружить не удалось. Отмечаемое наличие и стабильность напряженности межэтнических отношений в республиках сегодня определяется целым рядом факторов: экономических, политических, социальных.

Ключевые слова: идентичность; этничность; межэтнические отношения; трансформация идентичности; постсоветский период; Тува; тувинцы; Хакасия; хакасы; Алтай; алтайцы; социологическое исследование

Введение

Произошедшие почти четверть века назад социальные и политические трансформации привели к качественным изменениям в жизни постсоветского социума. Они не только вызвали пересмотр существовавших социально-политических и экономических основ, но и повлекли перестройку всего

2015. For the purposes of comparison, we also cite the data obtained by other researchers since the 1990s.

From the 1990s to the 2010s ethnic and regional identities in the three regions were more conspicuous than the civic national identity. Interethnic tension fueled by migration and banal nationalism peaked in mid-1990s, but open conflicts rarely broke out. The outcomes of a 2013 survey showed that the civic Russian identity is now prevailing in the identity structure in the region (32.3% of respondents), followed by the regional (21.7%) and local (15.8%) identities. Ethnic Russians most readily identified themselves as holders of civic Russian identity (37%). Among the Turkic ethnicities (35% of Khakassians, 27.4% of Tuvans and 21.6 % of Altaians), the regional identity prevails.

Both poll respondents and experts in 2013 still chose to describe interethnic relations in their regions in the terms of 'permanent tension'. 40% of them saw the tension as latent, 6% said they felt strong tension, while 7.5% found it difficult to characterize it in any specific way. Of ethnic groups within the three regions, Tuvans proved to be the most worried about the current state of interethnic relations, with 7.5% of them referring to 'strong tension'.

The year 2014 saw certain shifts in the structure of personal identities and the assessments of interethnic relations. Russian civic identity lost between 2% and 10% of its popularity. An analysis of tension and conflict index showed that negative opinion of interethnic relations was on the rise in 2014.

Overall, we did not find a direct correlation between the transformation of personal identity structure in the region and the dynamics of assessing interethnic relations in the region. The presence of permanent tension as seen by the people of a region should be seen as determined by a range of factors, including economic, political and social.

The study was supported by the Grant of the President of the Russian Federation (MK-6746.2015.6).

Keywords: identity; ethnicity; interethnic relations; transformation of identity; post-Soviet period; Tuva; Tuvans; Khakassia; Khakassians; Republic of Altai; Altaians; sociological study

сознания людей, в немалой степени инициировав изменение ситуации межэтнического взаимодействия как в стране в целом, так и в отдельных регионах в частности.

На рубеже 1980–1990-х гг. активно обесценивалась и, в конце концов, вместе с распадом СССР исчезла объединявшая неоднородный советский социум надэтническая советская идентичность. Исчезновение прежней консолидирующей идентичности и фактическое отсутствие на тот момент ясной альтернативы советскости вызвало у большей части населения страны ощущение психологического дискомфорта, делая практически неизбежным обращение к традиционным механизмам обретения чувства общности — этнической идентичности, закономерно усиливавшим фактор этничности в межэтническом взаимодействии. Это способствовало появлению в общественно-политическом дискурсе и научной литературе точки зрения, согласно которой постсоветская Россия переживает бум этничности и традиционализма, обладающих значительным конфликтогенным зарядом. Целым рядом отечественных и зарубежных авторов подчеркивалось, что современные социокультурные конфликты — это конфликты идентичностей, основанием которых являются непреодолимые противоречия традиционалистских и посттрадиционных мировоззренческих систем (Геллнер, 2002: 147; Авксентьев, Аксумов, 2006: 12; Попов, 2011). Высказывались опасения, что актуализация этничности в условиях незавершенности процесса формирования новой гражданско-национальной российской идентичности станет причиной обострения социокультурных конфликтов, фундаментом которых являются противоречия ценностных систем и идентичностей, взглядов и убеждений населения полиэтнической страны.

Впрочем, не все исследователи соглашались с такой точкой зрения, отмечая, что применительно к процессам пореформенного периода в России речь должна идти о неклассических типах этнического возрождения и традиционализма, обладающих высоким потенциалом конвергенции и модернизации. Следовательно, уместнее было бы говорить об объективном и функциональном противоречии идентичностей, взглядов и убеждений россиян, нежели о конфликте (Гидденс, 2004; Дробижева, 2010: 442).

В таком контексте представляется весьма важным и интересным обратиться к анализу содержания процессов трансформации структуры идентичностей жителей постсоветской России и их влияния на характер межэтнического взаимодействия. Это особенно актуально в тех регионах, где представители разных этносов взаимодействуют ежедневно, что называется — лицом к лицу. Одним из таких регионов является Южная Сибирь, к которому относятся республики Тыва, Алтай и Хакасия.

Каково содержание процессов трансформации структуры идентичностей жителей Южной Сибири? Действительно ли происходит усиление значимости тра-

диционных идентичностей (прежде всего — этнической) и является ли оно причиной эскалации конфликтности межэтнических отношений? Эти и некоторые сопутствующие вопросы составляют предмет нашего анализа.

Трансформации структуры идентичностей и межэтнические отношения в пореформенный период 1990–2010-х гг.: общероссийский и региональный контекст

Прежде чем анализировать данные эмпирических исследований в регионе, обратимся к характеристике общероссийских тенденций. Как отмечают исследователи, эскалация напряженности и в целом изменение ситуации межэтнического взаимодействия во многом является следствием практик формирования на протяжении шестидесяти лет внутренне противоречивой советской идентичности (Попов, 2011: 21). Суть противоречия заключалась в том, что официально «интернациональная» советскость, по мнению В. Малахова, А. Вишневого и др., в реальности (за исключением периода интернационализма 1920-х гг.) строилась на вполне четкой этнокультурной и политической основе — русской (Вишневский, 1998: 288; Малахов, 2001: 10). В результате возникло общество советских людей с бинарным (советскость/этничность), а порой и конфликтным самосознанием. В то же время, основанная на принципах этатизма и интернационализма советская идентичность вовсе не отменяла значимости этнических и локальных идентичностей в повседневности.

Коллапс советского общества и государства для этнически русского населения страны, обладавшего повышенным статусом и успевшего отчасти нивелировать собственную этничность, обернулся ситуацией, мягко говоря, растерянности. Если для представителей большинства этнических общностей проблема возрождения собственного самосознания решалась через актуализацию идей суверенитета, культурного и этнического самоопределения, то русские, фактически потерявшие идеологическую опору собственного самосознания, особенно в регионах, с целью обретения «почвы под ногами» чаще обращались к внеэтническим идентичностям (локально-поселенческой, российской, региональной и др.).

Проводимые в Южной Сибири социологические исследования Г. Г. Котожекова (1994–1997 гг.), Ю. В. Попкова, В. Г. Костюк, В. Н. Тугужековой (2003–2014 гг.), Л. В. Анжигановой (1994–2013 гг.), Н. А. Бухариной (2007 г.) и др., прямо или косвенно касавшиеся вопросов трансформации структуры идентичностей (применялись разные методики и выборки), в целом подтверждают обозначенную тенденцию. В период 1990–2010-х гг. региональная и республиканская идентичности были актуальнее российской, как впрочем, и этнической идентичности (Жители Хакасии о своей жизни ..., 1994; Межнациональные отношения в Хакасии ..., 1997; Этносоциальная ситуация ..., 2006). Например, в Хакасии в 2007 г. российская (28,6%) и республиканская (24,0%) идентичности были выражены

практически в равной степени и заметно уступали в значимости регионально-поселенческой (33,4%). Актуальность этнической, как и космополитической идентичности, отметили лишь 6,8% (Религиозно-нравственное сознание ... , 2007: 133). Приоритет республиканской идентичности, становившейся более значимой для «коренных этносов», нежели десятилетиями отодвигавшаяся на второй план и старательно нивелировавшаяся этничность, легко объясняется трендом суверенизации, сопровождавшим деактуализацию советскости. Доминирование региональной идентичности также легко объяснимо, если учесть, что, например, в Хакасии доля русских составляла около 80,2% населения. Несколько иной ситуация была на Алтае и в Туве, где русских было порядка 57,4% и 20,1% соответственно (Население отдельных ... , Электр. ресурс).

Результаты региональных опросов коррелируют с данными общероссийских исследований, согласно которым к периоду 2008–2010 гг. в структуре идентичностей россиян европейской части страны (Центральный и Северо-Западный регионы, Поволжье и Урал) доминировала российская идентичность (от 61% до 75% опрошенных). В то же время российская идентичность явно теряла в актуальности по мере продвижения с Запада на Восток. Идентифицирующих себя с россиянами в регионе Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке было уже не более 51% (Дробижева, 2010: 430).

Обозначенные тенденции оказали определенное негативное воздействие на характер межэтнической ситуации. Как отмечают исследователи, межэтническая напряженность на почве бытового национализма и миграционных процессов в середине 1990-х гг. в регионе достигала пиковых значений, однако редко обострялась до открытых конфликтов (Балакина, 1999: Электр. ресурс; Попков, Костюк, Тугужекова, 2003: 50; Тышта, 2013). В период с 1994 по 2005 гг. оценки состояния межнациональных отношений в регионе носили уже по большей части положительный характер.

За эти годы, например, в Хакасии с 43% до 74% увеличилась доля тех, кто оценивал состояние межнациональных отношений как стабильное; с 35% до 21% уменьшилось число респондентов, отмечающих напряженность. Однако в кризисный период 2005–2011 гг. ситуация изменилась в худшую сторону, и доля респондентов, считающих межнациональные отношения благоприятными, снизилась с 74% до 42,5% (соответственно по годам) (Этносоциальная ситуация ... , 2005; Неотрадиционализм ... , 2013). Порядка 18% в 2005 г. и 41,5% в 2011 г. ощущали межнациональную напряженность, 3% и 4,5% соответственно отметили сильную межнациональную напряженность. В Туве, как и на Алтае, после серии межэтнических конфликтов периода 1980–1990-х гг. исследователями также отмечены тенденции деэскалации напряженности. В начале 2000-х гг. в Туве наблюдалось усиление положительных оценок характера межэтнического взаимодействия (36% у русских и 24% у тувинцев, при 11% негативных оценок у тех и других) (Балакина, 1999: Электр. ресурс).

Структура идентичностей и характер межэтнических отношений в оценках жителей региона в период 2013–2015 гг.

В 2013–2015 гг. нами осуществлялись эмпирические исследования процессов трансформации структуры идентичности жителей региона и их влияния на оценки характера межэтнических отношений (с применением квотной выборки пропорционально численности жителей). Это: социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511), выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ по проекту: «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект» (№ 14.124.13.2456-МК, выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); социологическое исследование (2015 г.) в рамках проекта «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00493), выборочная совокупность — 1000 чел. (Тува — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.).

Анализ данных исследований выявил уже иную картину. Так, результаты опроса 2013 г. продемонстрировали, что в структуре идентичностей опрошенных — жителей региона, российская идентичность превалирует (32,3%), на втором месте была республиканская (21,7%), а на третьем — поселенческая идентичность (15,8%). Несколько уступая в актуальности поселенческой, региональная (сибирская) идентичность была на четвертой позиции (11,9%), а этническая лишь на пятой (10,6%). Космополитическая (глобальная) идентичность в иерархии идентичностей была на шестой позиции (6,6%) (Аксютин и др., 2013: 107). Следует отметить, что идентифицировали себя в первую очередь с жителями России (37%) по большей части русские респонденты. В то же время в целом процент идентифицирующих себя с россиянами в Южной Сибири почти в два раза ниже, чем в западной части России. В значительно меньшей степени (порядка 25%) российская идентичность была значимой для тюркских этносов региона: хакасов, тувинцев и алтайцев, в структуре идентичностей которых превалировала республиканская идентичность (хакасы — 35,5%, тувинцы — 27,4%, алтайцы — 21,6%). Интересно отметить и тот факт, что этническая идентичность на первом месте была лишь у алтайцев (37,8%), в структуре идентичностей хакасов она занимала пятую позицию (10%), у тувинцев четвертую (15%), а у русских — последнюю (6,8%). Значимость республиканской идентичности для тюркских этносов и региональной, как, впрочем, и поселенческой для русских, объясняет-

ся целым рядом ранее отмеченных нами факторов, среди которых: тренд суверенизации и концепции национально-этнических автономий 1990-х гг.; практики интернационализации советского периода и т. д.

Межэтнические отношения в регионе в 2013 г. как самими респондентами, так и экспертным сообществом описывались по-прежнему в терминах «стабильной напряженности». Благоприятными межэтнические отношения сочли 46,5% респондентов. Скрытую напряженность ощущали 40%, наличие сильной напряженности отметили 6%, и затруднились с оценкой 7,5% респондентов. Принятие в расчет этнической принадлежности респондентов позволяет говорить, что наиболее встревоженными складывающейся ситуацией межэтнического взаимодействия были тувинцы, 7,5% которых отметили наличие сильной напряженности. У представителей иных этнических групп доля подобных оценок укладывалась в рамки 1–5%. Тем не менее, 54,1% алтайцев и 42,2% русских отметили наличие скрытой напряженности. Максимально позитивные оценки дали хакасы, 58,2% которых отметили, что межэтнические отношения благоприятны. Эксперты также оценили межэтническую обстановку в регионе как относительно спокойную (Попков, Персидская, 2014: Электр. ресурс). В то же время были отмечены и локальные конфликты в притаежных районах Хакасии и Алтая, связанные с притоком в регион трудовых мигрантов из Средней Азии, составивших конкуренцию местным жителям в сфере сезонных заготовок.

Экономически сложный для страны в целом и региона в частности 2014 г. был отмечен и некоторыми подвижками в структуре идентичностей жителей и оценках характера межэтнического взаимодействия. Российская идентичность, как и прежде, оставалась актуальной почти для трети опрошенных (30,0%), что сопоставимо с результатами опроса 2013 г. (исследование по методике и выборке 2013 г.). Однако, если с россиянами себя идентифицировали по-прежнему 37% этнически русских, то доля таковых среди хакасов снизилась до 24,1%, тувинцев — 22%, а алтайцев — 10% (против 24–25% в 2013 г.). Иными словами, российская идентичность «потеряла в весе» от 2% до 10% (Аксютин, 2015: 28–56). На второй позиции в иерархии идентичностей населения региона, как и в 2013 г., была республиканская идентичность (в среднем — 20,6%), которая, несколько усилив свои позиции, по-прежнему занимала первую строчку в иерархии идентичностей у хакасов (41,4%), тувинцев (31,2%) и алтайцев (36,2%). Поселенческая идентичность заняла третью позицию (15,1%) и демонстрировалась в основном русскими. Этническая идентичность, по результатам опроса 2014 г., переместилась с пятой на четвертую позицию (11,1%). Впрочем, увеличение числа отметивших приоритетность этнической идентичности (0,5%) с легкостью укладывается в рамки погрешности и объясняется не столько усилением ее позиций в структуре идентичностей жителей региона, значимость этничности для которых осталась в значениях 2013 г., сколько ослаблением занявших пятую строчку региональной и глобальной идентичностями (по 10%). Доля не определившихся составила 2,6%.

Анализ индекса напряженности и конфликтности выявил усиление негативных оценок характера межэтнического взаимодействия в 2014 г. С 46,5% в 2013 г. до 38,9% в 2014 г. снизилась доля опрошенных, считающих межнациональные отношения в регионе благоприятными. Число отметивших наличие скрытой напряженности практически не изменилось (в 2013 — 40%, в 2014 — 39%), а сильную напряженность отметили уже 11,2% респондентов (против 6% в 2013 г.). Увеличилось и число «затрудняющихся» с определением характера межнациональных отношений (7,5% в 2013 г. и 10,9% в 2014 г.), что также может свидетельствовать об усилении негативных оценок содержания межэтнических отношений в регионе. Напряженность и сильную напряженность отмечали порядка 40% представителей самых многочисленных этносов в регионе. Сильную напряженность отметили в основном этнически русские респонденты (13,2%), напротив, алтайцы сильной напряженности не отметили вовсе (хакасы — 6,9%; тувинцы — 8,3%). Представители хакасского этноса отметили наличие скрытой напряженности (58,6%), а более 40% тувинцев и алтайцев сочли межэтнические отношения благоприятными (русские — 36,2%; хакасы — 24,1%).

В сложной обстановке 2014 г. экспертные прогнозы развития ситуации в сфере межэтнического взаимодействия делились на умеренно и крайне негативные. Однако результаты опроса 2015 г. не подтвердили пессимистических настроений. В структуре идентичностей жителей региона коренных изменений не произошло. Российская (32,2%) и республиканская (23,5%) идентичности подтвердили стабильность своих позиций. Третью позицию заняла региональная (15,1%), а четвертую — поселенческая (12%) идентичность. Без изменений остались и характеристики «носителей». Российская идентичность была приоритетна в первую очередь для русских (43,8%) и в значительно меньшей степени для представителей тюркских этносов региона: хакасов (11,3%), тувинцев (30,9%) и алтайцев (22,4%), в структуре идентичностей которых по-прежнему преваляла республиканская идентичность (хакасы — 38,8%, тувинцы — 33,7%, алтайцы — 29,3%). Этническая идентичность, занимая пятую позицию в усредненной иерархии идентичностей жителей региона (9,8%) утратила свои позиции по сравнению с результатами опросов 2013 — 2014 гг. (алтайцы — 15,5%, хакасы — 26,3%, тувинцы — 9,3%, русские — 2%). Приоритет космополитической идентичности отметили 5,6% опрошенных.

Оценки характера межэтнических отношений также внушали оптимизм. В 2015 г. (исследование по методике и выборке 2013 г.) более половины (52,7%) респондентов сочли межнациональные отношения в регионе благоприятными. Напомним, что в 2014 г. таковых было лишь 38,9%. Наличие скрытой напряженности отметили 32,7% опрошенных против 39% в 2014 г., а сильную напряженность уже только 3,3%. Затруднились с определением характера межнациональных отношений 11,3% респондентов. Принятие в расчет этнической принадлежности респондентов позволяет говорить о снижении уровня встре-

воженности всех этнических групп региона. В то же время наличие скрытой напряженности отметили почти половина (48,1%) опрошенных — хакасов, порядка 30% алтайцев, по 27% респондентов русских и тувинцев.

Иными словами, жесткой взаимосвязи между процессами трансформации структуры идентичностей жителей региона и динамикой оценок характера межэтнических отношений, по крайней мере, на современном этапе обнаружить не удалось.

В таком контексте представляется весьма интересным рассмотреть причины обострения межнациональной напряженности, которые отмечали сами респонденты.

Среди причин обострения межнациональной напряженности респонденты в 2013 г. выделили, прежде всего, миграцию из других районов страны и зарубежья (17,9%). Антимигрантские настроения в 2014 г. были на уровне 26,6%, а в 2015 г. уже 30,6%. И напротив, если бытовой национализм как основной фактор эскалации межэтнической напряженности в 2013 г. отмечали порядка 13,6% опрошенных, то в 2014 г. таковых среди опрошенных было уже 29%, а в 2015 г. — 35%. Весьма любопытным является тот факт, что вопреки прогнозам за весь рассматриваемый период проблемы в экономике или политике в качестве основного фактора эскалации межэтнической напряженности отмечали не более 10–12% опрошенных.

Заключение

Таким образом, результаты анализа влияния процессов трансформации структуры идентичностей жителей Южной Сибири на характер межэтнических отношений позволяют сделать вывод, что актуализация в постсоветский период региональной, поселенческой, республиканской и этнической идентичностей, оказывало (и продолжает оказывать) определенное, но не определяющее воздействие на характер и оценки напряженности межэтнических отношений в регионе. Отмечаемое наличие и стабильность напряженности межэтнических отношений сегодня определяется целым рядом факторов (экономические, политические, социальные) и имеет характер скорее объективного, функционального противоречия, нежели глубинного конфликта традиционных и посттрадиционных мировоззренческих систем, свидетельствуя в пользу версии о неклассических типах этнического возрождения и традиционализма, на основе целерационального отбора индивидуальной и групповой идентичности. А значит, попытки напрямую увязать рост этнического самосознания с усилением напряженности будут не совсем корректны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В. (2006) «Конфликт цивилизаций» как смещенный конфликт идентичностей // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 46–42. С. 5–12.

Аксютин, Ю. М., Анжиганова, Л. В., Никитин, А. П. (2013) Неотрадиционализм в условиях глобализации. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 103 с.

Аксютин, Ю. М. (2015) Российская национальная идентичность: региональные особенности формирования и перспективы развития // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. № 3 (63). С. 2852-2862.

Балакина, Г.Ф. (1999) Динамика социокультурных процессов в Туве в трансформационный период : Аннотация к отчету по результатам реализации проекта [Электронный ресурс] // Российский фонд фундаментальных исследований. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_138610 (дата обращения: 20.04.2016).

Вишневский, А. Г. (1998) Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ. 432 с.

Гидденс, Э. (2004) Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. : Весь мир. 116 с.

Геллнер, Э. (2002) Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М. : Праксис. 416 с. С. 146–200.

Дробижева, Л. М. (2010) Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. № 1. С. 429–442.

Жители Хакасии о своей жизни: результаты социологического исследования по теме: «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1994). Абакан : Хакасское книжное издательство. 72 с.

Малахов, В. (2001) Скромное обаяние расизма. М. : Дом Интеллектуальной Книги & Модест Колеров. 172 с.

Межнациональные отношения в Хакасии: результаты социологического исследования по теме «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1997) / отв. ред. Л. В. Анжиганова, Г. Г. Котожеков. М. ; Абакан : ХРИПКиПРО Роса. 51 с.

Население отдельных национальностей по уровню образования по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись насе-

ления 2002 года. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_2_04.xls (дата обращения: 20.04.2016).

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тугужекова, В. Н. (2003) Этноты Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск : Изд-во «Нонпарель». 128 с.

Попков, Ю. В., Персидская, О. А. (2014) Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7539-popkov-persidskaya.html (дата обращения: 12.04.2016).

Попов, М. Е. (2011) Конфликты идентичностей в посттрадиционной России : автореф. дис. ... д. ф. н. Ставрополь. 58 с.

Религиозно-нравственное сознание населения Республики Хакасия: проблемы и перспективы развития (2007). Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 208 с.

Тышта, Е. В. (2013) Межнациональные отношения в Хакасии: историографический обзор // Этносоциальные проблемы регионов Сибири : сборник научных трудов. Вып. 18 / ред. О. А. Гончарова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 108 с. С. 74–80.

Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания (2006) / под ред. Л. В. Анжигановой. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 96 с.

Дата поступления: 01.05.2016 г.

REFERENCES

Avksent'ev, V. A. and Aksiumov, B. V. (2006) «Konflikt tsivilizatsii» kak smeshchennyi konflikt identichnostei. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 46–42, pp. 5–12. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M., Anzhiganova, L. V. and Nikitin, A. P. (2013) *Neotraditsionalizm v usloviakh globalizatsii*. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 103 p. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2015) Rossiiskaia natsional'naia identichnost': regional'nye osobennosti formirovaniia i perspektivy razvitiia. *V mire nauchnykh otkrytii. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, no. 3 (63), pp. 2852–2862. (In Russ.).

Balakina, G. F. (1999) Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v Tuve v transformatsionnyi period : Annotatsiia k otchetu po rezul'tatam realizatsii proekta. *Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovani* [on-line] Available at: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_138610 (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Vishnevskii, A. G. (1998) *Serp i rubl' : Konservativnaia modernizatsiia v SSSR*. Moscow, OGI. 432 p. (In Russ.).

Giddens, E. (2004) *Uskol'zaiushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'*. Moscow, Ves' mir. 116 p. (In Russ.).

Gellner, E. (2002) Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa. In: *Natsii i natsionalizm*, ed. B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh et al.; transl. L. E. Pereiaslavitseva, M. S. Panin and M. B. Gnedovskii. Moscow, Praksis. 416 p. Pp. 146–200. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2010) Etnichnost' v sovremennom obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no. 1, pp. 429–442. (In Russ.).

Zhiteli Khakasii o svoei zhizni: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia po teme: «Sostoianie mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniiakh massovogo soznaniia» (1994). Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 72 p. (In Russ.).

Malakhov, V. (2001) *Skromnoe obaianie rasizma*. Moscow, Dom Intellektual'noi Knigi & Modest Kolerov. 172 p. (In Russ.).

Mezhnatsional'nye otnosheniia v Khakasii: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia po teme «Sostoianie mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniiakh massovogo soznaniia» (1997), ed. L. V. Anzhiganova and G. G. Kotozhekov. Moscow, Abakan, KhRIPKiPRO Rosa. 51 p. (In Russ.).

Naselenie ot del'nykh natsional'nostei po urovniu obrazovaniia po sub'ektam Rossiiskoi Federatsii. *Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 goda* [online] Available at: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_2_04.xls (access date: 20.04.2016). (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Kostiuk, V. G. and Tuguzhekova, V. N. (2003) *Etnosy Sibiri v usloviakh sovremennykh reform (sotsiologicheskaiia ekspertiza)*. Novosibirsk, Nonparel'. 128 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Persidskaia, O. A. (2014) Sravnitel'noe issledovanie etnosotsial'nykh protsessov i etnonatsional'noi politiki v regionakh Sibiri. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 4 [on-line] Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7539-popkov-persidskaya.html (access date: 12.04.2016). (In Russ.).

Popov, M. E. (2011) *Konflikty identichnostei v posttraditsionnoi Rossii : avtoreferat dissertatsii ... doktora filosofskikh nauk*. Stavropol'. 58 p. (In Russ.).

Religiozno-nravstvennoe soznanie naseleniia Respubliki Khakasiia: problemy i perspektivy razvitiia (2007). Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 208 p. (In Russ.).

Tyshta, E. V. (2013) Mezhnatsional'nye otnosheniia v Khakasii: istoriograficheskii obzor. In: *Etnosotsial'nye problemy regionov Sibiri : sbornik nauchnykh rabot*, vol. 18, ed. O. A. Goncharova. Gorno-Altaysk, RIO GAGU. 108 p. Pp. 74–80. (In Russ.).

Etnosotsial'naia situatsiia v Respublike Khakasiia v otsenkakh i predstavleniakh massovogo soznaniia (2006), ed. L. V. Anzhiganova. Abakan, Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 96 p. (In Russ.).

Submission date: 01.05.2016.

Библиографическое описание статьи:

Аксиутин Ю. М. Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Aksiutin Yu. M. Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/100> (accessed: ...).

МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

THE PROFILE OF CONTEMPORARY ETHNONATIONAL POLICY IN THE REPUBLIC OF ALTAI

**Ольга А. Персидская,
Светлана А. Мадюкова**

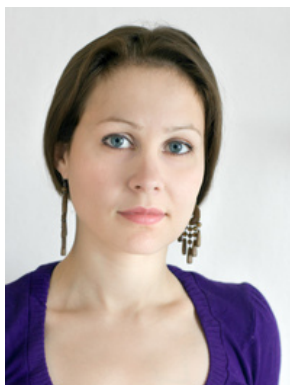
Институт философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук

**Olga A. Persidskaia,
Svetlana A. Madiukova**

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

В статье определена региональная модель современной этнонациональной политики в Республике Алтай (РА) с учетом как региональной специфики этносоциальных процессов, так и конкретной деятельности органов власти в области национальной политики. Модель этнонациональной политики содержит структурную и процессуальную составляющие.

Элементами структурной модели выступают законодательные и исполнительные органы власти, общественные и родовые организации. Органы власти РА имеют установку на сохранение статуса республики путем укрепления единства алтайского народа. При этом они стремятся сохранить статус коренных малочисленных народов Севера

The article defines the regional model of contemporary ethnonational policy in the Republic of Altai (RA), taking into account both the regional details of ethnosocial processes and the particularities of the ethnic policy

pursued by the authorities. The model includes structural and procedural components.

Structural elements of the model are the legislative and executive institutions of power, public and kinship organizations. One of the priorities for the

Persidskaia Olga Alekseevna — младший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, к. 408. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: olga_alekseevna@mail.ru

Madiukova Svetlana Aleksandrovna — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, к. 408. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: sveiv7@mail.ru

Persidskaia Olga Alekseevna, Junior Research Fellow, Sector of ethnosocial studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, Russian Federation 630090. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: olga_alekseevna@mail.ru.

Madiukova Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, Research Fellow, Sector of ethnosocial studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, Russian Federation 630090. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: sveiv7@mail.ru

за рядом субэтнических групп алтайцев для получения федеральной материальной поддержки в соответствии с федеральным законодательством. Ключевыми векторами деятельности органов власти региона названы: деятельность по гармонизации межэтнических отношений, сохранению традиционной культуры и этнокультурного многообразия народов, языковая политика, координация культурно-развлекательной деятельности, курирование работы музеев, развитие национальных видов спорта. Важная часть структурной модели — гражданское самоуправление, реализуемое в трех типах общественных организаций с разными целями: консолидация алтайцев как единого этноса; отстаивание интересов коренных малочисленных народов (алтайских субэтносов); возрождение родовых организаций (зайсаната). Процессуальная модель этнонациональной политики в ее динамическом проявлении опирается на специфический региональный фундамент: полиэтничность населения республики, особый республиканский статус, проживание в республике представителей коренных малочисленных народов Севера, туристическая привлекательность региона.

Дана оценка эффективности этнонациональной политики в регионе, основанная на анализе данных экспертного и массового опросов, проведенных с участием авторов в Республике Алтай в 2013 и 2014 гг. Выявлено, что реализация национальной политики в РА проводится недостаточно последовательно и эффективно. Декларируемые возможности этнополитического развития народов республики не всегда соответствуют их реализации. В представлении экспертов, реализуемая модель национальной политики в Республике Алтай характеризуется усилением регионального патриотизма с сохранением местных национально-культурных различий и избирательной поддержкой отдельных этнических групп.

Ключевые слова: Республика Алтай; алтайцы; региональная модель; этнонациональная политика; модель этнонациональной политики; национальная политика; полиэтничность; коренные малочисленные народы Севера; зайсанат; этнокультурное многообразие

authorities of RA is to preserve the region's status by strengthening the unity of the Altaians. At the same time, they are striving to preserve the status of indigenous peoples of the North granted to some sub-groups of the Altaians. Federal legislation provides material support to these groups.

Among the key priorities of the regional powers are harmonizing interethnic relations, preserving traditional cultures and ethnocultural diversity in the Republic of Altai, language policy, coordinating culture and entertainment, controlling museums and promoting ethnic sports. Another part of the structural element includes civil self-government implemented via three types of public institutions, each with its own interests – consolidating Altaians as a single ethnicity, protecting the interests of small indigenous peoples (sub-ethnicities of the Altaians) and the revival of kinship organization of the zaysanat. The procedural model of ethnonational policy in its dynamic unfolding rests upon the foundations of the regional society: multi-ethnicity of Altai's population, the special status of a republic within Russia, the presence of indigenous communities on its territory and the tourist appeal of the region.

In the article, we provide an assessment of how efficient the ethnonational policy is in RA. Based on both expert survey and mass opinion poll we conducted in RA in 2013-2014, our study led us to a conclusion that in RA it is not implemented consistently or efficiently enough. The declared capabilities of ethno-political development of all peoples of the regions are not always implemented in the same way. As experts believe, the model of ethnonational policy implemented in RA is characterized by the rise of regional patriotism, while preserving the ethnic and cultural differences and providing selective support to some ethnic groups.

Keywords: Republic of Altai; Altaians; regional model; ethnonational policy, model of ethnonational policy; vectors of ethnic policy; multi-ethnicity; indigenous peoples of the North; zaysanat; ethnocultural diversity

Введение

В современной России этнонациональная политика признается в качестве важной составляющей внутренней политики государства в целом. Наряду с задачей укрепления общероссийского гражданского единства не теряет актуальности развитие этнокультурного многообразия народов.

В современных социогуманитарных исследованиях обсуждается вопрос о содержании идеальной модели национальной политики. Такая «идеальная модель региональной национальной политики» разработана Центром этнополитических и региональных исследований под руководством В. И. Мукомеля: «модель включает проработанную нормативно-правовую базу региональной национальной политики, включающую концептуальное осмысление целей, задач, приоритетов и механизмов реализации национальной политики в регионе (концепцию региональной национальной политики); законодательную регламентацию программ национальной политики, процедур разработки, принятия и финансирования целевых региональных программ; разработку, принятие и реализацию региональных целевых программ национальной политики; наличие соответствующих ведомств в органах исполнительной власти региона, функцией которых является мониторинг ситуации, разработка и реализация региональной национальной политики; увязку решаемых задач национальной политики с финансовыми ресурсами и транспарентность финансовых потоков» (Сравнительный анализ действенности ... , Электр. ресурс).

Вместе с тем, в данной идеальной модели в явном виде не учитываются те ключевые факторы, которые определяют специфику реализуемой модели национальной политики в конкретном регионе. Концептуальное осмысление приоритетов и механизмов реализации региональной национальной политики в регионе невозможно без анализа и систематизации этих факторов. Фундаментом региональной модели национальной политики являются этносоциальные, этнополитические, этнокультурные процессы (процессуальная составляющая реализуемой модели). Особая структура органов власти в регионе и комплекс конкретных мер по оптимизации межэтнических отношений и реализации национальных интересов всех этнических общностей отражают структурную составляющую реализуемой региональной модели этнонациональной политики. Выявление специфической региональной модели современной этнонациональной политики в Республике Алтай, с учетом как общестратегических ориентиров, так и регионального своеобразия, является ключевой задачей данной статьи.

Ключевые факторы

Первый из факторов, определяющих специфику модели реализуемой этнонациональной политики в Республике Алтай — полиэтничность населения региона.

В Республике Алтай (далее — РА) в ходе последней переписи населения (2010 г.) зарегистрированы представители 91 национальности. Общая численность населения региона — более 200 тыс. человек. Самая многочисленная этническая группа — русские (114802 чел. — 57% от общего числа жителей республики), на втором месте — алтайцы (включая теленгитов, тубаларов и челканцев 68814 чел. — 34%), на третьем — казахи (12524 чел. — 6%) (Национальный состав ..., Электронный ресурс). Эти наиболее крупные этнические группы населения издавна соседствуют в регионе и выработали определенные практики бесконфликтного взаимодействия в условиях межэтнического сообщества.

В северных районах республики (например, г. Горно-Алтайске, Турочакском, Майминском, Чойском, Чемальском районах) большинство населения составляют русские. В центральной части Горного Алтая относительная численность алтайцев повышается, встречаются как смешанные поселения алтайцев и русских, так и моноалтайские села. В южных районах республики, например, в Улаганском, Усть-Канском и Онгудайском, большая часть жителей — алтайцы. В пограничном Кош-Агачском районе (на юге с ним граничат Монголия, Китай и Казахстан) этническое большинство представляют казахи, поселившиеся здесь в конце XIX века в период их миграций из Казахстана в Монголию (Макошева, Макошев, Апеньшева, 2007: Электр. ресурс; Бабич, 2002: 3).

При этом имеются значительные различия в распространенности и «укорененности» традиционной культуры алтайцев на территории республики. Значимыми представляются выводы А. Л. Бабич о том, что «алтайская культура ... плохо сохранилась в северной части республики ... Здесь много браков между русскими и алтайцами. Проживающие здесь алтайцы плохо знают алтайский язык, предпочитают использовать русский. При организации свадьбы или похорон они не придерживаются алтайских традиций и больше тянутся к русской и российской культуре. В большей степени алтайская традиционная культура сохраняется в южной части Горного Алтая... Обычай и народные традиции здесь функционируют и в общественном быту, ... и в семейной сфере... Южные алтайцы готовят национальную пищу, носят национальные костюмы, строят традиционные постройки (аилы) и придерживаются языческих верований. В полном объеме в этих районах используется разговорный алтайский язык» (Бабич, 2002: 3–4).

Второй фактор, влияние которого на модель этнонациональной политики сложно переоценить, это наличие в числе народов, населяющих РА, представителей коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС). Уникальность ситуации с КМНС в РА определяется двумя основными нормативно-правовыми актами: поправкой к Конституции РСФСР, преобразовавшей Горно-Алтайскую автономную область в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в 1991 г. (в 1992 г. переименована в Республику Алтай) и Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочис-

ленных народов Российской Федерации». Федеральное законодательство обусловило наличие в РА феномена двойного статуса (и, как следствие, двойственной идентичности) представителей КМНС. Тубалары, теленгиты, челканцы, кумандинцы, телеуты являются, с одной стороны, субэтническими группами алтайского народа, с другой стороны — они отнесены к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Органы власти республики имеют установку на сохранение статуса республики, который обеспечивает бюджет региона дополнительным федеральным финансированием. По заявлению Председателя Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай (далее — Эл Курултай) И. И. Белекова перед народами Алтая «стоит задача сохранить единство алтайского народа» (Предстоящая перепись стала ... , 2009: Электр. ресурс). Эта цель достижима за счет нивелирования субэтнических различий. В то же время в программных заявлениях органов власти делается обязательный акцент на необходимости сохранения КМНС в РА, в том числе для пролонгации федеральной материальной поддержки, оказываемой представителям КМНС в соответствии с законом. Стоит согласиться с Г. Б. Эшматовой, что «выделение коренных малочисленных народов... из состава алтайцев во многом остается не только в теоретическом, но и в практическом плане дискуссионным вопросом и вызывает противоречивые оценки как на уровне государственных властных структур, так и на бытовом уровне» (Эшматова, 2015: 126).

Как было отмечено выше, следствием такого двойного статуса является феномен двойственной идентичности представителей КМНС (они называют себя и алтайцами, и, например, теленгитами). Не все представители КМНС регистрируют свой статус официально. Это вызвано как трудоемкостью процедуры закрепления статуса за носителем, так и ощущением представителями КМНС себя частью алтайского этноса (Чемчиева, 2012: 181). Кроме того, часть самих алтайцев считает, что признание статуса коренного малочисленного народа за алтайскими субэтнотами ведет к этнической дифференциации, распаду этноса. По мнению местного населения, в этом случае численность титульного этноса может сократиться, а республика — лишиться статуса субъекта федерации (Персидская, Ерохина, Мадюкова, 2015: 97).

Основной круг проблем для КМНС связан с сохранением этнических культур, поддержкой здравоохранения и издательской деятельности, неурегулированностью вопросов недропользования на территориях традиционного обитания КМНС, коммерческого использования земель этих категорий и с несовершенством правоприменительной практики в сфере защиты их интересов. В 1998 г. Россия ратифицировала Рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.). В соответствии с ней государство, принявшее ее требования, обязуется создавать условия для поддержания и развития культуры и основных элементов самобытности меньшинств, не принимать мер, нацеленных на ас-

симиляцию лиц, принадлежащих к меньшинствам, вопреки их воле. Вместе с тем, законодательная база, сфокусированная на проблемах КМНС, в РА должным образом не проработана, в частности, не принят республиканский закон «О коренных малочисленных народах Республики Алтай».

Попытки решения целого комплекса проблем, связанных с жизнью представителей КМНС предпринимаются на уровне самоорганизации и самоуправления. В частности, в РА существует большое количество общественных организаций, частично или полностью включенных в Ассоциацию коренных малочисленных народов РА. Внутри данная структура не является гомогенной. Показательным примером раскола среди общественных организаций КМНС является прошедшее в феврале 2015 г. в Горно-Алтайске собрание представителей КМНС. Сами организаторы назвали его седьмым съездом Ассоциации КМНС РА. Представители же существующей ассоциации «Звонящий кедр» утверждают, что на Алтае создана новая организация КМНС. Стоит отметить, что в мероприятии участвовали 104 делегата из числа КМНС, однако представители Правительства и Эл Курултай на съезде отсутствовали. В числе наиболее актуальных задач на съезде Ассоциации были обозначены инициирование принятия республиканского закона «О коренных малочисленных народах Республики Алтай»; разработка и принятие «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Республики Алтай до 2025 гг.»; направление федеральных субсидий на поддержание КМНС РА, занимающихся традиционной хозяйственной деятельностью; участие в изменении республиканского законодательства (в соответствии с федеральным законодательством) в вопросах антропогенного загрязнения в местах некомпактного проживания КМНС; вопрос пенсионного возраста; внесение изменений в Закон РА № 47-РЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов на территории Республики Алтай» в соответствии с ФЗ № 209 о бесплатном выделении квот на охотничьи ресурсы. Кроме того, в фокусе внимания организаций КМНС оказывается издательская и фестивальная деятельность.

Однако нельзя говорить, что официальные властные структуры на региональном уровне дистанцированы от решения проблем КМНС. В республике распоряжением Правительства РА № 397-р в 2014 г. учрежден Консультативный Совет по делам коренных малочисленных народов при Главе РА, созданный с целью вовлечения представителей общественных объединений КМНС РА в процесс выработки управленческих решений в отношении коренных малочисленных народов. (В Республике Алтай ... , 2014: Электр. ресурс). Кроме того, в 2015 г. Глава республики А. В. Бердников назначил Е. В. Танзыкова советником председателя правительства и омбудсменом коренных малочисленных народов республики.

В качестве третьего фактора, определяющего специфику модели реализуемой этнонациональной политики в Республике Алтай, необходимо отметить особый республиканский статус рассматриваемого региона, утвержденный в

1991 г. По заявлению бывшего Председателя Эл Курултай (1997–2001 гг.) Д. И. Табаева, «Если бы в 1922 г. не была образована автономная область, то в 1991 г. не решился бы положительно вопрос о Республике Алтай. Если автономия для алтайцев была уютным аилом, то республика дала развитие, стала надежной защитницей интересов, сделала возможными связи с другими народами» (Табаев, 2012: 119). В Конституции РА подчеркивается благотворная роль русского народа в сохранении и развитии алтайского этноса, а также утверждается мирный характер межэтнических отношений между титульным населением республики и этническим большинством: «Добровольное вхождение алтайцев в состав России и длительное нахождение под ее юрисдикцией создали условия для сохранения исторической территории, образования государственности, сохранения национальной самобытности и принятия первой Конституции Республики Алтай» (Конституция Республики Алтай (Конституция Республики Алтай ... , Электр. ресурс).

Согласно Конституции Российской Федерации, республики признаются государствами, однако не имеют оснований на суверенитет. Республики самостоятельны в определении своих государственных языков (поэтому в регионе формально одинаковыми правами обладают два государственных языка — русский и алтайский), а также могут самостоятельно утверждать свою государственную символику и определять столицу. Согласно Положениям о государственном флаге и гербе РА, оба этих символа, с одной стороны, олицетворяют суверенитет Республики Алтай (государства) в составе Российской Федерации и мир между народами республики, а с другой — отсылают к узнаваемым традиционным символам алтайцев, тесно переплетенным с природой края (голубые полосы на флаге являются символом чистоты, неба, гор, рек и озер Алтая, а белые олицетворяют вечность, стремление к возрождению, любви и согласию народов РА; на гербе изображены гора Белуха, реки Бия и Катунь и мифический грифон Кан-Кереде с головой и крыльями птицы и туловищем льва, олицетворяющий собой священную солнечную птицу, стерегущую покой, мир, счастье, богатство родной земли (Положение о государственном флаге Республики Алтай: Электр. ресурс; Положение о государственном гербе Республики Алтай: Электр. ресурс).

Согласимся с И. В. Октябрьской и Е. В. Самушкиной, что «утверждение этнических ценностей, прежде всего титульного алтайского этноса, в государственной символике и атрибутике, в административных структурах, в системе образования, в культуре и идеологии определило особенности государственного строительства на Алтае. Обращение к традиции стало основой для структурирования этносоциального сообщества. Задачей современности, по мысли алтайской символической элиты, является сохранение национальной специфики на общем фоне процессов глобализации» (Октябрьская, Самушкина, 2006: 98).

Существенное влияние на экосферу региона, структуру экономической деятельности его жителей и этносоциальную ситуацию в целом оказывает развивающаяся в РА туристическая отрасль, которую стоит определить как четвертый фактор, определяющий специфику модели реализуемой этнонациональной политики в РА.

Для региона, главным источником дохода жителей которого всегда было сельское хозяйство, туристическая привлекательность республики открывает возможности дополнительного заработка. Это с одной стороны способствует росту экономической состоятельности домохозяйств, а с другой — становится серьезной экологической угрозой. Поскольку в республике не развитым образом современная туристическая инфраструктура, прием и размещение туристов превращается в выгодный бизнес для мелких предпринимателей. В связи с этим в общественном сознании легитимизируются практики браконьерства, нарушения законодательства в области защиты окружающей среды и историко-культурного наследия (Ерохина, Мадюкова, Персидская, 2015: 172).

Таким образом, к факторам, во многом определяющим характер этнонациональной политики в РА, стоит отнести факт исторически сложившегося мирного соседства русского, алтайского и казахского этносов и установку на межэтническую миролюбивость в целом; особый республиканский статус; проживание в республике представителей КМНС и развивающуюся туристическую отрасль. В связи с этим, в курсе региональной национальной политики актуализируются установки на сохранение алтайских традиций и на создание условий для развития КМНС при поддержании межэтнического мира и согласия.

Структурная модель этнонациональной политики в Республике Алтай

Основными функциональными компонентами структурной модели этнонациональной политики выступают как подразделения органов власти, ответственные за выработку и исполнение решений в области национальной политики, так и разнообразные формы общественных объединений граждан, оказывающие влияние на характер официальной этнонациональной политики.

Содержательный анализ законодательной базы на федеральном и региональном уровне сделан в докладе В. В. Ромашкина на круглом столе «О ходе реализации в Республике Алтай Указа Президента Российской Федерации “О стратегии государственной национальной политики до 2025 года”» (Выступление Ромашкина В. В. ... , 2015: Электр. ресурс). В частности, к основным нормативно-правовым актам, регулирующим сферу межнациональных отношений на региональном уровне, он относит Конституцию Республики Алтай, Закон Республики Алтай от 03.03.1993 № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай», Закон Республики Алтай от 06.10.2009

№ 48-РЗ «О перечне территорий компактного проживания коренных малочисленных народов в Республике Алтай», Закон Республики Алтай от 25.06.2014 № 53-РЗ «О культуре в Республике Алтай».

В структурной модели этнонациональной политики РА можно выделить несколько основных компонентов: официальные органы власти регионального уровня, ответственные за реализацию этнонациональной политики в РА, общественные и родовые организации.

В структуре официальных органов власти региона вопросы национальной политики регулируются на уровне законодательной и исполнительной власти. В высшем представительном законодательном органе государственной власти Государственного собрания — Эл Курултай есть комитеты, ответственные за этнонациональную политику. К ведению Комитета по законодательству и национальной политике отнесены вопросы реализации государственной национальной политики на территории республики, участия в проведении единой политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, разработки предложений по совершенствованию нормативной правовой базы в области национальной политики.

Комитет по образованию, культуре, спорту, молодежной политике, общественным объединениям и СМИ, осуществляющий реализацию государственной политики и нормативное правовое регулирование в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, взаимодействия с общественными и религиозными объединениями, информационной и национальной политики в СМИ и издательской деятельности.

В структуре правительства республики, олицетворяющем исполнительную власть в регионе, за «национальный вопрос» отвечает Комитет по информационной политике, межнациональным отношениям и связям с общественностью. Одна из основных задач Комитета — обеспечение необходимых условий для укрепления гражданского единства, сохранения этнокультурной самобытности народов, развития их национальных языков и культур.

В 2012 г. создан Совет по межнациональным отношениям при Главе республики, председателем которого является сам Глава РА.

Ключевые векторы деятельности органов власти в сфере национальной политики в Республике Алтай

Можно выделить несколько основных направлений деятельности органов власти в сфере национальной политики на основе анализа «Плана мероприятий по реализации в 2013–2015 годах стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Алтай» (Распоряжение Правительства Республики Алтай ... , Электр. ресурс), а также

докладов представителей властных структур на публичных мероприятиях, посвященных реализации стратегии государственной национальной политики в регионе (Об участии в Круглом столе ..., 2015: Электр. ресурс; В Чойском районе прошло ..., 2015: Электр. ресурс).

Основным таким вектором является обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межэтнических отношений. С этой целью в «Плане мероприятий...» зафиксирована необходимость проведения мониторинга состояния межнациональных отношений и раннего предупреждения межнациональных конфликтов в республике. В качестве ответственных за мониторинг в документе обозначены органы исполнительной власти.

Председатель Эл Курултай И. И. Белеков отметил в 2013 г. необходимость создать систему мониторинга межнациональных отношений (Стратегия национальной политики ..., 2013: Электр. ресурс). В этом же году было принято Постановление «Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай». Республиканским научным центром — Научно-исследовательским Институтом алтаистики им. С. С. Суразакова в 2014 г. проведен мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений (в соответствии с распоряжением «Об утверждении Комплекса мер по совершенствованию работы государственной власти Республики Алтай по предупреждению межнациональных конфликтов на 2013–2014 гг.», принятым Правительством республики). Согласно выводам мониторингового исследования, проведенного в Турочакском, Онгудайском, Усть-Коксинском и Кош-Агачском районах и в г. Горно-Алтайске, потенциальная угроза возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в обследованных районах отсутствует. Однако имеются локальные очаги напряженности, главным образом в сфере межконфессиональных отношений, вызванные отдельными случаями явного конфликта и скрытого противостояния между представителями разных религий и конфессий, в частности, бурханистами и «беловерцами» Онгудайского района, и наличие этих очагов напряженности признается органами власти как проблема (О ходе реализации в Республике ..., 2015: Электр. ресурс).

Правительство РА совместно с правоохранительными органами также ведет постоянный мониторинг возможных межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Для этой цели принято Постановление от 22 апреля 2013 г. № 110 «Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай».

Стоит отметить также деятельность Центра противодействия экстремизму Министерства внутренних дел по РА, в ведении которого находится контроль

за миграционными потоками. Хотя количество мигрантов, прибывающих в регион как из других субъектов Российской Федерации, так и из стран ближнего и дальнего зарубежья, в 2015 г. незначительно снизилось, в регионе проводится комплекс оперативно-профилактических мероприятий, по результатам которых в 2015 г. не зафиксировано имеющих общественный резонанс преступлений, совершенных на национальной почве. Осуществление проверки деятельности общественных объединений, религиозных и иных некоммерческих организаций, обмен информацией о выявлении фактов проявления экстремизма на национальной и религиозной почве со стороны указанных объединений, в том числе возможных попыток распространения экстремистской идеологии и литературы, также закреплено в «Плане мероприятий...» за МВД по РА.

Следующим вектором деятельности органов власти в регионе можно обозначить содействие сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов. В рамках данного направления большое внимание уделяется культурно-развлекательной деятельности, координируемой Министерством культуры РА, а также заинтересованными органами исполнительной власти республики. Это такие мероприятия, как Международный курултай сказителей, Межрегиональный фестиваль русского народного творчества «Родники Алтая», Республиканский народный праздник «Тюрюк-Байрам — праздник кедра», Международные театральные кочевые фестивали «Желанный берег», «Легенды синего неба — Кок Тенгри» и др. Регулярно проводятся мероприятия, приуроченные к годовщинам получения регионом статуса республики, годовщинам добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства. В «Плане мероприятий...» укрепление единства и духовной общности многонационального народа РФ (российской нации) выделено в самостоятельное направление, в ходе реализации которого предполагается содействие проведению торжественных мероприятий, приуроченных к памятным датам в истории народов России. Кроме того, Парламентом РА в свое время были приняты постановления о Дне русского языка в РА и о праздновании Дня алтайского языка. В закон «О памятных датах и праздниках Республики Алтай» включены такие праздники как «Чагаа-Байрам», «Наурыз», «Масленица», праздник Купальской ночи, «Эл-Ойын». Ежегодно в регионе проводится конкурс национального костюма, организуемый Министерством культуры РА.

Особое внимание в рамках реализации региональной национальной политики уделяется органами власти РА курированию работы музеев как значимого механизма сохранения культурного наследия этносов региона. Национальный музей имени А. В. Анохина награжден Почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» и включен в Национальный реестр «Ведущие учреждения культуры России». Также на территории региона функционирует целый ряд музеев культуры этносов, населяющих РА: Музей казахов Алтая в с. Жана-Аул Муниципальное образование

(МО) «Кош-Агачский район» с республиканским статусом, Краеведческий музей имени И.В. Шодоева в с. Усть-Кан МО «Усть-Канский район», Музей-усадыба Г. И. Чорос-Гуркина в с. Анос МО «Чемальский район», Музей алтайского сказителя Н. У. Улагашева в с. Паспаул МО «Чойский район», Музей старообрядцев Алтая им. Н. К. Рериха в с. Верх-Уймон МО «Усть-Коксинский район».

В регионе активно ведется работа по реализации языковой политики, как части этнонациональной политики. Важное значение в этом отношении имеет деятельность по укреплению позиций русского языка как значимого регионального компонента проведения единой национальной политики страны. В «План мероприятий...» включен раздел «Поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации и языков народов России», однако отметим, что список мероприятий в рамках данного раздела включает единственный пункт: «Реализация комплекса мероприятий, посвященных Дню русского языка на 2013–2016 годы», хотя данный раздел предполагает решение задач Стратегии, не только связанных с функционированием русского языка, как государственного языка Российской Федерации, но и создание оптимальных условий для сохранения и развития языков народов России. Языковые интересы титульного этноса региона — алтайцев, а также казахов, тоже учитываются и реализуются, в частности, в сфере школьного образования. Стоит отметить также ведомственную целевую программу «Развитие алтайского языка» на 2013–2015 гг. Отдельным направлением деятельности органов власти региона в рамках реализации языковой политики, является создание и регулирование свода правил для алтайских наименований географических объектов. В РА одной из проблем в этой сфере является приведение к единым стандартам географических названий, в том числе и населённых пунктов, имеющих первоначальное название на алтайском языке.

Кроме того, органами власти поддерживается развитие национальных видов спорта в регионе (соревнования по *ok jaа* (стрельба из лука), алтай шатра, гиревому спорту, алтай куреш, поднятию камня, конным скачкам и др. В спортивную часть масштабных республиканских мероприятий «Эл-Ойын», «Тюрукбайрам», «Родники Алтая», «Наурыз» также включены соревнования по национальным видам спорта).

Самостоятельным и принципиально важным вектором деятельности органов власти является комплекс вопросов, связанных с повышением качества жизни КМНС и с сохранением их культур и языков. В «Плане мероприятий...» зафиксирована необходимость всесторонней поддержки представителям КМНС региона. Обеспечение комплекса мер по сохранению здоровья представителей КМНС в РА осуществляется Министерством здравоохранения РА. Сохранение и пропаганда традиционной культуры КМНС, обеспечение традиционного образа жизни, сохранения исконной среды обитания и традиционного природополь-

зования зафиксировано в «Плане мероприятий...» и закреплено за Министерством экономического развития и инвестиций РА и Министерством культуры РА. Эти министерства осуществляют деятельность по развитию этнотуризма и экологического туризма в регионе, в том числе с участием представителей КМНС в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности. Главам муниципальных образований РА рекомендовано рассмотреть возможности выделения средств из местных бюджетов на поддержку и развитие родовых хозяйств и общин, расположенных на территории проживания КМНС, поднять качественный уровень реализации мероприятий по сохранению и пропаганде культурного наследия КМНС. Кроме того, органы власти региона взаимодействуют с общественными организациями для решения и контроля конкретных вопросов представителей КМНС, таких как проблемы в начислении пенсий, право свободной охоты для представителей КМНС в целях личной потребности и т. д.

В целях профилактики национальной нетерпимости осуществляется гражданское и патриотическое воспитание молодежи: организуются кружки технического творчества, военно-патриотические и спортивные клубы, в «Плане мероприятий...» прописана организация посещений молодежью городов-героев и городов воинской славы, объектов культурного наследия. Такого рода деятельность осуществляется министерством образования и молодежной политики РА.

Выше уже было обозначено, что проблема взаимодействий принимающего сообщества и мигрантов в регионе не стоит остро, однако координация многогранного процесса адаптации мигрантов также не упускается из виду органами власти: Министерство труда и социальной политики РА отвечает за оказание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, реализующим проекты и программы, направленные, в том числе, на адаптацию мигрантов, а Министерство культуры РА и Федеральная миграционная служба по РА координируют вопросы адаптации и интеграции мигрантов.

Ориентиры реализации национальной политики на региональном уровне формируются с учетом геополитического контекста. Укрепление межкультурного евразийского пространства подразумевается не только в рамках постсоветского пространства, но и внутри самой России. На территории Российской Федерации межкультурный диалог должен вестись в рамках цивилизационного культурного пространства. В связи с этим председателем Эл Курултай внесено предложение о создании Евразийского этнического союза Республики Алтай как организации межэтнического сотрудничества регионального уровня (В Горном Алтае определились..., 2015: Электр. ресурс), что представляется авторам одним из ключевых перспективных направлений деятельности органов власти в регионе.

Таким образом, можно сделать вывод, что вопросы национальной политики находятся в фокусе постоянного внимания республиканских органов власти,

которые в своей работе, с одной стороны, ориентируются на определенные в Стратегии государственной национальной политики РФ целевые установки, с другой стороны, исходят из региональных особенностей этносоциальной ситуации. В числе важных перспективных направлений национальной политики можно выделить укрепление межэтнического сотрудничества на территории РА, повышение эффективности практических мер по сохранению культуры и развитию КМНС, гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, пополнению кадрового состава органов власти грамотными специалистами в вопросах национальной политики. С геополитической точки зрения важное значение имеет укрепление позиций РА в евразийском экономическом и социокультурном пространстве.

Общественные организации Республики Алтай как часть структурной модели национальной политики в регионе

Общественно-политическое движение также представляет собой силу, оказывающую влияние на курс региональной национальной политики. И. В. Октябрьская и Е. В. Самушкина выделяют три основных типа общественных организаций на Алтае: первая группа представляет консолидированные интересы коренного тюркоязычного сообщества региона; кроме того, наряду с организациями, представляющими интересы титульного этноса, в общественно-политическое движение РА входят структуры, отстаивающие интересы алтайских субэтносов (такие объединения призваны возродить национальные традиции и обычаи, самобытность культуры, сохранить национальные промыслы, традиционные народные ремесла); третьим направлением являются родовые организации (подроб. см.: Октябрьская, Самушкина, 2006). Ярким примером первого типа организаций является «Курултай алтайского народа», созданный, чтобы консолидировать и выражать социальные и политические интересы алтайцев (Ябыштаев, 2012: 161).

Попытке представить алтайцев как единую гомогенную общность противостоит тенденция этнической сегментации, также явно выраженная в общественно-политическом движении республики. Это движение представлено структурами, связанными с интересами алтайских субэтносов. Выше уже отмечалось, что субэтносы Алтая делятся на две группы. К северной относят кумандинцев, челканцев и тубаларов, а к южной — алтай-кижи, теленгитов и телеутов. В РА зарегистрировано значительное число национальных общественных объединений, цель которых сводится к сохранению и развитию культуры КМНС в РА.

Интересно, что «в постсоветский период проблемы этноса и этнических иерархий в России были перенесены в сферу политики. В 1990 г. была создана Ассоциация малочисленных коренных народов Горного Алтая, куда вошли предста-

вители кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов и теленгитов. Основные положения программы Ассоциации — возрождение культурно-экологического климата этносов через создание национальных школ, прекращение уничтожения природных ресурсов в районах расселения малых народов» (Октябрьская, Самушкина, 2006: 101).

Таким образом, и на уровне самоуправления в общественных организациях вновь актуализируется вопрос о двойственности статуса КМНС в регионе.

Родоплеменные организации Республики Алтай как часть структурной модели национальной политики в регионе

Третьей частью структуры модели этнонациональной политики республики являются возрождающиеся родовые организации. Зайсанат — совет избираемых уважаемых старейшин сеоков (родов), осуществляющий функции гражданского самоуправления алтайского народа. Зайсаны принимают активное участие в мероприятиях общереспубликанского масштаба, например, в традиционных праздничных ритуалах. Престиж родовой элиты, традиционно высокий в глазах алтайцев, позволяет зайсанату регулировать такие составляющие внутриэтнической жизни, как сватовские расходы на алтайской свадьбе, нормы авункулата и экзогамии (Тадина, 2011: 295). Как считает Н. А. Тадина, «возрождение зайсаната стало возможным благодаря жизнеспособности родовой структуры с ее обычаями, действующими в семейно-родственной среде, а оттого сохранившимися в советский период. Родовая структура алтайцев остается основой этнического сознания, а возрождение зайсаната содержит надежду на возрождение ряда родовых традиций» (Тадина, 2009: 78).

Можно заключить, что общественные организации и возрождающийся институт зайсаната оказывают влияние на формирование региональной модели национальной политики в РА. Их лидеры и активисты привлекаются органами власти в структуры консультативных советов, а результаты деятельности общественных организаций учитываются органами власти. На уровне непосредственной координации деятельности этих организаций и их включения в структуры федерального уровня примером может служить состоявшаяся в июне 2015 г. встреча главы РА А. В. Бердникова с депутатом Госдумы РФ, Президентом ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Г. П. Ледковым и Л. Н. Пешперовой, президентом республиканской Ассоциации коренных малочисленных народов «Звенящий кедр» (Президент Ассоциации коренных ... , 2015: Электр. ресурс).

На уровне стратегического планирования стоит отметить задачу привлечения к работе в экспертно-консультативных органах при органах исполнительной власти РА представителей национальных общественных объединений как направле-

ние по совершенствованию государственного управления в сфере государственной национальной политики Республики Алтай в «Плане мероприятий...»

Оценка жителями эффективности этнонациональной политики в Республике Алтай

Мнение жителей региона о проводимой этнонациональной политике имеет значение для оценки ее эффективности. Анализ данных экспертного и массового опросов, проведенных в РА в 2013 и 2014 гг. с участием авторов, позволил зафиксировать восприятие жителями республики качества национальной политики. В ходе исследования были проведены серии экспертных опросов по анкете, свободные и полужформализованные интервью с экспертами. Экспертами были выбраны представители муниципальной и государственной власти РА, научная и творческая интеллигенция, работники СМИ, руководители общественных организаций. По анкете массового социологического опроса было опрошено 416 человек, проживающих в г. Горно-Алтайск, а также селах Майминского, Чемальского, Шебалинского, Кош-Агачского районов. Руководителями исследований выступили Ю. В. Попков и Е. А. Ерохина (Институт философии и права СО РАН).

По результатам массового опроса, среди русского населения половина опрошенных считают, что власть относится ко всем одинаково доброжелательно (54%). Среди казахов 58% ощущают доброжелательное отношение со стороны властей ко всем, вне зависимости от национальности. Хотя среди представителей КМНС и алтайцев доля людей, придерживающихся этого же мнения, также высока (43–44%), было зафиксировано значительное число тех, кто считает, что представителям их национальности уделяется недостаточное внимание (25% среди алтайцев и 33% среди представителей КМНС).

Зафиксированное у некоторой части населения РА недовольство осуществляемой этнонациональной политикой находит подтверждение в анализе данных другого массового опроса, опубликованных в 2004 г. Г. Б. Эшматовой: «Значительная часть опрошенных считает социально-политическую ситуацию неблагополучной, что выражается в частности, в неэффективной деятельности региональных властей, пренебрежении властью социальными потребностями населения» (Эшматова, 2004:17). Представляет интерес вывод автора о расхождении провозглашенных возможностей этнополитического развития для народов РА и реальных возможностей их реализации: «В исследовании мы попытались проследить, как отражается развитие суверенитета в массовом сознании. В этой связи представляет интерес мнение респондентов о том, способствовало ли создание республики расширению возможностей осуществления своих национальных прав. Согласно данным массового социологического опроса, лишь незначительная часть опрошенных жителей положительно отве-

тили на поставленный вопрос. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что если политически население республики получило больше возможностей для проявления своего национального самосознания, то экономически это оказалось никак не подкрепленным» (Эшматова, 2004: 20). Сравнение данных опросов позволяет предположить, что современная оценка деятельности органов власти в РА является менее критичной.

По мнению большинства экспертов (70%), принявших участие в экспертном опросе, национальный вопрос в РА не является острым. Для сравнения, больше половины экспертов выразили озабоченность состоянием национального вопроса в масштабах России, заявив, что он, по их мнению, требует немедленного разрешения.

Оценивая состояние национальной политики в РА, значительная доля — 38% экспертов заявили, что она реализуется последовательно и эффективно. Однако противоположного мнения придерживаются 46% экспертов, что не может не настораживать. Среди причин, с которыми эксперты связывают трудности в реализации эффективной этнонациональной политики в РА, было отмечено недовольство дисбалансом представленности разных национальностей во властных структурах республиканского уровня, связанное с доминированием представителей алтайского этноса. У значительного числа экспертов вызывают беспокойство ситуации, связанные с доминированием лиц одной национальности в ключевых сферах деятельности, на отдельных предприятиях и организациях. Борьба за власть на разных уровнях лидирует среди всех возможных причин, которые, по мнению экспертов, вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей.

Рассуждая о том, какой вектор развития определяет модель национальной политики, сложившуюся в РА к настоящему времени, 68% экспертов сошлись во мнении, что в ней доминируют такие черты, как усиление регионального патриотизма с сохранением местных национально-культурных различий и избирательная поддержка отдельных этнических групп. Значительное число экспертов (30%) считают, что те же самые черты будут сохранены и в будущем. Несколько большее количество (38%) полагают, что в дальнейшем произойдет отход от регионального акцента в сторону общегосударственного: модель региональной политики, по их мнению, будет характеризоваться усилением гражданского, общероссийского патриотизма и ослаблением национальных различий.

В то же время, анализ результатов опроса показал и значительное число (30%) тех, кто считает, что в будущем для национальной политики будут характерны тенденции, связанные с включенностью в процессы глобализации, интернационализации и космополитизации с относительным безразличием к этничности. В целом опрос показал, что желательным для преобладающего количества респондентов (48%) является акцентирование регионального аспекта

в модели национальной политики с сохранением локальных национальных и культурных различий и усилением регионального патриотизма наряду с общероссийским гражданским патриотизмом.

Заключение

Таким образом, представляется возможным говорить о сложившейся в Республике Алтай специфической модели реализуемой региональной этнонациональной политики. К ключевым факторам, определяющим специфику региона, отнесены полиэтничность населения, особый — республиканский — статус региона, проживание в республике представителей коренных малочисленных народов Севера, влияние туристической отрасли на эко- и этносферу региона.

С одной стороны, вопросы национальной политики находятся в фокусе постоянного внимания республиканских органов власти. С другой стороны, результаты анализа массового и экспертного опросов позволили зафиксировать некоторую неудовлетворенность жителями региона последовательностью и эффективностью проводимой этнонациональной политики. Повышение качества практических мер по сохранению культуры и развитию КМНС, гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, пополнение кадрового состава органов власти грамотными специалистами в вопросах национальной политики позволит повысить степень признания жителями региона осуществляемой в республике этнонациональной политики как качественной, эффективной и последовательной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич, И. Л. (2002) Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Т. 158. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 22 с.

В Горном Алтае определились с основами национальной политики (2015) [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. 3 июня. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1930030.html> (дата обращения 24.04.2016).

В Республике Алтай создан Консультативный Совет по делам коренных малочисленных народов (2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай». 23 июля. URL: <http://altaiinter.info/news/?id=33013> (дата обращения: 15.04.2016).

В Чойском районе прошло выездное заседание Комитета Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай по вопросам законодательства и национальной политики (2015) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Чойского района Республики Алтай. URL: choyskiy-raion.ru.

рф/index.php/2012-03-28-08-40-57/2333-v-chojskom-rajone-proshlo-vyezdnoe-zasedanie-komiteta-gosudarstvennogo-sobraniya-el-kurultaj-respubliki-altaj-povoprosam-zakonodatelstva-i-natsionalnoj-politike (дата обращения: 15.04.2016).

Выступление Ромашкина В. В. на круглом столе «О ходе реализации в Республике Алтай Указа Президента Российской Федерации “О стратегии государственной национальной политики до 2025 года”» (2015) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай. 23 июля. URL: www.elkurultay.ru/index.php?option=com_jalendar&view=articles&year=2015&month=7&day=23 (дата обращения: 15.04.2016).

Ерохина, Е. А., Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2015) Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. № 1 (58). С. 165-177.

Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (принята 7 июня 1997 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/chapter/1/#block_1111 (дата обращения: 15.04.2016).

Макошева, А. А., Макошев, А. П., Апеньшева, И. Н. (2007) Население Республики Алтай (системно-структурный анализ) [Электронный ресурс] // Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения: 22.01.2016).

Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril2_dok2.xlsx (дата обращения: 24.01.2016).

Об участии в Круглом столе на тему «О ходе реализации в Республике Алтай Указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года» (2015) [Электронный ресурс] // Управление Министерства юстиции РФ по Республике Алтай. URL: to02.minjust.ru/ru/press/news/ob-uchastii-v-kruglom-stole-na-temu-o-hode-realizacii-v-respublike-altaj-ukaza-prezidenta (дата обращения: 15.04.2016).

О ходе реализации в Республике Алтай Указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года» (2015) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай. 27 мая. URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3633:l-l-2025-r-26052015-&catid=281:q-6-&Itemid=127 (дата обращения: 15.04.2016).

Октябрьская, И. В., Самушкина, Е. В. (2006) Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX — начало XXI века) // Вестник Новосибирского государственного университета.

Серия: История, филология. Т. 5. № 3–1. С. 98–107.

Персидская, О. А., Ерохина, Е. А., Мадюкова, С. А. (2015) Проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов в условиях современных социокультурных трансформаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 13. № 3. С. 94–101.

Положение о государственном гербе Республики Алтай [Электронный ресурс] // Геральдика. URL: <http://geraldika.ru/symbols/108> (дата обращения: 15.04.2016).

Положение о государственном флаге Республики Алтай [Электронный ресурс] // Геральдика. URL: <http://geraldika.ru/symbols/106> (дата обращения 15.04.2016).

Предстоящая перепись стала причиной дебатов об этнической общности алтайцев (2009) [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтая. 21 апреля. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/2078> (дата обращения: 15.04.2016).

Президент Ассоциации коренных малочисленных народов Григорий Ледков встретился с главой Республики Алтай (2015) [Электронный ресурс] // РИААЛТАЙ. 26 июня. URL: <http://rialtai.ru/prezident-associacii-korennyx-malochislennyx-narodov-grigorij-ledkov-vstretilsya-s-glavoj-respubliki-altaj/> (дата обращения: 15.04.2016).

Распоряжение Правительства Республики Алтай от 1 ноября 2013 г. №712-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Алтай» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/32118781/> (дата обращения: 15.04.2016).

Стратегия национальной политики проваливается в Республике Алтай (2013) [Электронный ресурс] // Центр изучения региональных проблем. 1 ноября. URL: <http://www.rf-region.ru/news/1459.htm> (дата обращения: 15.04.2016).

Сравнительный анализ действенности политики в отношении национальных меньшинств в регионах Российской Федерации. Законодательство и практика регулирования прав национальных меньшинств в субъектах России [Электронный ресурс] // Центр этнополитических и региональных исследований. URL: <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/AnaDeistv.htm> (дата обращения: 15.04.2016).

Табаев, Д. И. (2012) О некоторых историко-правовых аспектах и особенностях развития автономии алтайского народа // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / под ред. М. М. Журавлёва, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова. Томск : ТГУ. 176 с. С. 116–119.

Тадина, Н. А. (2009) Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь

собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 77–81.

Тадина, Н. А. (2011) О возрожденном зайсанате как регуляторе внутреэтнической жизни алтайцев // Полевые исследования в верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25–26 ноября 2010 г. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина, Н. С. Грибановой. 2011. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет. 411 с. С. 292–296.

Чемчиева, А. П. (2012) Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН. 254 с.

Эшматова, Г. Б. (2004) Этнополитические процессы в реформируемом обществе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М. 23 с.

Эшматова, Г. Б. (2015) Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 10 / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 231 с. С. 20–127.

Ябыштаев, Т. С. (2012) О кризисе общественных отношений в Республике Алтай (на примере организации «Курултай алтайского народа») // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. № 4 (20). С. 161–164.

Дата поступления: 30.04.2016 г.

REFERENCES

Babich, I. L. (2002) *Osnovnye tendentsii postsovetskoi etnokul'turnoi politiki v Respublike Altai*. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. T. 158. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. 22 p. (In Russ.).

V Gornom Altae opredelilis' osnovami natsional'noi politiki (2015). *Informatsionnoe agentstvo REGNUM*, 3 Jun [online] Available at: <http://regnum.ru/news/polit/1930030.html> (access date: 24.04.2016). (In Russ.).

V Respublike Altai sozdan Konsul'tativnyi Sovet po delam korennykh malochislennykh narodov (2014). *Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnogo koordinatsionnogo soveta «Nash obshchii dom — Altai»*, 23 Jul [online] Available at: <http://altaiinter.info/news/?id=33013> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

V Choiskom raione proshlo vyezdnoe zasedanie Komiteta Gosudarstvennogo Sobraniia — El Kurultai Respubliki Altai po voprosam zakonodatel'stva i natsional'noi politiki (2015). *Ofitsial'nyi sait Administratsii Choiskogo raiona Respubliki Altai* [online] Available at: choiskii-raion.rf/index.php/2012-03-28-08-40-57/2333-v-shojskom-raione-proshlo-vyezdnoe-zasedanie-komiteta-gosudarstvennogo-sobraniya-el

kurultaj-respubliki-altaj-po-voprosam-zakonodatelstva-i-natsionalnoj-politike (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Vystuplenie Romashkina V. V. na kruglom stole «O khode realizatsii v Respublike Altai Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii “O strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki do 2025 goda”» (2015) *Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennogo Sobraniia — El Kurultai Respubliki Altai*, 23 Jul [online] Available at: www.elkurultay.ru/index.php?option=com_jalendar&view=articles&year=2015&month=7&day=23 (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Erokhina, E. A., Madiukova, S. A. and Persidskaia, O. A. (2015) Mezhetnicheskoe soobshchestvo Respubliki Altai: etnosotsial'nye i etnokul'turnye protsessy. *Filosofia obrazovaniia*, no. 1 (58), pp. 165–177. (In Russ.).

Konstitutsiia Respubliki Altai (Osnovnoi Zakon) (priniata 7 iiunia 1997 g.) (s izmeneniami i dopolneniami). *Sait Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [online] Available at: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/chapter/1/#block_1111 (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Makosheva, A. A., Makoshev, A. P. and Apenysheva, I. N. (2007) Naselenie Respubliki Altai (sistemno-strukturnyi analiz). *Informatsionnye obrazovatel'nye resursy GAGU* [online] Available at: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (access: 22.01.2016). (In Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniia po sub»ektam Rossiiskoi Federatsii. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [online] Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril2_dok2.xlsx (access date: 24.01.2016). (In Russ.).

Ob uchastii v Kruglom stole na temu «O khode realizatsii v Respublike Altai Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «O strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki do 2025 goda» (2015). *Upravlenie Ministerstva iustitsii RF po Respublike Altai* [online] Available at: to02.minjust.ru/ru/press/news/ob-uchastii-v-kruglom-stole-na-temu-o-hode-realizatsii-v-respublike-altaj-ukaza-prezidenta (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

O khode realizatsii v Respublike Altai Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii «O strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki do 2025 goda» (2015). *Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennogo Sobraniia — El Kurultai Respubliki Altai*, 27 May [online] Available at: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3633:1-1-2025-r-26052015-&catid=281:q-6-&Itemid=127 (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Oktiabr'skaia, I. V. and Samushkina, E. V. (2006) Obshchestvennoe dvizhenie v Respublike Altai: traditsionalizm i problema mobilizatsii etnichnosti (konets XX — nachalo XXI veka). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istorii, filologii*, vol. 5, no. 3–1, pp. 98–107. (In Russ.).

Persidskaia, O.A., Erokhina, E.A. and Madiukova, S.A. (2015) Problemy sokhraneniia i razvitiia korennykh malochislennykh narodov v usloviakh sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsii. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii*, vol. 13, no. 3, pp. 94–101. (In Russ.).

Polozhenie o gosudarstvennom gerbe Respubliki Altai. *Geral'dika* [online] Available at: <http://geraldika.ru/symbols/108> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Polozhenie o gosudarstvennom flage Respubliki Altai. *Geral'dika* [online] Available at: <http://geraldika.ru/symbols/106> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Predstoiashchaia perepis' stala prichinoi debatov ob etnicheskoi obshchnosti altaitsev (2009). *Novosti Gornogo Altaia*, 21 April [online] Available at: <http://www.gorno-altaisk.info/news/2078> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Prezident Assotsiatsii korennykh malochislennykh narodov Grigorii Ledkov vstretilsia s glavoi Respubliki Altai (2015). *RIALTAI*, 26 June [online] Available at: <http://rialtai.ru/prezident-assotsiatsii-korennykh-malochislennykh-narodov-grigoriij-ledkov-vstretilsia-s-glavoj-respubliki-altaj/> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Rasporiazhenie Pravitel'stva Respubliki Altai ot 1 noiabria 2013 g. №712-r «Ob utverzhdenii plana meropriiatii po realizatsii v 2013–2015 godakh Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda v Respublike Altai». *Sistema GARANT* [online] Available at: <http://base.garant.ru/32118781/> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Strategiia natsional'noi politiki provalivaetsia v Respublike Altai (2013). *Tsentri izucheniia regional'nykh problem*, 1 Nov. [online] Available at: <http://www.rf-region.ru/news/1459.htm> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Sravnitel'nyi analiz deistvennosti politiki v otnoshenii natsional'nykh men'shinstv v regionakh Rossiiskoi Federatsii. Zakonodatel'stvo i praktika regulirovaniia prav natsional'nykh men'shinstv subektakh Rossii. *Tsentrenopoliticheskikh regional'nykh issledovaniia* [online] Available at: <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/AnaDeistv.htm> (access date: 15.04.2016). (In Russ.).

Tabaev, D. I. (2012) O nekotorykh istoriko-pravovykh aspektakh i osobennostiakh razvitiia avtonomii altaiskogo naroda. In: *Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti* : sbornik statei, ed. by M. M. Zhuravleva, A. M. Barnashova and S. S. Kuznetsova. Tomsk, TGU. 176 p. Pp. 116–119. (In Russ.).

Tadina, N. A. (2009) Vozrozhdenie zaisanata v Respublike Altai: vzgliad skvoz' sobstvennuiu etnicheskuiu identichnost'. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 77–81. (In Russ.).

Tadina, N. A. (2011) O vozrozhdennom zaisanate kak reguliatory vnutreetnicheskoi zhizni altaitsev. In: *Polevye issledovaniia v verkhnem Priob'e i na Altae. 2010 g. Arkheologiia, etnografiia, ustnaia istoriia. Materialy VII regional'noi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu laboratorii istoricheskogo kraevedeniia, 25–26 noiabria 2010 g., ed. by M. A. Demin, T. K. Shcheglova, A. N. Telegin and N. S. Gribova. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 411 p. Pp. 292–296. (In Russ.).

Chemchieva, A. P. (2012) *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti*. Novosibirsk, Izdatel'stvo instituta arkheologii i etnografii SO RAN. 254 p. (In Russ.)

Eshmatova, G. B. (2004) *Etnopoliticheskie protsessy v reformiruemom obshchestve* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Eshmatova, G. B. (2015) Spetsifika sovremennoi etnosotsial'noi situatsii v Respublike Altai. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik*. Vol. 10, ed. Iu. V. Popkov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 231 p. Pp. 120–127. (In Russ.).

Iabyshtaev, T. S. (2012) O krizise obshchestvennykh otnoshenii v Respublike Altai (na primere organizatsii «Kurultai altaiskogo naroda»). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii*, no. 4 (20), pp. 161–164. (In Russ.).

Submission date: 30.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Персидская О. А., Мадюкова С. А. Модель современной этнонациональной политики в Республике Алтай [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Persidskaia O. A., Madiukova S. A. The profile of contemporary ethnonational policy in the Republic of Altai. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/101> (accessed: ...).

КОНЦЕПЦИИ ЭТНОСА, ЭТНИЧНОСТИ И ETHNICITY В НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЯХ РОССИИ И ЗАПАДА

Мустафа Дж. Тезич
Университет Анкары, Турция

THE CONCEPTS OF ETHNOS, ETHNICHOSS, AND ETHNICITY IN RUSSIAN AND WESTERN SCHOLARSHIP

Mustafa C. Teziç
University of Ankara, Turkey

В данной статье автор анализирует основные теоретические подходы российской этнологической (этнографической) школы в сравнении с подходами англоязычных школ. В качестве предмета исследования выбраны российские понятия «этнос» и «этничность» в сравнении с западным понятием Ethnicity. Различия между трактовками позволяют понять исследовательские акценты, которые подразумевают авторы, исследуя этнические явления и процессы в конкретных регионах, в том числе в Туве.

Сравнение трактовок основных терминов этнологии в российской и англоязычной традициях показывает разницу теоретических подходов. В российской традиции через понятие «этнос» рассматривается внутренняя структура этноса, в которой такие области и темы, как этнопсихология и этническое самосознание, становятся центральными, имеющими различные теоретические перспективы. А понятие «этничность» предполагает анализ взаимодействия и взаимоотношения между разными этническими группами и проблеме идентификации.

In this article, we analyze the main theoretical points of the Russian school of ethnology (ethnography) as compared to those advanced by English-language schools. We focus on the Russian notions of 'ethnos' and 'ethnicity' and the Western concept of 'ethnicity'. A comparative study of the differences between these notions can help us understand the emphasis researchers lay and the implications they suggest while studying ethnic processes and phenomena in particular regions of the world, including Tuva.

A comparison of the versions for basic terms of ethnology in Russian and English-speaking scholarship reveals a difference in theoretical approach. In the Russian tradition, the notion of 'ethnos' acts like a window into the internal structure of the term, moving to the fore such sub-fields with their own theoretical prospects as ethnopsychology and ethnic consciousness. At the same time, the term 'ethnicity' implies analyzing the interaction and mutual relations between various ethnic groups and the issue of their identification.

The 'ethnicity' in the Western tradition is based on self-identification and identification of the Other

Тезич Мустафа Джан — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры современных диалектов и литературы тюркского языка, Факультет языка, истории и географии, Университет Анкары, Турция. Адрес: Ankara University Rectorate, Döğol Caddesi 06100 Tandoğan, Ankara, Turkey. Эл. адрес: cantezic@yahoo.com

Teziç Mustafa Can, Candidate of Sociology, Assistant Professor, Department of Contemporary dialects of Turkish Languages and Literatures. Faculty of Language, History, Geography, University of Ankara. Postal address: Ankara University Rectorate, Döğol Caddesi 06100 Tandoğan, Ankara, Turkey. E-mail: cantezic@yahoo.com

Термин *Ethnicity* в западной традиции основан на самоидентификации и идентификации других «Мы — они» и групповом взаимоотношении. Исследователи подчеркивают, что в английском языке нет такого слова, которое соответствует понятию этнической группы. Понимание *Ethnicity* имеет три основных подхода: конструктивизм, инструментализм и примордиализм. В последние годы на Западе появилось «гибридное», синтезированное понимание, которое объединяет «примордиализм» и «конструктивизм» под названием «конструктивный примордиализм». Оно фиксирует усиление роли этнических и расовых идентичностей (примордиальные характеристики) в рамках разных социальных структур под интенсивным групповым взаимодействием.

Эти различия теоретических подходов важны прежде всего для понимания сути и конкретного содержания этнических и этносоциальных процессов представителями разных научных традиций, а также для анализа научных проблем конкретных этносов и этнических характеристик разных социумов.

Ключевые слова: этнос; этничность; *Ethnicity*; этническая группа; примордиализм, инструментализм; конструктивизм

(along the lines of the 'Us v. them' model), and on relations within a group. Researchers emphasize the fact that the English language lacks a specific word for 'ethnic group'. 'Ethnicity' can be treated according to any of the three major approaches – in a constructivist, instrumentalist or primordialist way, although recently Western scholarship witnessed the rise of a 'hybrid', synthesizing view which unites the primordialist and constructivist strands under the name of 'constructive primordialism'. This trend witnesses the increased importance of ethnic and even racial identities (which are features of the primordial approach) within various social structures where intense group interaction happens.

These differences between theoretical approaches are primarily important for understanding how the essence and particularities of ethnic and ethnosocial processes are interpreted by various research traditions. It is also helpful for analyzing issues typical for particular ethnic entities and ethnic features within societies.

Keywords: ethnos; 'ethnicity'; ethnicity; ethnic group; primordialism; instrumentalism; constructivism

Введение

В постсоветской российской этнологической науке стало возможным наблюдать терминологическую смешанность. С начала 1990-х годов в российских учебных материалах, научных публикациях, а также в западных работах, посвященных российской науке, появились тенденции к ре-описанию российского теоретического понимания сквозь призму западной терминологии. В рамках этой тенденции, такие ученые, как Ю. В. Бромлей и Л. Н. Гумилев были классифицированы как сторонники примордиализма, С. А. Арутюнов — в рамках инструменталистского понимания и В. А. Тишков — в рамках конструктивизма (Содохин, 2008: 83–108; Аклаев, 2008: 58–71; Banks, 1996: 17–24).

В данной статье автор анализирует основные теоретические подходы российской этнологической (этнографической) школы в сравнении с подходами англоязычных школ. В качестве предмета исследования выбраны российские понятия «этнос» и «этничность» в сравнении с западным понятием *Ethnicity*. Различия между трактовками, на наш взгляд, позволяют понять исследовательские акценты, которые подразумевают авторы, исследуя этнические явления и процессы в конкретных регионах, в том числе в Туве.

Разница и противоречие

Особенности западного (особенно британского) подхода к обсуждаемым терминам были сформулированы в русле структурного функционализма, за рамками которого остаются вопросы исторического формирования явлений. Основным термином здесь является Ethnicity (Banks, 1996: 17–24). С другой стороны, советская школа в центр внимания ставит проблематику исторического развития — этногенеза (там же), обсуждая соотношение двух понятий — «этнос» и «этничность». В этом суть концептуального расхождения между российскими и западными школами.

Исследование концептуальной разницы выявляет следующее противоречие.

В российской традиции через понятие «этнос» рассматривается внутренняя структура этноса, в которой такие области и темы, как этнопсихология и этническое самосознание, становятся центральными, имеющими различные теоретические перспективы. А понятие «этничность» предполагает анализ взаимодействия и взаимоотношения между разными этническими группами и проблему идентификации.

С другой стороны, термин Ethnicity появился в английском языке в 1950-х годах. В 1953 г. термин был внесен в Оксфордский английский словарь. При этом, по мнению исследователей, значение термина является смутным, неопределенным. Другими словами, термин Ethnicity основан на самоидентификации и идентификации других «Мы — они» и групповом взаимоотношении (Hutchinson, Smith, 1996: 4; Tonkin et al., 1996: 21–23). И Дж. До Вос (G. De Vos), и Э. Тонкин (E. Tonkin), М. Макдоналд (M. McDonald) и М. Чапман (M. Chapman) подчеркивают то, что в английском языке нет такого слова, которое соответствует понятию — ethnic group (этническая группа) или греческому термину «этнос» (De Vos, 1995).

Этничность в российской науке

Рассмотрим трактовки этничности в российской науке.

В. С. Малахов определяет «этничность», прежде всего, как коммуникационный ресурс в процессе социального взаимодействия (Малахов, 2001: 115–129). Н. Г. Скворцов выделяет три основных значения термина «этничность», это: а) форма межгруппового взаимодействия, т. е. как сторона социального взаимодействия между группами, члены которых (мы) рассматривают как культурно отличающиеся от членов других групп (они), с которыми они имеют какие-либо отношения; б) качество группы, т. е. набор характеристик или атрибутов, конституирующих этническую группу в качестве единой общности: территория, язык, историческая память в форме этноистории, общие культурные черты, самосознание, этноним и др.; в) этническая идентичность, т. е. специфическая

форма идентификации, заключающаяся в соотношении индивидом некоторых составляющих собственной определенности с рядом характеристик группы, к которой он себя причисляет (Скворцов, 2007: 130).

«Этничность», по мнению В. А. Тишкова, является формой социальной организации культурных различий. «Этничность» определяется как категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. Анализируя вопрос этнической или социальной границы, В. А. Тишков обращает внимание на то, что социальные маркеры составляют основу группового самосознания не культурных артефактов (Тишков, 2003: 60–61). И основные принципы формирования этнической группы основываются на социальном контексте и социальном отношении между разными группами. Иными словами, как и западный коллега Ф. Барт, В. Тишков полагает, что сущность этнической общности (народ, этнос) приобретает свою форму на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям. Различие между группами сопровождается обычно довольно определенными многоуровневыми и внешними представлениями о группах, имеющих тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при определении характеристик групп. В. А. Тишков продолжает: «С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они по культуре очень близки» (там же: 60–61).

В. Тишков полагает, что «этническая реальность» выражается через социальные маркеры, которые признаются в более широком поле социального взаимодействия. Эти маркеры этничности образуются на разнообразной основе: это может быть физический облик, географическое происхождение, хозяйственная специализация, религия, язык и даже такие внешние черты, как одежда или пища (там же: 61). Таким образом, определение через различие и противопоставление, по мнению автора, играет решающую роль в формировании социальных маркеров (там же: 231).

Ethnicity в западной науке

Аналогично это взаимоотношение наблюдается в западном термине *Ethnicity*, который делится на три основных подхода, такие как: конструктивизм, инструментализм и примордиализм. В то время как сторонники инструменталистского подхода рассматривают этничность как инструмент, использующийся для того, чтобы добиться тех или иных целей, сторонники конструктивизма обращают внимание на формирование демаркации в межгрупповых отношениях. В рамках конструктивизма Ф. Барт (F. Barth) представляет *Ethnicity* как когнитивный феномен, который является результатом демаркации, складывающийся в результате взаимоотношения с другими группами. Основными критериями формирования этнической границы выступают самокатегоризация и категоризация других в изменяющейся социальной обстановке (Barth, 1969: 17).

Термин «примордиализм» был введен в 1957 г. американским социологом Э. Шилзом (E. Shils) и использован в связи с определением сути этнической группы. В рамках примордиализма она определяется как изначальное свойство человеческого общества и человеческой культуры (Shils, 1957: 130–145). В примордиализме есть два основных подхода. Социобиологический подход Ван ден Берге (Van Den Berghe, 1987) признает этническую группу формой расширенного кровного родства, а эволюционно-исторический подход Дж. Гиртца (Geertz, 1963) отдает приоритет культурным признакам.

Можно предположить, что примордиализм рассматривает явление этнической группы и в этом отношении он близок к российскому концепту «этнос»; но в рамках понятия Ethnicity, западный примордиализм более сфокусирован на роли примордиальных особенностей в групповом отношении как отличающем факторе. Например: не смотря на то, что Ван ден Берге в своей книге «Этнический феномен» определял этническую группу как группу с «кровнородственной связью», он исследовал проблему в рамках этнических взаимоотношений в колониальной империи (colonial empire), в условиях рабства (slavery), посредническом меньшинстве (Middleman Minorities), кастах (caste), особых форм корпоративизма Consociationalism (Van Den Berghe, 1987: 85–214).

В последние годы на Западе появилось «гибридное», синтезированное понимание, которое объединяет «примордиализм» и «конструктивизм» под названием «конструктивный примордиализм». Оно фиксирует усиление роли этнических и расовых идентичностей (примордиальные характеристики) в рамках разных социальных структур под интенсивным групповым взаимодействием (Cornell, Hartmann, 2004: Электр. ресурс). Похожий термин «конструированный примордиализм» используется А. Аппадурай (A. Appadurai) в рамках социального конструкционизма (Appadurai, 2003).

Этнос, этничность и этническое самосознание в российской науке

В российской науке близкий подход разработывает З. В. Сикевич. По ее мнению, особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности формируется на основе биосоциального и биогенетического единства и появляется в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве. То есть этничность не существует вне сравнения, вне коммуникации (Сикевич, 1996: 7–8). В итоге, этничность приобретает форму социального взаимодействия и взаимоотношения, обосновывающей групповые различия «мы» и «они».

По мнению А. П. Содохина, «этничность» преобразуется в социальную категорию, которая основана на понятии «вера» (Содохин, 2008: 99). Если понятие «вера» формирует этническую реальность, которая преобразует социальные

маркеры в групповые характеристики, для того чтобы понять это преобразование, нужно исследовать термины этноса и этнического самосознания. В российской науке, проблемы этих двух категорий обсуждаются с разных методологических подходов.

В начале XX века один из первых российских теоретиков, С. М. Широкогоров представлял этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп (Широкогоров, 1923: 5–6).

В настоящее время М. Н. Росенко определяет понятие «этнос» как исторически сложившуюся устойчивую биосоциальную общность людей, характеризующуюся специфическими биологическими и социальными особенностями: общностью языка, культуры и психологии, а также сознанием своей общности и самосознанием. Этносу, по ее мнению, присущи общность происхождения, исторического прошлого, общие традиции, обычаи, нормы поведения, обряды, привычки, наличие специфических механизмов передачи от поколения к поколению навыков и способов жизнедеятельности народов во всех сферах общественных отношений (Росенко, 2007: 132).

В российской теории этноса проблемы внутреннего устройства группы и психологическая стабильность исследуются учеными Н. Н. Чебоксаровым (Чебоксаров, 1967) и С. А. Арутюновым (Арутюнов, 1989) в рамках информационной концепции этноса. Эта концепция базируется на предположении, что все этнические общины основаны на механизме информационных связей, которые могут существовать в виде различных форм коммуникаций: речь, показ, подражание (Собохин, 2008: 105–107).

Проблема этногенеза и формирования самосознания в российской науке исследуется на основе двух противоречивых теорий. В. И. Вернадский, В. П. Казаначеев и Л. П. Гумилев писали о роли человеческой деятельности в ходе этногенеза. С другой стороны, Ю. В. Бромлей и его коллеги утверждают о влиянии объективных факторов на формирование этнического самосознания. Особый интерес в работах В. И. Вернадского и его последователя В. П. Казаначеева представляет изучение в единстве природы и разума. По мнению ученых, взаимодействие природы и человека в разумной деятельности становится определяющим фактором развития общества (Бочкарев, 2008: 19, 30–33). Пассионарная теория этноса Л. Н. Гумилева рассматривает проблему этноса как биофизическую реальность и определяет как формирование естественно сложившегося на основе оригинального стереотипа поведения коллективов людей (Гумилев, 2006). Биохимическая энергия – «пассионарная энергия», которая требуется для адаптации человечества к ландшафту, является одной из центральных проблем у Л. Н. Гумилева. (там же: 33–45).

В российской науке, термины «этнос» и «этническое самосознание» также исследуются в рамках дуалистической теории этноса Ю. В. Бромлея. Согласно данной теории, проблема рассматривается в рамках определения «этнос» как исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнониме), и соблюдением принципа эндогамии. В широком смысле под этносом имеется в виду этносоциальный организм (ЭСО), который означает существование этноса в рамках государства, то есть политической общности.

Проблема этнического самосознания занимает значительное место в работах Ю. В. Бромлея и его коллег. Здесь понятие этнического самосознания рассматривается как «вторичное производное от объективных и культурно-психических факторов» (Бромлей, 1981: 16).

Н. Н. Чебоксаров определяет явление «этническое самосознание» таким образом: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности, выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание, как правило, связывается с определенным названием общности» (Чебоксаров, 1967: 99).

С другой стороны, В. И. Козлов рассматривает этническое самосознание в качестве основного признака этнической общности. Он пишет: «Признак самосознания этнической принадлежности или национального самосознания был вновь отвергнут как “субъективный”. При этом отмечалось, что в содержании понятия “национальное самосознание” в качестве его составного компонента, наряду с идеологическим элементом, включается и психологический — чувство национальной, этнической принадлежности. Этот психологический элемент национального самосознания входит в четвертый признак нации» (Козлов, 1974: 83).

Ю. В. Бромлей утверждает, что самосознание является основанием для взаимной идентификации членов этноса. Вместе с тем оно выступает не только как выражение этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам. Этнос продолжает существовать, пока сохраняется этническое самосознание, даже в случае культурных и материальных ассимиляций, считает Ю. В. Бромлей (Бромлей, 1981: 25). Этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах (Бромлей, 1973: 97).

Следовательно, для определения этноса этническое самосознание и этническая самоидентификация порой являются не только необходимыми, но и достаточными признаками. Е. М. Колпаков в своей статье «Этнос и этничность», ссылаясь на М. В. Крюкова, утверждает, что «в процессе дезинтеграции, этнос продолжает существовать до тех пор, пока не перестает осознавать себя как таковым. Трансформирующиеся этносы могут утратить все свои объективно прослеживаемые признаки, но представление о единстве и “самости” группы исчезает в последнюю очередь. В таком случае, анализ этничности должен базироваться, прежде всего, на определении специфики самосознания и самоидентификации народов» (Колпаков, 1995: 14). В то время как М. В. Крюков считает, что «этническое самосознание является субъективным отражением объективно существующей общности по этим признакам», Е. М. Колпаков утверждает, что наоборот, они потому и становятся этническими признаками, что осознаются людьми как таковые (Колпаков, 1995: 17).

Заключение

Сравнение трактовок основных терминов этнологии в российской и англоязычной традициях показывает разницу теоретических подходах. В то время как российская школа, имея исторические перспективы, ставит этногенез в основу внимания исследования, англоязычный подход основан на структурном функционализме и обобщении эмпирических данных. Понятия «этнос», «этничность» и Ethnicity имеют разные значения. Так, если российский термин «этничность» соответствует термину Ethnicity, то в английском языке нет термина, который соответствует российскому термину «этнос».

Эти различия важны прежде всего для понимания сути и конкретного содержания этнических и этносоциальных процессов представителями разных научных традиций, а также для анализа научных проблем конкретных этносов и этнических характеристик разных социумов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акляев, А. Р. (2008) Этнополитическая конфликтология анализ и менеджмент : учебное пособие. 2-е изд. М.: Издательство «Дело». 471 с.

Арутюнов, С. Л. (1989) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука. 247 с.

Бочкарев, А. И. (2008) Фундаментальные основы этногенеза : учебное пособие. М. : Флинта ; МПСИ. 464 с.

Бромлей, Ю. В. (1981) Современные проблемы этнографии : очерки и истории. М.: Наука. 390 с.

Бромлей, Ю. В. (1973) Этнос и этнография. М. : Наука. 281 с.

Гумилев, Л. Н. (2006) Этногенез и биосфера земли. М. : Аст ; Астрель. 510 с.

Козлов, В. И. (1974) Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. № 2. С. 79–92.

Колпаков, Е. М. (1995) Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. № 5. С. 13–23.

Малахов, В. С. (2001) Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Брилл Олкотт и И. Семенова. М. : Гендальф. 150 с. С. 115–137.

Росенко, М. Н. (2007) Этнос // Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник / под ред. М. Н. Росенко. СПб.: Петрополис. 171 с. С. 132–135.

Содохин, А. П. (2008) Этнология. М.: Градарики. 285 с.

Скворцов, Н. Г. (2007) Этничность // Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник / под ред. М. Н. Росенко. СПб.: Петрополис. 171 с. С.130.

Сикевич, З. В. (1996) Этнический фактор в политических процессах современной России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. СПб.

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 543 с.

Чебоксаров, Н. Н. (1967) Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. № 4. С. 94–104.

Широкогоров, С. М. (1923) Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай. 67 с.

Appadurai, A. (2003) Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization. London : University of Minnesota Press. ISBN-13 9780816627936

Banks, M. (1996) Ethnicity: Anthropological Constructions. London: Routledge. 210 p.

Barth, F. (1969) Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference. Boston: Little Brown. 153 p.

Cornell, S., Hartmann, D. (2004) Conceptual Confusions and Divides: Race, Ethnicity, and the Study of Immigration [Электронный ресурс] // Not Just Black and White: Historical and Contemporary Perspectives on Immigration, Race, and Ethnicity in the United States / ed. by N. Foner, G. M. Fredrickson. Russell Sage Foundation. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610442114.6> (дата обращения: 12.02.2016).

De Vos, G. A. (1995) Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation — The Role of Ethnicity in Social History // Ethnic identity: Creation, conflict, and accommodation.

3rd ed. / ed. by L. Rosmanucci-Ross, G. A. De Vos, T. Tsuda. Walnut Creek, CA, US: AltaMira Press. 400 p. P. 1–36.

Geertz, C. (1963) *Old societies and new states. The Quest for Modernity in Asia and Africa*. Glencoe, IL: Free Press. 310 p.

Hutchinson, J., Smith, A. D. (1996) Introduction // *Ethnicity* / J. Hutchinson and A. D. Smith (eds). Oxford, New York : Oxford University Press. 448 p. P. 3–14.

Shils, E. (1957) Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties: Some Particular Observations on the Relationships of Sociological Research and Theory // *The British Journal of Sociology*. Vol. 8. No. 2. June. P. 130–145. DOI: 10.2307/587365

Tonkin, E., McDonald, M., Chapman, M. (1996) History and Ethnicity / *Ethnicity* / J. Hutchinson and A.D. Smith (eds). Oxford, New York : Oxford University Press. 448 p. P. 24–28.

Van Den Berghe, P. L. (1987) *The ethnic phenomenon*. Greenwood publishing Group. 318 p.

Дата поступления: 12.04.2016 г.

REFERENCES

Aklaev, A. R. (2008) *Etnopoliticheskaia konfliktologiya analiz i menedzhment : uchebnoe posobie*. 2-e izd. Moscow, Izdatel'stvo «Delo». 471 p. (In Russ.).

Arutiunov, S. L. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie*. Moscow, Nauka. 247 p. (In Russ.).

Bochkarev, A. I. (2008) *Fundamental'nye osnovy etnogeneza : uchebnoe posobie*. Moscow, Flinta ; MPSI. 464 p. (In Russ.).

Bromlei, Yu. V. (1981) *Sovremennye problemy etnografii : ocherki i istorii*. Moscow, Nauka. 390 p. (In Russ.).

Bromlei, Yu. V. (1973) *Etnos i etnografiia*. Moscow, Nauka. 281 p. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (2006) *Etnogenez i biosfera zemli*. Moscow, Ast ; Astrel'. 510 p. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1974) Problema etnicheskogo samosoznaniia i ee mesto v teorii etnosa. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 79–92. (In Russ.).

Kolpakov, E. M. (1995) Etnos i etnichnost'. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 13–23. (In Russ.).

Malakhov, V. S. (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikt. In: *Iazyk i etnicheskii konflikt*, ed. by M. Brill Olcott and I. Semenova. Moscow, Gendal'f. 150 p. Pp. 115–137. (In Russ.).

Rosenko, M. N. (2007) Etnos. In: *Natsii i etnosy v sovremennom mire: Slovar'-spravochnik*, ed. M. N. Rosenko. St. Petersburg, Petropolis. 171 p. Pp. 132–135. (In Russ.).

Sodokhin, A. P. (2008) *Etnologiya*. Moscow, Gradariki. 285 p. (In Russ.).

Skvortsov, N. G. (2007) Etnichnost'. In: *Natsii i etnosy v sovremennom mire: Slovar'-spravochnik*, ed. by M. N. Rosenko. St. Petersburg, Petropolis. 171 p. P. 130. (In Russ.).

Sikevich, Z. V. (1996) *Etnicheskii faktor v politicheskikh protsessakh sovremennoi Rossii* : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi steeni doktora sotsiologicheskikh nauk. St. Petersburg. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii*. Moscow, Nauka. 543 p. (In Russ.).

Cheboksarov, N. N. (1967) Problemy tipologii etnicheskikh obshchnostei v trudakh sovetskikh uchenykh. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 94–104. (In Russ.).

Shirokogorov, S. M. (1923) *Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii*. Shankhai. 67 p. (In Russ.).

Appadurai, A. (2003) *Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization*. London, University of Minnesota Press. ISBN-13 9780816627936

Banks, M. (1996) *Ethnicity: Anthropological Constructions*. London, Routledge. 210 p.

Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference*. Boston, Little Brown. 153 p.

Cornell, S. and Hartmann, D. (2004) Conceptual Confusions and Divides: Race, Ethnicity, and the Study of Immigration. In: *Not Just Black and White: Historical and Contemporary Perspectives on Immigration, Race, and Ethnicity in the United States*, ed. N. Foner and G. M. Fredrickson. *Russell Sage Foundation* [on-line] Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610442114.6> (access date: 12.02.2016).

De Vos, G. A. (1995) Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation — The Role of Ethnicity in Social History. In: *Ethnic identity: Creation, conflict, and accommodation*. 3rd ed. , ed. L. Rosmanucci-Ross, G. A. De Vos and T. Tsuda. Walnut Creek, CA, US: AltaMira Press. 400 p. Pp. 1–36.

Geertz, C. (1963) *Old societies and new states. The Quest for Modernity in Asia and Africa*. Glencoe, IL: Free Press. 310 p.

Hutchinson, J. and Smith, A. D. (1996) Introduction. In: *Ethnicity* / J. Hutchinson and A. D. Smith (eds). Oxford, New York, Oxford University Press. 448 p. Pp. 3–14.

Shils, E. (1957) Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties: Some Particular Observations on the Relationships of Sociological Research and Theory. *The British Journal of Sociology*, vol. 8, no. 2. June, pp. 130–145. DOI: 10.2307/587365

Tonkin, E., McDonald, M. and Chapman, M. (1996) History and Ethnicity. In: *Ethnicity* / J. Hutchinson and A. D. Smith (eds). Oxford, New York : Oxford University Press. 448 p. P. 24–28.

Van Den Berghe, P. L. (1987) *The ethnic phenomenon*. Greenwood publishing Group. 318 p.

Submission date: 12.04.2016.

Библиографическое описание статьи:

Тезич М. Дж. Концепции этноса, этничности и Ethnicity в научных традициях России и Запада [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/102> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Teziç M. C. The concepts of *ethnos*, *ethnichnost'* and *ethnicity* in Russian and Western scholarship. *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/102> (accessed: ...).

Тува вчера, сегодня, завтра

Tuva yesterday, today, tomorrow

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ ТУВИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

THE TRANSFORMATION OF THE GENRES OF TUVAN FOLKLORE

(по материалам истории
рода кужугетов и
публицистики
С. К. Шойгу)

(studying the history of the
kuzhugets and S.K. Shoigu's
essays)

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Zoya B. Samdan

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

В статье исследуется тема трансформации жанров тувинского фольклора. Этот процесс с одной стороны происходит на фоне эволюционного развития фольклора и его образов, свидетельствуя об устойчивости народных традиций, духовных ценностей тувинского народа, а с другой стороны — показывает модификации тувинских мифов, легенд и преданий в современный литературный процесс. Материалом для анализа стали фольклорные предания о тувинском роде кужугет, которые достаточно присутствуют в публицистике тувинского писателя, журналиста, общественно-политического деятеля Кужугета Сереевича Шойгу (1921–2010). Его творчество впервые стало предметом для исследования с точки зрения фольклористики.

The article examines the transformation happening in the genre system of Tuvan folklore. On the one hand, this process should be viewed in the context of the evolutionary development of folklore and folklore imagery in general, which proves the resilience of traditions and spiritual values of Tuvan culture. On the other, it shows how Tuvan myths and legends are modified to fit into contemporary literature. In this

article, we analyze folklore legends of the Kuzhuget tribe which have found way into the essays by Tuvan writer, journalist and public figure Kuzhuget Sergeievich Shoigu (1921-2010). His heritage has never before been analyzed in the context of folklore studies.

Творческое наследие К. С. Шойгу в целом представляет исповедь настоящего патриота о своей малой Родине и ее людях, сюжеты произведений, образы — всё направлено и служит задачам восстановления истоков, сохранности наследия. Особый интерес представляет его эссе «Танну-Тыва. Страна озер и голубых рек», в частности сюжетная линия, раскрывающая историю жизни трех поколений рода кужуге-

K.S. Shoigu's non-fiction reads as a confession of a true admirer of his region. His imagery, the people and circumstances he describes are all focused on the author's idea of getting back to the roots and preserving Tuva's heritage. Of special interest for us is his essay 'Tannu-Tuva: The land of lakes

---

Самдан Зоя Баировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, член Союза писателей России. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4.

Samdan Zoya Bairovna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Sector of Folklore, Tuva Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Studies; Member, Union of Writers of Russia. Address: 4 Kochetov St., Kyzyl, Republic of Tyva, Russian Federation 667000.

тов: Кужугета Ак-оола — Кужугета Арапая — Кужугета Серена. Сведения, приводимые автором, подтверждаются данными историков. При этом приводимые легенды и предания отличаются сочетанием элементов достоверного и вымышленного. Распространенность подобных сюжетов подтверждается тем фактом, что тувинским фольклористам удалось зафиксировать их в нескольких вариантах от разных информантов. Например, легенда о встрече охотника с духом-хозяйкой местности, распространенная по всей Туве. Сюжет о сооружении в честь духа-хозяйки культового сооружения оваа перекликается со сведениями о реальном событии, происшедшем в 1910 г. (об освящении местности ламой). Это отражает относительно поздние события тувинской истории (жанр предания, устного рассказа). Здесь интересно переплетение реальности с верованиями. Древняя вера тувинцев в духа-хозяйку священной горы перекликается с верой в предсказание одного из высших духовных лиц буддизма.

Сохранение непрерывности исторической памяти народа через такие жанры тувинского фольклора, как легенды, предания и документальные жанры литературы (очерки, воспоминания) чрезвычайно важно, также, как важно изучение этой темы.

Ключевые слова: тувинский фольклор; кужугет; Кужугет Сереевич Шойгу; тувинская литература; тувинские легенды

and blue rivers', and in particular a story of three generations of a Kuzhuget family: Kuzhuget Ak-ool, Kuzhuget Arapai and Kuzhuget Seren. The details of the story in the essay can be proved historically, while the legends which Shoigu retells provide a combination of fact and fiction. The plots found in Shoigu's essay have been recorded in various versions from numerous informants, e.g. the story of a hunter who meets with a female tutelary spirit, which is well known all over Tuva. The plot involving the construction of ovaа (a mound of stones erected as an altar for a spirit of nature) to honor a female tutelary spirit brings back the memory of a real event which happened in 1910 and involved the consecration ceremony held by a Lama. The story corresponds to a relatively recent event in Tuvan history (via the genre of oral tale), with reality and the world of beliefs closely intertwined. The old Tuvan belief in the Mistress of the Sacred Mountain here comes bundled with a belief in the prophecy made by a high-level Buddhist cleric.

Preserving the continuity of historical memory through such genres of Tuvan folklore as legends, tales, as well as literary non-fiction (memoirs, essays, etc.) is as important as studying this issue.

Keywords: Tuvan folklore; kuzhuget; Kuzhuget Sergeievich Shoigu' Tuvan literature; Tuvan legends

Введение

2016-й год в Республике Тыва объявлен Годом тувинского гостеприимства как продолжение Года народных традиций 2015-го года. Непрерывность народных традиций, в которых отразились духовные и нравственные идеалы тувинского народа, можно проследить на примере переосмысления жанров фольклора в произведениях современной тувинской литературы. Так, например, использование фольклорных преданий в интерпретации истории рода кужугетов ярко отразилось в публицистике Кужугета Сереевича Шойгу (1921–2010), известного тувинского общественно-политического деятеля и писателя. Его литературные произведения в жанре публицистики в целом, и фольклорные истоки его творчества в частности, до сих пор не были объектом специального исследования.

В данной статье мы впервые обращаемся к публицистике К. С. Шойгу с точки зрения рассмотрения в ней литературно-фольклорных взаимосвязей. С помощью сравнительно-исторического и герменевтического методов исследования мы попытаемся проанализировать процесс модификации тувинских мифов, легенд и преданий в публицистике К. С. Шойгу. Мы также опираемся на основные положения архаизации трансформирующихся обществ на современном

этапе, предложенную Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2013). Для нашего анализа важен ее тезис о неизбежности трансформации древних традиций культуры в условиях современности: «Говоря о том, что архаика представляет собой культурное наследие древности, его первооснову, надо помнить, что архаика в периоды трансформаций не будет проявляться в неизменном виде, она также трансформируется, будучи культурным явлением...» (там же: 71).

Легенда о трех поколениях рода кужугетов

Ветеран тувинской журналистики, известный государственный деятель, взыскательный публицист К. С. Шойгу оставил читателям, особенно юным, бесценное духовное наследие в виде книг очерков, путевых заметок, эссе. В основе его творчества лежит искреннее желание передать молодому поколению духовные ценности своего народа. Эпистолярное наследие К. С. Шойгу в целом представляет исповедь настоящего патриота о своей малой Родине и его людях. Бережное отношение к своим истокам, стремление восстановить историю своего рода, сохранить преемственность поколений и нравственные идеалы предков — эти благородные задачи проходят красной нитью в творчестве К. С. Шойгу.

Особый интерес для фольклористов, например, представляет его эссе «Танну-Тыва. Страна озер и голубых рек» (Шойгу, 2004), в котором автор, воссоздавая историю своего рода, опирается на воспоминания почтенных старцев.

Некоторые из этих сведений перекликаются с легендами малой Родины К. С. Шойгу. Жанр легенды более устойчив, потому что он связан с историей реально живущих людей, родов, но чуть приукрашен дымкой народной фантазии и ореолом романтики. Легенда, как один из распространенных жанров тувинского фольклора, берущий начало от мифа, в своем историческом развитии постепенно видоизменялся. В зависимости от степени сочетания элементов чудесного и реалистического в этом жанре нередко переплетаются признаки мифа и предания. В легенде описываются события и персонажи более поздние, нежели в мифе, приуроченные к историческому времени. В своей видоизмененной форме этот жанр в тувинском фольклоре остается более устойчивым и востребованным. Поэтому легенда активно используется в произведениях современной литературы и публицистики, как благодатный источник для художественной интерпретации исторических событий и персонажей.

Читая эссе К. С. Шойгу «Танну-Тыва. Страна озер и голубых рек», ловишь себя на мысли — как органично удалось автору соединить воедино в художественную ткань произведения парадоксальные явления тувинской действительности: противоречивые страницы древней и современной истории, живописные и суровые картины родной природы, а самое главное — достоверные и в то же время романтические образы людей, в том числе и своих предков.

Особый интерес в вышеназванной книге К. С. Шойгу представляет сюжетная линия, раскрывающая историю жизни трех поколений рода кужугетов: Кужугета Ак-оола — Кужугета Арапая — Кужугета Серена (там же: 26–97). Воссоздавая историю своего рода, автор собственные воспоминания подкрепляет свидетельства очевидцев исторических событий и людских судеб. Так, судьбу бедного арата Кужугета Ак-оола автор излагает, опираясь на рассказ его внука — Кужугета Серена. Воспоминания о реально жившем человеке, переплетаясь с преданиями, основанными на людской молве, в художественной интерпретации автора эссе, превратились в реалистические рассказы с элементами легенды:

«В низовье Алаша, в местечке Алды-Мунгаш-Хыйыг, Тойлу-Кара-Суг — Нижний тупик Бурлящей воды — жил бедный арат Кужугет Ак-оол. Вся его жизнь была связана с охотой...»

(там же: 26).

Далее К. С. Шойгу повествует о перипетиях судьбы бедного охотника Ак-оола на фоне событий, происходивших на земле Тувы и Горного Алтая на рубеже XIX–XX веков: о страшной засухе в Туве в середине XIX в. и бегстве его в Горный Алтай, о странствиях Ак-оола на чужбине, о его работе табунщиком у богатого купца Н. Фунтикова, о возвращении на родину, о восстании шестидесяти беглецов и т. д.

Акцентируя на достоверность своего повествования, К. С. Шойгу пишет:

«Эта история человека из рода кужугетов, рассказывающая о межэтнических связях на земле тувинской, произошла 150 лет назад. О ней поведал мне перед смертью потомок Кужугетов, сын сына Кужугета Ак-оола старик Кужугет Серен. И Кужугет Ак-оол, и Кужугет Серен были участниками тех событий.»

Именно потому, что история племени Кужугетов поведена и передана потомками Кужугета Ак-оола из уст в уста, от отца к сыну, она представляет интерес...»

(там же: 26–27).

Легенда о том, как разбогател род кужугетов

В названном эссе К. С. Шойгу повествует об истории жизни и других известных людей из рода кужугетов. Среди них особое место занимает имя Кужугета Чудек-оола, по прозвищу Бай-хелин. В форме увлекательного диалога между лирическим героем эссе и героем-информантом — дядей К. С. Шойгу по материнской линии Кужугетом Чымба-хелином — автор раскрывает подлинную историю жизни этого знатного человека из рода кужугетов.

Сведения Чымба-хелина, служителя буддийской религии, одного из образованнейших людей своего времени, образ которого автор раскрывает с большим уважением, свидетельствуют о подлинности рассказываемых им историй. Вот что рассказал Чымба-хелин:

«... С 1850-х годов правителем рода Кужугетов был Кужугет Чудек-оол, известный по всей Туве, так как был одним из двух самых богатых людей... При этом богатство Чудек-оола исчислялось количеством лошадей в табуне, поголовье которых достигало четырех тысяч.

Об очень разбогатевшем человеке тувинцы говорят «Чыдыды баяаан», образно — «разбогател до безобразия», дословно «разбогател до вони». Поэтому богача Чудек-оола в народе прозвали Чыдыг-оол (вонючий) ... С тех пор Чудек-оола стали называть Бай-хелином — богатым хелином...»

(Шойгу, 2004: 45).

«... Говорят, главным над табунициками был Кужугет Маай... Он принадлежит к вашему аймаку. Ваш предок, отец вашего прадедушки Кужугет Маай был родным братом Бай-хелина... Говорят, это был очень дерзкий человек, над табунициками был почти как хан»

(там же: 73–74).

Как видно из вышеприведенного свидетельства, история жизни Кужугета Чудек-оола, имя которого позже обросло ореолом романтики, имеет прямое отношение к предкам Шойгу.

Легенды и предания о встрече охотника из рода кужугетов с духом-хозяйкой священной горы Бай-Тайга, прототипом которого стал Бай-хелин, отличаются сочетанием в их сюжетике элементов достоверного и вымышленного.

Эти сюжеты особенно интересны, конечно, для фольклористов. И вот почему. Распространенность подобных сюжетов подтверждается тем фактом, что тувинским фольклористам удалось зафиксировать их в нескольких вариантах от разных информантов.

Обычно подобные легенды и предания о встрече охотника с духом-хозяйкой местности, распространенные по всей Туве, были трансформированы от мифа, в основе которого лежат древние религиозно-мифологические представления тувинцев о вере в сверхъестественные силы различных духов-хозяев природы. Большинство мифов, легенд и преданий Бай-Тайгинского кожууна связано с образом духа-хозяйки священной горы Бай-Тайга. Среди наиболее распространенных из них сюжет о том, как разбогател род кужугетов.

Мифологический рассказ «Встреча охотника с духом-хозяйкой высокой горы» (другое название «Храбрый хоомейжи») был записан в 1955 г. самим знаменитым сказителем Монгушом Агылдыром Маскыровичем. (оригинал текста хранится в Фольклорном фонде Научного архива Тувинского института гуманитарных и социально-прикладных исследований (ФФ НА ТИГПИ), т. 17, Д. 1).

В этом сюжете сказитель повествует о необычной встрече бедного охотника с духом-хозяйкой Бай-Тайги, после которой он разбогател. Охотник этот был талантливым — умел искусно сказывать сказки, исполнять разные стили гор-

лового пения — хоомей, каргыраа. По представлениям тувинцев, если человек приглянется духу-хозяйке, то она одаривает его добычей на охоте. Зная это и встретив духа-хозяйку в облике красивой девушки, охотник исполняет ее желание. Остается с духом-хозяйкой и услаждает ее слух своими необыкновенными способностями. Дух-хозяйка не отпускала его в течение пяти дней. В благодарность за исполнение сказки и хоомея дух-хозяйка «посылает» охотнику богатую добычу. Убив маралов, «подаренных» духом-хозяйкой, охотник отправляется домой. Прощаясь с ним, она дарит ему бронзовую уздечку и недоуздок. Охотник, продав мясо, шкуру, рога маралов, покупает себе двух кобылиц, одного жеребца. Так он разбогател. В честь духа-хозяйки начал молиться недоуздку-узде.

Комментарий сказителя Монгуша Агылдыра к тексту:

«Этот охотник был родом из кужугетов. Насколько я помню, в верховьях Хемчика людей богаче, имеющих больше табунов, чем кужугеты из южной Бай-Тайги, не было. С ними роднились богачи из монгушей. Например, богачи, такие как Монгуш Хуурак-чалан. Когда человек приглянется хозяину тайги, говорят, это очень хорошо. Бедный человек сразу разбогатеет, встанет на ноги. Сказителю хозяин тайги радуется. Если на охоте нет, исполнять хоомей, сказку, будет много добычи. «Кужугеты так приглянулись хозяину тайги, что разбогатели», — такой я слышал разговор между большим сказителем Дуктуг-Бора, зятем старика Шаг-дакара, родом из Коп-Соока Бай-Тайги, и моим отцом. Они вместе друг другу рассказывали сказки. «Вот в чем польза сказки», — так беседовали между собой, я слышал»

(Мифы, легенды, ..., 2010 : 313).

Другой вариант этого сюжета под названием «Серебряная уздечка и недоуздок, подаренная духом-хозяином Бай-Тайги» был записан М. Б. Кенин-Лопсаном в 1982 г. у известного знатока Бай-Тайгинского фольклора Кужугета Балгана Ленчаевича (оригинал текста хранится в ФФ НА ТИГПИ, Т. 258, Д. 1057; опубликовано в 2013 г., см.: Кужугет Балган ..., 2013: 36–73).

Особенность этого варианта сюжета заключается в том, что здесь прямо называется имя Кужугета Чудек-оола. В отличие от других вариантов в этом предании дух-хозяин предстает в мужском облике, он встречается с женой Бай-хелина и одаривает ее серебряной уздечкой и недоуздом, после которого Кужугет Чудек-оол разбогател — поголовье лошадей в его табуне выросло до трех тысячи. Совпадение имени Бай-хелина в повествовании старожилы Бай-Тайги Б. Л. Кужугета и в воспоминании Чымба-хелина, приведенного в эссе К. С. Шойгу, подтверждает подлинность имени прототипа, вокруг которого создавался данный сюжет.

В разных вариантах одного сюжета наблюдается интересная жанровая трансформация: миф — легенда — предание — устный рассказ, в соответствии с которой происходит эволюция образа героя: мифологический образ древнего охотника — сказочный образ охотника-хоомейжи — исторический образ реально

жившего человека (Самдан, 2013: 298–302; Кужугет Балган ..., 2013: 36–77). Объединяет их мифологический образ духа-хозяйки священной горы Бай-Тайга, под покровительством которой разбогател род кужугетов.

Легенда о покровительнице священной горы Бай-Тайга

Дух-хозяйка священной горы Бай-Тайга в своей непосредственной ипостаси — в образе покровительницы всей окружающей территории, в честь которой сооружают оваа (культовые объекты, обычно в форме каменной насыпи) и проводят с древнейших времен и по сей день обряды освящения, является центральной фигурой предания «Рассказ о Бай-Тайге». Этот сюжет записан нами в 2001 г. на вершине горы Сарыг-Хая во время комплексной фольклорной экспедиции ТИГИ и Института филологии СО РАН у служителя буддийской религии, знатока тувинского фольклора, мастера-резчика, члена Союза художников РТ и РФ, Саая Когела Мижитеевича (оригинал текста хранится в ФФ НА ТИГИ, Т. 309, Д. 2203, опубликовано в 2010, см.: Мифы, легенды, ..., 2010: 274–279).

В данном предании повествуется о реальном событии, происшедшем в 1910 г., когда по приглашению духовных лиц Тувы в Коп-Соокский хурээ из Монголии прибыл VIII-й Богдо-геген, второй по сану буддийский иерарх. Настоятель Коп-Соокского хурээ Чамзы-камбы повел высокого гостя на вершину Кара-Суга, где находилась оваа освящаемой тайги.

Геген, сказав, что оваа построена не на подходящем месте, велел построить ее в местечке Хорумнуг-Кызыл Кожагар. Между тем люди, жившие вокруг Коп-Соокского хурээ, попросили Учителя освятить гору Сарыг-Хая. В местности Оттук-Даш провели освящение. После освящения геген, «поговорив» с духом-хозяйкой и обследовав эту местность, сказал, что Сарыг-Хая — это птица Хан-Херети. Одно крыло ее — местность Кара-Мээс, другое — Куу-Хая, а «голова» — Кожагар, где растет шаманская лиственница. Он сказал:

«Люди, живущие здесь, скоро с помощью мозга птицы Хан-Херети начнут мастерить что-то красивое, люди этой местности будут очень искусными, чем удивят людей всего мира»

(там же: 277).

После того как построили оваа на указанном им месте, геген поднялся на Бай-Тайгу и освятил ее. Он сказал, что хозяйка Бай-Тайги — очень красивая нарядная женщина. Он освящал многие высокогорья, а такую тайгу с женщиной-хозяйкой ни разу не видел. С тех пор люди узнали, что хозяйка Бай-Тайги — женщина. Геген определил, что эта оваа будет вечной, никогда не прекратится ее освящение, а он видит, что времена изменятся, другие оваа разрушатся, а эта до другого времени останется, будет вечной, обряды освящения будут проводиться непрерывно (там же: 274–279).

Сюжет отражает относительно поздние события тувинской истории, поэтому по жанру его можно определить как предание или устный рассказ. Однако интересно здесь переплетение реалистических элементов с мифологическими. Древняя вера тувинцев в духа-хозяюку священной горы перекликается с верой в предсказание одного из высших духовных лиц буддизма VIII-го Богдо-гегена. Почитание своих родовых святынь и вера в предсказание буддийского Учителя высокого сана показывает мирное сосуществование двух религий в сознании тувинцев — древних верований и буддизма. Открытость и гостеприимство, определяющие характер тувинцев, здесь преломлены через идею распространения буддизма в Туве.

В настоящее время, в августе 2014 г., К. М. Саая завершил строительство нового буддийского храма на том самом сакральном месте, на которое указал и освятил Богдо-геген. Тем самым предсказание Богдо-гегена сбылось спустя более 100 лет. Когел Мижитеевич, как глубоко верующий и почитающий народные традиции человек, осуществил свою давнюю мечту и выполнил благородную миссию. Исполнив нам предание об этом священном месте и построив там буддийское хурээ, он восстановил живую связь времен и на деле доказал непрерывность исторической памяти народа.

Легенда о крылатом коне Аран-Чула

Мифический конь Аран-Чула, изображающийся в тувинском фольклоре в виде летящего крылатого коня (сравните с Пегасом), в фольклоре Бай-Тайги получил вполне реалистическую интерпретацию в предании «Рассказ об Аран-Чула». Этот сюжет был записан нами во время вышеназванной фольклорной экспедиции 2001 г. у мастера-камнереза, члена Союза художников РТ и РФ Салчака Владимира Шомбуловича (оригинал хранится в ФФ НА ТИГИ, т. 309, Д. 2203, опубликован в 2010 г., см.: Мифы, легенды, ... , 2010: 278–285).

Информант рассказал нам это предание как действительную историю из жизни, но затем превратившуюся в легенду, связанную с происхождением музыкального инструмента — игил.

«Давным-давно на земле нашей Бай-Тайги и такие случаи бывали. Впоследствии они стали легендами. Одна из них — о связи между конем Аран-Чула и игилом.

Конь Аран-Чула рождается единственный раз среди десяти тысяч лошадей богатого человека благородного происхождения, имеющего предназначение от божеств-творцов к разведению скота...

Когда всадник на скакуне домой возвращался, его сильный ветер-буря настиг. Тогда конь Аран-Чула внезапно заговорил: Ты из этой бури так вырваться не сможешь. Ты таким родился среди тувинцев, ты — необычный человек. Я хочу, чтобы ты остался жив. Не надо меня жалеть. Прямо здесь убей меня, ударив в затылок, в брюхо лезь и ложись. За три дня мое тело не остынет, за три дня буря пройдет.

Потом пешком отправишься на родину...

Так выживший, оставшийся в живых парень добрался домой пешком, а в память о коне Аран-Чула смастерил игил, обтянув его кожей с конского лба, потом он начал петь.

Поэтому после этого тувинцы стали украшать гриф игила конской головой, обтягивать игил кожей с головы коня, струны игила делать из волос конской гривы-хвоста. Поэтому тувинское выражение «сила духа» связано с конем, говорят. Крылатый конь, конь Аран-Чула, имеет такую историю, поэтому эта история связана с игилом...

Поэтому самые поющие игилы у тувинцев обтянуты кожей с головы коня»

(Мифы, легенды, ..., 2010: 278–285).

В основе приведенного сюжета лежит также древний миф о вере в сверхъестественную силу божества-покровителя, под защитой которого особый человек может вывести из десятитысячного табуна одного самого быстрого скакуна... По представлению тувинцев, только избранные люди могли развести большое поголовье скота, так как это зависело от божеств-покровителей.

В данном предании образ мифического коня Аран-Чула передан через реалистический рассказ с мифологическими элементами о драматических приключениях тувинского табунщика на монгольской земле в поисках необыкновенного коня, о его бегстве и истории спасения. Рассказ заканчивается вкраплением в сюжет реалистического предания поэтической легенды о происхождении музыкального инструмента игил, которая связана с образом коня. Понятия 'сила духа', 'вдохновение' — хей-аът (букв. воздушный конь) в тувинском языке также связаны с образом коня.

Сюжет вышеприведенного предания знаменателен также тем, что записан он от истинного носителя традиционной тувинской культуры В. Ш. Салчака. Его многогранный талант — искусный мастер-камнерез, изготовитель музыкальных инструментов, виртуозный исполнитель на игиле, бызаанчы, истинный знаток фольклора, ревностный коневод-табунщик — подтверждает воплощение в жизнь идеи сакрализации образа коня и понятия хей-аът — вдохновение. Это уникальное совпадение символизирует силу веры человека в свое особое предназначение — служить искусству под покровительством божеств.

Переосмысливая легенду

Вышеприведенные параллели сюжетов из эссе К. С. Шойгу и тувинского фольклора наглядно иллюстрируют важное значение легенды, заключающейся в том, что ее основной функцией является сохранение и передача исторической памяти народа в ее непрерывном развитии.

Через призму устного поэтического творчества народа и воспоминаний очевидцев исторических событий в реалистическом изложении и художественной интерпретации публициста проходит главная сквозная идея — желание донести до потомков нравственные идеалы народа. Эта идея воплощена через ключевые сюжеты и образы, объединенные в единый поэтический цикл. Они основаны на древнем мифе о духе-хозяйке Бай-Тайги, покровительнице и защитнице рода кужугетов.

Мифический образ духа-хозяйки Бай-Тайги, романтические образы талантливого охотника, храброго табунщика, крылатого коня составляют основную сюжетную линию с разной композицией. Эти образы, сюжеты, мотивы раскрывают историю происхождения природных талантов тувинского народа. Особое почитание таких традиционных видов народного искусства, как поэтическое слово — чечен сөс, сказка — тоол, горловое пение — хөөмей, музыкальный инструмент — игил, агальматолит (резьба по камню) — чонар даш, связано с древними религиозно-мифологическими представлениями тувинцев, одухотворявших, обожествлявших силы природы, чем объясняется самобытность их психологической ментальности.

Переосмысливая легенды малой Родины семьи Шойгу, мы еще раз убеждаемся в том, насколько тесно связаны между собой история отдельного рода с судьбой и жизнью отдельных его представителей.

Особо почтительное отношение к своим истокам, истории родословной у отца перенял и Сергей Кужугетович Шойгу. В предисловии ко 2-му тому антологии «Урянхай. Тыва дептер», составителем которой он выступил, С. К. Шойгу пишет:

«У тувинского народа есть замечательная пословица: “Төрелин билбес кижин дөңгүр көк буга ышкаш” — “Кто не знает родства, тот подобен безрогому серому быку”. На мой взгляд, это означает, что даже если ты силен, как бык, все равно тебе нечем защищаться, то есть, если ты не знаешь своих предков, свою родословную, ты — бессильный человек, тебе не на кого опереться»

(Шойгу, 2007: 8).

Духовные святыни рода кужугетов, заложенные в публицистике отца, он продолжает и преумножает. Среди многих проектов, поддержанных и осуществленных в Туве семьей Шойгу, для научной общественности республики самыми ценными являются издательские, в том числе 7-томная антология «Урянхай. Тыва дептер» (Урянхай. Тыва дептер, 2007–2009), издание книги С. И. Вайнштейна «Загадочная Тува», основанная на полевых дневниках ученого (Вайнштейн, 2009); первые четыре тома серии «Жизнь замечательных людей Тувы» — Э. Б. Мижита «Максим Мунзук» (Мижит, 2014), В. Ю. Сузукей «Владимир Оскал-оол» (Сузукей, 2014), Н. М. Моллерова «Иннокентий Сафьянов» (Моллеров, 2014), Н. М. Моллерова, А. К. Канзая, Г. Ч. Ширшина и др. «Салчак Тока» (Салчак Тока, 2014) и др. Эти книги — поистине бесценный дар для многих поколений читателей.

Они, безусловно, существенно пополнили книжную сокровищницу страны, как тщательно продуманные с точки зрения системности и востребованности письменные источники об истории и людях Тувы.

Заключение

Сохранение непрерывности исторической памяти народа через такие жанры тувинского фольклора, как легенды, предания и документальные жанры литературы как очерки, воспоминания — чрезвычайно важно. Только таким образом можно не прервать преемственность поколений, сохранить подлинные традиции народа, его нравственные ценности. В этом отношении такие произведения, как эссе К. С. Шойгу «Танну-Тыва. Страна озер и голубых рек», являются бесценными письменными источниками, которые имеют большое воспитательное значение для молодежи. А совпадение сведений, описанных очевидцами, и легенд, исполненных знатоками фольклора, показывает их подлинную народность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Домашняя газета. 416 с.
- Кужугет Балган Ленчаевич — Кара-Хөлдүң мерген өгбеси [Кужугет Балган Ленчаевич — мудрый знаток Кара-Холя] (2013) / сост. Ч. С. Чондан. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». (На тув. яз.).
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества : Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.
- Мижит, Э. Б. (2014) Максим Мунзук. М. : Слово. 318 с.
- Мифы, легенды, предания тувинцев (2010) / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск : Наука. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 28). 426 с.
- Моллеров, Н. М. (2014) Иннокентий Сафьянов. М. : Слово. 320 с.
- Салчак Тока (2014) / Н. М. Моллеров, А. К. Канзай и др. М. : Слово. 540 с.
- Самдан, З. Б. (2013) Храбрый хоомейжи // Хөөмей тыва тоолдарда [Хоомей в тувинских сказках] / сост. З. Б. Самдан. Кызыл. 348 с. С. 298–302.
- Сузукей, В. Ю. (2014) Владимир Оскал-оол. М. : Слово. 320 с.
- Урянхай. Тыва дептер (2007–2009): антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово / Slovo.
- Шойгу С. К. (2007) Предисловие // Урянхай. Тыва дептер: антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово / Slovo. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — нач. XX в. 664 с. С. 8–11.

Шойгу, К. С. (2004) Танну-Тыва. Страна озер и голубых рек. М. : Редакционно-издательский Центр Ассамблеи народов России ; Издательство «Новости Тувы». 216 с.

Дата поступления: 17.03.2016 г.

REFERENCES

Vainshtein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva*. Moscow, Domashniaia gazeta. 416 p. (In Russ.).

Kuzhuget Balgan Lenchaevich — Kara-Khøldyң mergen øgbezi [Kuzhuget Balgan Lenchaevich — mudryi znatok Kara-Kholia] (2013), ed. Ch. S. Chondan. Kyzyl, Tipografiiia KTso «Anyiak». (In Tuv.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva : Tuvinskii fenomen*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2014) *Maksim Munzuk*. Moscow, Slovo. 318 p. (In Russ.).

Mify, legendy, predaniia tuvintsev (2010), ed. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan and Zh. M. Iusha. Novosibirsk, Nauka. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, vol. 28). 426 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2014) *Innokentii Saf'ianov*. Moscow, Slovo. 320 p. (In Russ.).

Salchak Toka (2014), ed. N. M. Mollerov, A. K. Kanzai, G. Ch. Shirshin and all. Moscow, Slovo. 540 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2013) Khrabryi khoomeizhi. In: *Khøømei tyva tooldarda* [Khoomei v tuvinskikh skazkakh] Kyzyl. 348 p. Pp. 298–302. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2014) *Vladimir Oskal-ool*. Moscow, Slovo. 320 p. (In Russ.).

Uriankhai. Tyva depter (2007–2009): antologiiia : in 7 vols., ed. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo / Slovo. (In Russ.)

Shoigu S. K. (2007) Predislovie. In: *Uriankhai. Tyva depter: antologiiia : in 7 vol.*, ed. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo / Slovo. Vol. 2. Plemena Saiano-Altai. Uriankhaitsy (IV v. — nach. XX v.). 664 p. Pp. 8–11. (In Russ.).

Shoigu, K. S. (2004) *Tannu-Tyva. Strana ozer i golubykh rek*. Moscow, Redaktsionno-izdatel'skii Tsentr Assamblei narodov Rossii ; Izdatel'stvo «Novosti Tuvy». 216 p. (In Russ.).

Submission date: 17.03.2016.

Библиографическое описание статьи:

Самдан З. Б. Трансформация жанров тувинского фольклора (по материалам истории рода кужугетов и публицистики С. К. Шойгу) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/103> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Samdan Z. B. The transformation of the genres of Tuvan folklore (studying the history of the kuzhugets and S.K. Shoigu's essays). *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/104> (accessed: ...).

Научная жизнь

Scientific life

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА:
ТЕХНОЛОГИИ,
ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ
И ИНФРАСТРУКТУРА»
(г. Кызыл, 14–15 октября
2015 г.)**

**Валерий О. Ооржак,
Галина Ф. Балакина**

Тувинский институт комплексного
освоения природных ресурсов
Сибирского отделения
Российской академии наук

*В статье представлен обзор работы Междуна-
родной научно-практической конференции «Ре-
гиональная экономика: технологии, экономика,
экология и инфраструктура», которая прошла с
14 по 15 октября 2015 г. в Тувинском институте
комплексного освоения природных ресурсов СО РАН
(г. Кызыл, Россия).*

*Конференция была посвящена 20-летию образо-
вания института. Цель конференции — изучение
и анализ состояния экономики Республики Тыва,
регионов Сибири и сопредельных территорий, на*

**INTERNATIONAL
RESEARCH CONFERENCE
«REGIONAL ECONOMY:
TECHNOLOGIES,
ECONOMY, ECOLOGY AND
INFRASTRUCTURE»
(Kyzyl, 14-15 Oct. 2015)**

**Valerii O. Oorzhak,
Galina F. Balakina**

Tuva Institute for Complex Development
of Natural Resources,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

*This is a review of the international research
conference «Regional economy: technologies,
economy, ecology and infrastructure» which was held
at Tuva Institute for Complex Development of Natural
Resources, Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (Kyzyl, Russia) on October 14-15.*

*The conference marked the 20th anniversary of
the Institute and aimed to analyze and discuss the
economic situation in the Republic of Tuva, other
regions of Siberia and adjacent territories. Analyzing
and debating economic, technological, environmental*

Ооржак Валерий Окпан-оолович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории региональной экономики, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов, Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А.

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (394-22) 6-62-18. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

Oorzhak Valerii Okpan-oolovich, Candidate of Economics, Senior Research Fellow, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., Kyzyl, Russian Federation 667007.

Balakina Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsional'naya St., Kyzyl, Russian Federation 667007. Tel.: +7 (394-22) 6-62-18. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

базе обсуждения и научного анализа экономических, технологических, экологических, и инфраструктурных проблем развития процессов в Республике Тыва и в сопредельных регионах, и выработка предложений по обеспечению динамичного и устойчивого развития регионов в современных условиях.

Проблематика исследований охватывала четыре основных направлений, представленных докладами на секциях: «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона», «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тувы и сопредельных территорий», «Математическое моделирование и геоинформационное картографирование природных и антропогенных процессов», «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды». В работе конференции приняли участие 98 человек, представители 19 научно-исследовательских организаций, региональных и местных (муниципальных) органов власти из России и зарубежных стран. Было заслушано и обсуждено 76 докладов.

Конференция проводилась при поддержке РФФИ (грант № 15-06-20830).

Ключевые слова: региональная экономика; ТувИ-КОПР СО РАН; экология; Тува; регионоведение; экономика Тувы; обзор

and infrastructural development issues of Tuva and neighboring regions led to suggestions of how to provide dynamic and sustainable development of a region in contemporary Russia.

The papers presented at the conference covered four main aspects: 'Building a long-term social and economic strategy for the region'; 'Geology and mineral resource potential of Tuva and adjacent regions'; 'Mathematical modeling and geoinformational mapping of natural and anthropogenic processes'; and 'Rational use of natural resources and environmental protection'. 98 participants from 19 research institutions, local and municipal power agencies from Russia and a number of other states presented 76 papers at the conference.

The conference was organized with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 15-06-20830).

Keywords: regional economy; Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources SB RAS; environmental protection; Tuva; regional studies; economy of Tuva; review

Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура», которая проводилась с 14 по 15 октября 2015 г. в Тувинском институте комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (г. Кызыл, Россия), была посвящена 20-летию образования вышеназванного института. В задачи конференции входили обмен научно-практической информацией коллег в целях изучения и анализа состояния экономики регионов, выявления причин возникновения проблем, в том числе неравномерности темпов развития. Также к задачам относились выработка предложений по решению проблем развития экономики с учетом особенностей каждого региона, определение перспектив рационального использования ресурсов на территории Центрально-Азиатского региона, выявление подходов к осуществлению важных проектов по их освоению, а также оказание методической помощи молодым ученым в планировании и осуществлении научных исследований.

В последние десятилетия Республика Тыва, как и все регионы России, переживает значительные изменения социально-экономической системы: переход

на рыночные методы хозяйствования, модернизация процессов развития, социальные реформы, совершенствование правового регулирования экономики и экологической сферы. Указанные факторы непосредственно влияют на экономическое положение региона, применяемые технологии, природную

среду и биологические объекты, что правомерно находится в центре внимания ученых, стимулирует их к поиску путей решения возникающих проблем. В связи с этим продолжает существовать потребность в обмене научными взглядами на данную проблему, что обуславливает актуальность темы конференции.

Цель конференции — изучение и анализ состояния экономики Республики Тыва, регионов Сибири и сопредельных территорий, на базе обсуждения и научного анализа экономических, технологических, экологических, и инфраструктурных проблем развития процессов в Республике Тыве и в сопредельных регионах, и выработка предложений по обеспечению динамичного и устойчивого развития регионов в современных условиях.

В ходе проведения конференции были сделаны попытки, обозначить и уточнить круг актуальных экономических, технологических, экологических, инфраструктурных и природопользовательских аспектов проблем современного приграничного региона и других территорий, привлечь внимание ученых к исследованию данной

проблематики, содействовать активному научному творчеству и профессиональному становлению молодых исследователей, выработать рекомендации по практическому осуществлению теоретических предложений.

На пленарном заседании 14 октября 2015 г. с приветствиями выступили Лебедев Владимир Ильич, д-р геол.-мин. н., научный руководитель ТувИКОПР СО РАН, Каратаева Елена Владимировна, министр экономики Республики Тыва, Баасанжап Ганцецег, Генеральный консул Монголии в г. Кызыле РФ, Хомушку Ольга Матпаевна, д-р филос. н., профессор, ректор Тувинского государственного университета.

Были заслушаны пленарные доклады следующих выступающих:

1. Балакина Галина Федоровна, д-р экон. н., заместитель директора ТувИКОПР СО РАН (доклад «Формирование стратегии развития региона в период модернизации»);

2. Лебедев Владимир Ильич, д-р геол.-мин. н., научный руководитель ТувИКОПР СО РАН (доклад «Необходимость возрождения кобальтового производства в Туве на базе освоения запасов Хову-Аксынского месторождения кобальт-арсенидных руд и техногенных отходов ГОК»);

3. Дабиев Давид Федорович, канд. экон. н., заведующий лабораторией региональной экономики ТувИКОПР СО РАН (доклад «Перспективы освоения минерально-сырьевого потенциала Тувы: подход государственно-частного партнерства»);

4. Кальная Ольга Ивановна, канд. геол. н., ТувИКОПР СО РАН (доклад «Комплексный анализ основных экологических проблем в пределах бывших и существующих горно-добывающих предприятий Республики Тыва»).

Проблематика исследований в области региональной экономики: технологии, экономики, экологии и инфраструктуры охватывала четыре основных направлений, представленных докладами в 4-х секциях конференции.

Секция 1 «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона» (руководитель секции Г. Ф. Балакина, д. э. н., зам. директора ТувИКОПР СО РАН);

Секция 2 «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тувы и сопредельных территорий» (руководитель секции А. А. Монгуш, к. г.-м. н., зам. директора ТувИКОПР СО РАН);

Секция 3 «Математическое моделирование и геоинформационное картографирование природных и антропогенных процессов» (руководитель секции А. И. Жданок, д. ф.-м. н., профессор ТувГУ);

Секция 4: «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды» (руководитель секции О. И. Кальная, к. б. н., ТувИКОПР СО РАН).

В составе оргкомитета конференции входили: В. И. Котельников, к. т. н., врио директора ТувИКОПР СО РАН; Г. Ф. Балакина, д. э. н., зам. директора ТувИКОПР СО РАН; В. О. Ооржак, к. э. н., ст. науч. сотр. лаборатории региональной экономики ТувИКОПР СО РАН (руководитель проекта); А. А. Монгуш, к. г.-м. н., зам. директора ТувИКОПР СО РАН; Д. Ф. Дабиев, к. э. н., зав. лабораторией региональной экономики ТувИКОПР СО РАН; Баасанжав Ганцецег, Генеральный консул Монголии в г. Кызыле РФ; О. И. Кальная, к. г. н., ТувИКОПР СО РАН.

В программном комитете конференции работали: В. И. Лебедев, д. г.-м. н., научный руководитель ТувИКОПР СО РАН; Г. Ф. Балакина, д. э. н., зам. директора ТувИКОПР СО РАН; А. И. Жданок, д. ф.-м. н., профессор Туvinского государственного университета; Б. К. Кара-Сал, д. т. н., профессор Туvinского государственного университета.

В работе конференции приняли участие 98 человек, представители 19 научно-исследовательских организаций, региональных и местных (муниципальных) органов власти из России и зарубежных стран. Из числа участников 19 человек (19,4%) — граждане других стран, в том числе Казахстана, Монголии, США, Южной Кореи, Китая. По ведомственной принадлежности наибольшее число участников конференции составляли сотрудники российских и зарубежных научных учреждений — 63 человека (64,3%), сотрудники и преподаватели высших учебных заведений были представлены 28 участниками (28,6%). Остальные участники (7,1%) представляли: бизнес-сообщества (ОАО, ООО) — 2 человека; региональные и муниципальные органы государственной власти — 3 человека; общеобразовательные школы — 1; дошкольные образовательные учреждения — 1 человек.

В ходе проведения заседаний конференции было заслушано и обсуждено 76 докладов. Наибольшее число докладов было представлено в секции «Рациональное природопользование и охрана окружающей среды» — 32 доклада по экологии, энтомологии, зоологии, ботанике, почвоведению. На секции «Формирование долгосрочной социально-экономической стратегии региона» заслушано 28 докладов. В работе секции «Математическое моделирование и геоинформационное картографирование природных и антропогенных процессов» было представлено 7 сообщений. На заседании секции «Геология и минерально-сырьевой потенциал Тувы и сопредельных территорий» выступили 5 докладчиков.

На секционных заседаниях очень внимательно и с большим интересом заслушивали доклады ученых, в том числе и молодых. Задавали много вопросов и высказывали конструктивные замечания, что было особенно важно для участников, которые готовятся к защитах магистерских и кандидатских диссертаций.

Анализ представленных материалов показал, что наибольшее число докладов посвящено изучению проблем социально-экономического развития регионов, в том числе приграничных, со слаборазвитой экономикой и инфраструктурой (дотационных) — 27 сообщений (35,5%). Значительную долю составляют материалы, посвященные проблемам рационального природопользования и охране окружающей среды, экологии и природопользования, сохранения особо охраняемых объектов этих территории — 24 сообщений (31,6%). Результаты исследований, посвященных проблемам геологии и минерально-сырьевого потенциала Тувы и сопредельных территорий, изучения и сохранения животных и растений, особо охраняемым природным территориям сопредельных регионов представлены в 11 докладах (14,5%). Часть докладов — 14 (18,4%) имеют общетеоретическое значение.

Конференция была организована по инициативе лаборатории региональной экономики института. Аналогичные конференции проводятся в институте с 2009 г. В этом году участники конференции приняли рекомендации проводить такие конференции один раз в два года. Конференция этого года была второй из трех проведенных в институте, отличаясь от двух других расширенным числом зарубежных участников.

В докладах участников конференции прозвучали идеи необходимости проведения систематических комплексных фундаментальных и прикладных, мониторинговых и профильных исследований по экономическим, технологическим, инфраструктурным, экологическим проблемам в Республике Тыва и сопредельных регионах с учетом специфики каждой территории.

По итогам конференции приняты соответствующие научно-теоретические и практические рекомендации, адресованные деятелям науки, Правительству Республики Тыва, Министерству экономики Республики Тыва, учреждениям науки и образования, органам власти и средствам массовой информации. В рекомендациях центральной идеей проходит мысль о мобилизации и координации сил научной общественности для дальнейшего развития научных исследований актуальных вопросов развития экономики Центрально-Азиатского региона, законодательно-правовых, инфраструктурных, технологических и экологических проблем трансграничного сотрудничества; проблем геологии и металлогении, генезиса месторождений полезных ископаемых, их промышленного освоения, переработки сырья и отходов производств; актуальных проблем изучения и сохранения биологического разнообразия водных и наземных экосистем, растительного и почвенного покрова, а также математического моделирования, геоинформационного сопровождения изучаемых явлений и процессов, позволяющих оценивать и прогнозировать их динамику. Признано актуальным изучение возможностей и целесообразности дальнейшего развития инфраструктуры Тувы, совершенствования транспортного сообщения с

трансграничными регионами Западной Монголии и Северо-Западного Китая, включая строительство железной дороги, нефте- и газопровода в регион, а также продолжение комплексного многопрофильного исследования особенностей аржаанов (минеральных источников) республики.

Правительству Республики Тува, Министерству экономики Тувы, Министерству труда и социальной политики Тувы рекомендовано начать работы по обоснованию необходимости принятия экономико-политических преференций для республики, и организации в республике зоны особого социэкологического режима природопользования как целевой экономической зоны, способной обеспечить динамичный рост экономики и доходов бюджета для решения социальных проблем. Обоснована целесообразность рассмотрения мер по ужесточению республиканского природоохранного законодательства в отношении горнодобывающих предприятий с целью минимизировать их вредное воздействие на окружающую среду; проведения комплексной экологической экспертизы проектов разработки месторождений полезных ископаемых в республике. Контролирующим органам власти предложено не допускать горнорудные компании к разработке МПИ на территории республики при отсутствии документов по анализу фонового состояния и оценке воздействия на окружающую среду.

Таким образом, представляется правомерным сделать вывод, что конференция выполнила поставленные задачи, обозначив очередной этап в исследованиях, посвященных проблемам региональной экономики: технологии, экономики, экологии и производственной и социальной инфраструктуры на территории Республики Тыва и сопредельных регионов.

Предусматривается организовать дальнейшее проведение подобных международных конференций с периодичностью один раз в 2 года. Результаты работы конференции нашли отражение в опубликованном сборнике научных материалов (см.: Региональная экономика ... , 2015: Электр. ресурс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию ТувИКОПР СО РАН (14–15.10.2015 г., Кызыл, Россия) / отв. ред. докт. экон. наук Г.Ф. Балакина. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2015. 328 с. [Электронный ресурс] // Издательско-полиграфический центр ТувИКОПР СО РАН. URL: http://ipc-publisher.ru/collections_1.aspx?id_sb=14&id_pb=200 (дата обращения: 12.02.2016).

Дата поступления: 15.12.2015 г.

REFERENCES

Regional'naiia ekonomika: tekhnologii, ekonomika, ekologiia i infrastruktura: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu TuvIKOPR SO RAN (14–15.10.2015 g., Kyzyl, Rossiia) (2015), ed. G. F. Balakina. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 328 p. *Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr TuvIKOPR SO RAN* [online] Available at: http://ipc-publisher.ru/collections_1.aspx?id_sb=14&id_pb=200 (access date: 12.02.2016).

Submission date: 15.12.2015.

Библиографическое описание статьи:

Ооржак В. О., Балакина Г. Ф. Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 14–15 октября 2015 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/104> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Oorzhak V. O., Balakina G. F. International research conference «Regional economy: technologies, economy, ecology and infrastructure» (Kyzyl, 14-15 Oct. 2015). *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/104> (accessed: ...).

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«УРЯНХАЕЦ
СУБЕДЕЙ – ВЕЛИКИЙ
ПОЛКОВОДЕЦ»
(г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.)**

**Наталья К.-К. Ховалыг,
Тамара М. Шой-Сюрюн,
Кежиктиг Н. Донгак**

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

**‘SUBUTAI OF URIANKHAI,
A GREAT MILITARY
COMMANDER’:
A ROUNDTABLE
(Kyzyl, 4 December 2015)**

**Natalia K.-K. Hovalyg,
Tamara M. Shoi-Syuryun,
Kezhiktig N. Dongak**

Tuva Institute for the Humanities and
Applied Socioeconomic Studies

В статье представлен обзор работы круглого стола «Урянхаец Субедей – Великий полководец», прошедшего в Национальном музее Республики Тыва 4 декабря 2015 г. Организатор – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Круглый стол был посвящен 840-летию монгольского полководца XII–XIII вв., соратника Чингисхана. Он был родом из урянхайцев – одной из этнических групп, составивших основу этноса тувинцев. В работе круглого стола приняли участие ведущие ученые Тувы, Бурятии, Монголии. Обсуждались вопросы истории – изучения личностей времен империи Чингисхана,

This is a review of the roundtable ‘Subutai of Uriankhai, a great military commander’ which was held at the National Museum of the Republic of Tuva on 4 December 2015 and organized by Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. The roundtable marked the 840th anniversary of Subutai, a 12th – 13th century Mongolian warlord and a comrade-in-arms of Genghis Khan. Subutai belonged to the Uriankhais, one of the ethnic groups which later gave rise to the Tuvans.

Among the attendees and participants were leading scholars from Tuva, Buryatia, Mongolia.

Ховалыг Наталья Куске-Караевна – кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник отдела маркетинга и коммуникаций Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Салчака Тока, д. 3 А.

Шой-Сюрюн Тамара Михайловна – маркетолог отдела маркетинга и коммуникаций Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Салчака Тока, д. 3А.

Донгак Кежиктиг Николаевич – системный администратор - программист отдела маркетинга и коммуникаций Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Салчака Тока, д. 3 А.

Hovalyg Natalia Kuske-Karayevna, Candidate of Chemistry, Lead Research Fellow, Department of Marketing and Communication, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 3A Salchak Toka St., Kyzyl, Russian Federation 667000.

Shoi-Syuryun Tamara Mikhailovna, Marketing manager, Department of Marketing and Communication, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 3A Salchak Toka St., Kyzyl, Russian Federation 667000.

Dongak Kezhiktig Nikolaevich, Software engineer, Department of Marketing and Communication, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 3A Salchak Toka St., Kyzyl, Russian Federation 667000.

а также популяризации исторических знаний о выдающихся личностях истории региона в деле воспитания молодых поколений.

Инициатор проведения круглого стола, д-р филол. наук, профессор К. А. Бичелдей предложил развить научное направление, связанное с изучением жизни и деятельности Субедея и дал ему название «субедеведение». Он подчеркнул тот факт, который подтвердили ученые Монголии: в науке не оспаривается вопрос этнического происхождения главного военачальника Чингисхана. Поэтому, по мнению ученого, можно считать Субедея достоянием Тувы и использовать это в воспитательных целях.

Участники собрания обменялись результатами исследований источников, в том числе «Сокровенного сказания монголов», где много сведений о Субедее. Обсудили вопрос современного художественного осмысления образа монгольского военачальника современными писателями, драматургами, художниками. Приняли резолюцию круглого стола с рядом принятых обязательств организаций Тувы по научной и популяризаторской работе.

Ключевые слова: Субедей; история Тувы; обзор; круглый стол; субедеведение; Чингисхан; Монгольская империя

Also discussed were the issues of studying historical personalities of the period of Genghis Khan's empire, as well as the methods of popularizing historical knowledge on famous people who lived in the region among contemporary youth.

The convener of the roundtable, Doctor of Philology, Professor K.A. Bicheldei suggested that research into Subutai's life should be classified as a special discipline of 'Subutai studies'. He reminded the audience that researchers now agree on the ethnic background of Genghis Khan's greatest warlord – a fact readily confirmed by the Mongolian scholars present at the roundtable. Thus Subutai can be viewed as part of the great heritage of Tuva.

The participants exchanged views on their studies of sources dealing with Subutai's life, such as 'The Secret History of the Mongols', and on its contemporary interpretations by writers, playwrights and artists. The roundtable ended with adopting a resolution which commits Tuva's research institutions to researching and popularizing the roundtable's subject.

Keywords: Subutai; history of Tuva; review; roundtable; Subutai studies; Genghis Khan; Mongol empire

4 декабря 2015 г. в конференц-зале Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва состоялся круглый стол на тему: «Урянхаец Субедей — Великий полководец». Его организатором выступил Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ). Посвящен круглый стол был 840-летию монгольского полководца XII–XIII вв., соратника Чингисхана, родом из урянхайцев — одной из этнических групп, составивших основу этноса тувинцев. Идейным вдохновителем, инициатором мероприятия выступил один из ведущих ученых республики К. А. Бичелдей, доктор филологических наук, профессор, посвятивший более двадцати лет своей жизни исследованию жизни Субедей-багатура.

Работу круглого стола открыла директор Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований М. М.-Б. Харунова. Она приветствовала собравшихся в зале, в том числе студентов, представителей науки, работников учреждений культуры и образования, а также поблагодарила работников Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва за поддержку в проведении круглого стола. Целью мероприятия было названо повышение научного интереса к исторической личности, жизни и деятельности великого полководца Субедей-багатура. «Круглый стол позволит по достоинству оценить и обогатить научные знания о роли личности Субедей-багатура в истории, и эффективно использовать их в воспитании подрастающего поколения», — отметила она.

С приветственным словом выступила ректор Тувинского государственного университета О. М. Хомушку, которая отметила необходимость проведения научных исследований, посвященных жизни и деятельности Субедея.

С основным докладом выступил доктор филологических наук, профессор, действительный член РАЕН и РАСН, министр образования и науки Республики Тыва, профессор К. А. Бичелдей. Выступление сопровождалось презентацией, демонстрацией книг, картин и сувениров из личной коллекции докладчика.

Каадыр-оол Алексеевич привел аргументы и доказательства в пользу предположения о том, что современные тувинцы являются прямыми потомками славного героя, Великого полководца, Субедей-багатура — урянхайца, не знавшего поражений, прожившего долгую, успешную, счастливую жизнь. Он подчеркнул тот факт, что вопрос урянхайского происхождения Субедей-багатура учеными Академии наук Монголии не оспаривается. В связи с этим Каадыр-оол Алексеевич призвал молодое поколение изучать историю и судьбы людей, вершивших историю, зажечь в своих сердцах огонь любопытства к истории своих предков. Он предложил считать Субедей-багатура достоянием Тувы, примером подражания для детей, подростков, юношей, мужчин молодого, среднего и старшего поколения, отцов и дедов.

Ученый также пояснил значение слова «Багатур», которое происходит от двух тюрко-монгольских слов — «буга» (бык, буйвол) + «тур» (горный козел). Двойное название, включающее наименования двух видов сильных тотемных тенгрианских животных с рогами, направленными в Вечное Синее Небо, являлось отличительным званием выдающегося воина-героя. Традиция наделять воинов такими почетными званиями была характерна древним урянхайцам. Так, словом «тур», «турхан» обычно называли смельчаков, идущих в авангарде армии, а самых мужественных и решительных возглавлявших их багатурами, т. е. богатырями.

Ученый напомнил присутствующим, что первые реальные шаги по увековечению имени Субедей-багатура были сделаны Эдуардом Мижитом, народным писателем Республики Тыва, председателем Союза писателей Тувы, членом Союза писателей России, автором драмы-эссе «Кым сен Субедей маадыр?» («Кто ты, Субедей?»). Его начинания были подхвачены Фондом им. К. С. Шойгу и депутатом Государственной Думы ФС РФ Ларисой Кужугетовной Шойгу. Они организовали и провели в 2014 г. конкурс художественных работ по созданию образа Субедей-багатура. Лучшие картины и рисунки были представлены вни-

манию участников круглого стола в фойе. Также вниманию участников круглого стола был представлен один из ценных экспонатов Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва — меч воина Кыргызского каганата Багыра, очевидно, одного из предков Субедей-багатура.

В завершение своего выступления Каадыр-оол Алексеевич предложил в 2016 г. в рамках серии «Жизнь замечательных людей Тувы», которая выходит под эгидой Русского географического общества, издать книгу «Субедей» (Проект Субедей, Электр. ресурс).

Активное участие в работе круглого стола принял специалист по религии и философии тюркомонгольских народов, большой знаток этногенеза и цивилизационной геополитики стран и народов Северо-Восточной Азии, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии кафедры востоковедения Бурятского государственного университета

Н. В. Абаев. Он рассказал участникам круглого стола об урянхайских корнях Субедей-багатура, о том, что урянхайцы делились на три большие группы: на монголоязычных хубсугульских ээдж урянхов северо-западной Монголии; тюркоязычных тагну-урянхайцев, предков современных тувинцев; исаха-урянхайцев, предков современных саха-якутов.

Алтайские урянхайцы, по мнению профессора, относятся к тюркоязычным урянхайцам и этногенетически остаются близкими и родственными к тагну-урянхайцам и ойратам. Центральное место среди огромного количества урянхайских племен, кочевавших на обширной территории, растянувшейся от земель современной Башкирии до Бурятии и Кореи занимали уйгур-урянхи Тувы, называвшие себя «уйгырхэлэтэй, урсыгэртэй», т. е. «уйгуроязычные (тувиноязычные) урянхайцы, живущие в чумах», которые в свою очередь близкородственны к оин-урянхам центральной части Тувы. Из числа современных тувинских родов к их потомкам, по его словам, в основном относятся ойуны (оюны) и родоплеменные группы, проживающие традиционно на территории Улуг-Хемского кожууна, к которым, судя по многообразным источникам, и принадлежит Субедей-багатур.

В работе круглого стола принял участие Мөнгөнхуу Ганболд, доктор наук, профессор кафедры истории Ховдинского государственного университета. Монгольский исследователь в своем выступлении «Субээдэй баатар в протяжной песне алтайских урянхайцев» показал устойчивость исторической памяти алтайских урянхайцев о своих предках — великих военачальниках империи Чин-

гисхана — Дзэлмэ и Субедей-багатуре.

По его словам, до настоящего времени только среди алтайских урянхайцев (бывших хошунов левого крыла) сохранилась протяжная песня «Сундаалингийнногоо» («Зелень Сундаалинга»), в которой упоминаются имена Чингисхана, Дзэлмэ и Субедей-багатура. С указанной песней связана легенда о возникновении широко распространенной среди алтайских урянхайцев стрельбы из лука по мишеням, изготовленным из связанных в шар кожаных ремней. Впервые, как показывает легенда, эта песня была исполнена на пиру Чингисхана, устроенного во время кратковременного отдыха по пути домой из дальнего военного похода на запад, после состязаний в стрельбе из лука. Состязание, изначальной целью которого были отдых и развлечение для уставших воинов и их боевых коней, придумали Дзэлмэ и Субедей по приказу великого кагана. В качестве второго факта из фольклора алтайских урянхайцев, в котором сохранилась историческая память о великих предках, исследователь привел поговорку из шести строк: «На родине в западном Алтае / В накидке из тигровой кожи / В головном уборе из цветков лотоса / Потомки прославленного Дзэлмэ / Одного рода с великим Субээдэем / Горделивые урянхайцы [живут]».

Другой известный монгольский ученый, президент Академии монгольских традиций, профессор Лубсандамбын Дашням специально для круглого стола подготовил доклад «Субедей-багатур в Сокровенном сказании монголов». Профессор полагает, что когда речь идет о временах Чингисхана и создания Великой Монгольской империи и основных действовавших тогда лицах, невозможно обойтись без фактов, изложенных в «Сокровенном сказании монголов», единственного письменного источника, относящегося к XIII в., написание которого было завершено в 1240 г. По мнению монгольского профессора, бесспорно то, что указанное произведение является бесценным и важным источником для изучения истории эпохи Чингисхана, его окружения, в том числе Субедей-багатура.

Как сообщил профессор, анализ фактов, изложенных в тексте «Сокровенного сказания монголов» показывает, что имя Субедей-багатура в одиночном варианте упоминается 25 раз в 13 параграфах. В процессе работы над текстом профессор Дашням обратил внимание на то, что в сказании к собственному имени Субедей-багатура добавляется определение «Чаурхан» и имя «Чаурхан Субедей», упоминается 11 раз в 6 параграфах. На основе вышеуказанных фак-

тов ученый предположил, что упомянутые в тексте Чаурхан и Субедей являются одним лицом. А слово Чаурхан (Чахурхан), по мнению профессора Дашняма, означает почетный титул өргөмжнэр (тув. «өргүттүргенат»), выделяющий его от других как выдающегося воина. Известно, что традиция присуждать подобные почетные звания такие, как «Чаурхан», особо отличившимся военными начальникам и полководцам бытовала у джалаириков и урянхайцев.

Следовательно, заключил монгольский ученый, на основании фактов, изложенных в «Сокровенном сказании монголов», можно дать ответы на вопросы: кто такой Субедей-багатур, кем он был, как он связан с Чингисхааном и в каких отношениях они были друг с другом. Также выясняется каково было его участие в деле создания Великой Монгольской империи, его заслуги, как сам Чингисхан относился к нему, кто входил в состав его тысячи и многое другое.

Профессор Л. Дашням справедливо отметил, что творцом истории не может быть один человек, к тому же невозможно изучить историю великой империи, единожды созданной в мире тюрко-монгольскими племенами, без изучения заслуг, конкретного вклада и сыгранной роли каждого из его создателей, в том числе и Субедея. Он подчеркнул, что тувинским ученым совместно с монгольскими исследователями следует изучать «Сокровенное сказание монголов», тактику и стратегию основателей монгольской империи и государственности, находить моменты, которые могут явиться поводом гордости для будущих поколений.

Ведущий научный сотрудник сектора фольклора Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, кандидат филологических наук З. Б. Самдан в своем выступлении рассказала о том, как интерпретируется образ Субедея творческим коллективом Национального театра Республики Тыва по одноименной пьесе Эдуарда Мижита. Постановка спектакля «Кым сен Субедей маадыр?» («Кто ты, Субедей?») в 1997 г. стала событием в культурной жизни Тувы. Она поделилась своими мыслями о дальнейших путях художественного переосмысления образа Субедея в системе героических образов тувинской словесности: в древнетюркской эпохе — Бильге-каган и Тоньюкук; XIII в. — Чингисхан и Субедей; XVIII в. — Амыр-Санаа и Шыдарбан; XIX в. — Самбажык и Дажима и т. д.

В современном переосмыслении образа Субедея деятелями искусства, считает ученая, перспективно было бы заострить внимание на его происхождение из рода лесных урянхайцев, из семьи кузнеца. Происхождение Субедея из рода небесных кузнецов, связанное с тенгрианско-шаманистскими корнями, с верой в Вечное Синее Небо. По фольклорным сведениям, именно Небо оберегало Субедея всю жизнь во всех его военных походах и помогало ему достойно выполнять высокий долг талантливого полководца и мудрого советника великого Чингисхана. Зоя Баировна призвала деятелей науки и искусства Тувы задуматься над вопросом — какой идеал защитника Отечества нам нужен на

современном этапе и как донести этот идеал до народа? Она поблагодарила творческий коллектив театра во главе с А. К. Ооржаком, принявшими активное участие в работе круглого стола.

О собственно творческом замысле драматурга Эдуарда Мижита рассказала Л. С. Мижит, кандидат филологических наук, ученый секретарь ТИГПИ. Пьеса была написана в 1995 г. с использованием целого пласта исторических материалов, научной и художественной литературы, посвященной эпохе завоеваний Чингисхана, и повествует о жизни и судьбе величайшего полководца. Автор задался вопросом о том, каким человеком был этот исторический персонаж. Послушным и не раздумывающим исполнителем воли Чингисхана, кровожадным и жестоким полководцем, повсюду сеявшим смерть и разорение, или человеком высокой воинской чести и доблести? Драматург создал, считает его супруга, не идеализированный, не умозрительный, а живой образ великого урянхайца-предка тувинцев, образ живого человека со всеми достоинствами и недостатками, во всей его противоречивости и целостности.

С докладом о роли женщин в эпоху Субедей-багатура выступила доктор наук (PhD) У. П. Бичелдей. Ученая напомнила о том, что во времена Субедея главным качеством невесты считалась способность давать мудрые и полезные советы мужу в делах управления. Она полагает, что женщины, начиная со скифских времен, включая периоды государств хунну, сяньби, тобавей, а затем, древнетюркского каганата и заканчивая эпохой алтын-ханов XVII в. н. э. несомненно занимали ведущую роль в социальной жизни общества, в том числе в период становления Великой тюрко-монгольской империи Чингисхана. Мать, жены, дочери и невестки и другие женщины, имеющие отношение к его четырем генералам, в числе которых был и Субедей-багатур, а также остальным приближенным ханам и нойонам, по ее мнению, поддерживали систему управления империей, просуществовавшей еще более 150 лет после кончины Чингисхана.

С интересным и эмоциональным сообщением об истории создания иллюстраций Субедей-багатура к антологии «Урянхай. Тыва дептер» выступила Аракчаа Кара-Кыс Донгаковна, кандидат химических наук, специалист по аржаанам (водным целебным источникам) Тувы, ученый секретарь Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Она напомнила, что во время работы над изданием занималась

поиском иллюстрированного образа полководца Монгольской империи Субедея. В результате нашла два изображения: в романе-эссе Владимира Чивилихина «Память» (китайскую средневековую гравюру) и иллюстрацию Н.Т. Кривога к роману В. Яна «Батый». Хотя, по ее мнению, они не в полной мере отражали внутренний мир и сущность великого полководца-уряньхайца. Поэтому, по ее просьбе тувинский художник Шолбан Маскырович Иргит специально для первого тома антологии подготовил несколько рисунков о Субедее. К раскрытию этого образа художник подошел основательно, изучил литературные источники о великом полководце, особенности военной формы и доспехов времен монгольской империи.

Об организации и проведении художественного конкурса рисунков, посвященного созданию образа Субедей-багатура, рассказал В. Д. Уваннай, помощник депутата Государственной Думы ФС РФ Л. К. Шойгу. Победителем конкурса стал Р. Балган.

Молодой ученый сектора истории ТИГПИ А. А. Асонычев дал краткий обзор боевых действий, в которых военачальник принял участие в течение всей своей жизни. Антон Анатольевич рассказал о карьерное начальника-уряньхайца, прошедшего путь от воина ханской гвардии до главного полководца Монгольской империи. Молодой ученый сделал вывод о том, что одним из основных факторов,

предопределивших успех Субедея, как полководца, помимо природного таланта, была его способность учиться, как у своих союзников, так и противников.

Старший научный сотрудник сектора монголоведения ТИГПИ Л. К. Хертек обратила внимание участников круглого стола на несовпадения некоторых сведений о Субедей-багатуре в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) и хронике династии Юань «Юань ши» (1368–1369 гг.). Несмотря на то, что авторы первоисточников по-разному фиксировали имя отца Субедея в «Сокровенном сказании монголов» — Джачиудай и Хабань (Хабал) — в «Юань ши», образ Субедей-багатура в мифах средневековых источников приобрел устойчивые архетипические черты.

О легендах про Субедей-багатура, когда-то услышанных от своих отца и деда

на тувинском языке, рассказала С. К. Ноябрь, учитель детской школы искусств г. Чадаана. Живой интерес собравшихся вызвали следующие рассказы, приведенные педагогом: «Чедиоолдугава» («Мать семерых сыновей»), «Авазынын суттуг шайы» («Чай с молоком, сваренный матерью»), «Арт кырында дайынчылар оваазы» («Священное место, на перевале, выложенное из камней, в честь воинов»), «Эр кижинин эрттер ужурлуг “бешбергеzi” шылгалдары» («Пять трудностей, которые должен пройти мужчина»), «Эр кижилдыаргалыг, бешмегелиг чораанбе? («Имел ли мужчина шесть мудростей и пять хитростей?»).

Помимо докладов и сообщений вниманию участников круглого стола была представлена презентация «Великий урянхаец Субедей багатур и современное общество», подготовленную научным сотрудником ТИГПИ Н. М. Очур. В ней были собраны мнения пользователей Интернета о Субудее.

Профессор К. А. Бичелдей по итогам круглого стола предложил провести в октябре 2016 г. в Туве международную научную конференцию, посвященную военной тактике и стратегии Субедей-багатура. Он предложил открыть в тувинской науке новое направление научных исследований «субедеведение», а также выразил благодарность всем участникам круглого стола и озвучил проект резолюции, которая была составлена с учетом пожеланий и рекомендаций, прозвучавших в выступлениях.

В положения резолюции вошли следующие положения:

- › Углубить и расширить научные исследования о жизни и деятельности Субедей-багатура, значении его личности в истории и современности (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований);
- › Провести в 2016 г. международную научную конференцию, посвященную жизни и деятельности Субедей-багатура (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований);
- › Перевести книги о Субедей-багатуре, изданные на монгольском языке, на русский и тувинский языки (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований);
- › Поддержать инициативу Главы Республики Тыва и провести конкурс эскизов на изготовление монументального памятника Субедею (Министерство культуры Республики Тыва, инициативная группа);
- › Развернуть работу по пропаганде жизни и деятельности Субедей-багатура (Министерство образования и науки Республики Тыва).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Проект «Субедей». Жизнь замечательных людей [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. URL: <http://tigi.tuva.ru/docs/news/09.12.2015/3.pptx> (дата обращения: 11.11.2015).

Дата поступления: 30.01.2016 г.

Фото Тамары Шой-Сюрюн

REFERENCES

Proekt «Subedei». Zhizn' zamechatel'nykh liudei. *Tuvinskii institut gumanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovani* [online] Available at: <http://tigi.tuva.ru/docs/news/09.12.2015/3.pptx> (access data: 11.11.2015).

Submission date: 30.01.2016

Photo by Tamara Shoi-Syuryun

Библиографическое описание статьи:

Ховалыг Н. К.-К., Шой-Сюрюн Т. М., Донгак К. Н. Круглый стол «Урянхаец Субедей — Великий полководец» (г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/105> (дата обращения: дд.мм.гг.).

Citation:

Hovalyg N. K.-K., Shoi-Syuryun T. M., Dongak K. N. 'Subutai of Uriankhai, a great military commander': A roundtable (Kyzyl, 4 December 2015). *Novye issledovaniia Tuvy*, 2016, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/105> (accessed: ...).

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

<i>Попков Ю. В.</i> Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики	5
<i>Ламажаа Ч. К.</i> Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях	32
<i>Кан В. С.</i> Этносоциальный профиль тувинцев	52
<i>Балакина Г. Ф., Кылгыдай А.-К. Ч.</i> Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике	73
<i>Анайбан З. В.</i> Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии	90
<i>Анжиганова Л. В., Ак-Лама С. М.</i> Мир женщин современной Тувы.....	105
<i>Тарбастаева И. С.</i> Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.)	116
<i>Очирова В. М.</i> Социальное происхождение как механизм формирования политических элит полиэтнических регионов России (на примере Бурятии, Саха (Якутии) и Тувы)	141
<i>Аксютин Ю. М.</i> Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая).....	162
<i>Персидская О. А., Мадюкова С. А.</i> Модель современной этнонациональной политики в Республике Алтай	175
<i>Тезич М. Дж.</i> Концепции этноса, этничности и Ethnicity в научных традициях России и Запада	199

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Самдан З. Б.</i> Трансформация жанров тувинского фольклора (по материалам истории рода кужугетов и публицистики С. К. Шойгу).....	211
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ (СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ)

<i>Ооржак В. О., Балакина Г. Ф.</i> Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, 14–15 октября 2015 г.)	224
<i>Ховалыг Н. К.-К., Шой-Сюрюн Т. М., Донгак К. Н.</i> Круглый стол «Урянхаец Субедей — Великий полководец» (г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.)	232

C O N T E N T S

ETHNICITY AND SOCIETY

<i>Popkov Yu. V.</i> Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice	5
<i>Lamazhaa Ch. K.</i> Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies	32
<i>Kan V. S.</i> Ethnosocial profile of Tuvans	52
<i>Balakina G. F., Kylgydai A.-K. Ch.</i> Ethnic groups in Tuva and their adaptation to market economy	73
<i>Anaiban Z. V.</i> Contemporary ethnodemography of youth in Tuva and Khakassia	90
<i>Anzhiganova L. V., Ak-Lama S. M.</i> Women's world in contemporary Tuva	105
<i>Tarbastaeva I. S.</i> The legal field of ethnic policy in the Republic of Tyva since 1991	116
<i>Ochirova V. M.</i> Social background as a tool in shaping the political elite in Russia's multi-ethnic regions: the cases of Buryatia, Sakha (Yakutia) and Tuva	141
<i>Aksiutin Yu. M.</i> Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: the cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai	162
<i>Persidskaia O. A., Madiukova S. A.</i> The profile of contemporary ethnonational policy in the Republic of Altai	175
<i>Teziç M. C.</i> The concepts of ethnos, ethnichnost' and ethnicity in Russian and Western scholarship	199

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Samdan Z. B.</i> The transformation of the genres of Tuvan folklore (studying the history of the kuzhugets and S. K. Shoigu's essays).....	211
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Oorzhak V. O., Balakina G. F.</i> International research conference "Regional economy: technologies, economy, ecology and infrastructure" (Kyzyl, 14-15 Oct 2015)	224
<i>Hovalyg N. K.-K., Shoi-Syuryun T. M., Dongak K. N.</i> 'Subutai of Uriankhai, a great military commander': A roundtable (Kyzyl, 4 December 2015)	232

«НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ»

Электронный журнал

Главный редактор - Ч. К. Ламажаа

111394, г. Москва,

ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 16.

Московский гуманитарный университет,

Институт фундаментальных и прикладных исследований.

«НИТ» № 2 2016 г. подписан к публикации 21.02.2016 г.

Объем - 15,2 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

www.tuva.asia